

76.024
К 76

ТЮМЕНСКАЯ ПРАВДА *сегодня*

№ 8 (13)

В розницу цена договорная

23 января 1999 года • суббота

...КАК ЭТО «СЛОВО» ОТЗОВЕТСЯ В ДУШЕ ТВОЕЙ...

(по страницам газеты
«Тюменская правда сегодня», 1999 г.)

Литературно-художественный альманах

Тюмень
2013

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--	--

76.024.71
К 16

OF COURTESY

...КАК ЭТО «СЛОВО» ОТЗОВЕТСЯ В ДУШЕ ТВОЕЙ...

(по страницам газеты
«Тюменская правда сегодня», 1999 г.)

Литературно-художественный альманах

138183

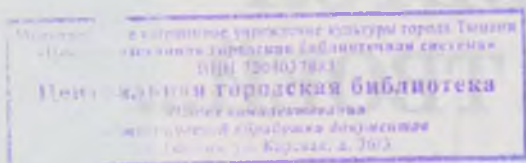
914

Тюмень
2013

УДК 070.19 (571.12) (091)
ББК Ч 602.471.11 (2–4Тюм)
К 16

...Как это «СЛОВО» отзовется в душе твоей... : (по страницам газеты «Тюменская правда сегодня», 1999) : лит.–худож. альм. : [посвящ. памяти ред. лит. страницы «СЛОВО» Ю. А. Мешкову] / сост. Р. И. Мешкова, В. В. Малецкая ; вступ ст. А. Г. Еманова, заключ. ст. Н.Э. Шишкина. – Тюмень, ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. – 144 с.

Издание подготовлено к 75–летию со дня рождения Юрия Анатолевича Мешкова, редактора литературной страницы «СЛОВО» газеты «Тюменская правда сегодня», 1999 г.

Публикуемые материалы разрешены к использованию редакцией газеты «Тюменская область сегодня» – правопреемником газеты «Тюменская правда сегодня» – и предоставлены составителям альманаха Тюменской областной научной библиотекой им. Д.И. Менделеева.

Альманах интересен и полезен студентам, учащимся учебных заведений и всем интересующимся не только краеведческой литературой, но и историей нашей периодической прессы.

ISBN 978-5-9288-0222-6

- © «Тюменская область сегодня», 1999
- © ОАО «Тюменский издательский дом», 2013
- © А.Г. Еманов, В.В. Малецкая, Р.И. Мешкова, Н.Э. Шишкин, 2013

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Конец 90-х годов XX века. Время изменений и перемен. Смена одной социально-экономической системы другой, нестабильность в экономике и политической жизни страны привели к тому, что одни газеты не выдерживали конкуренции и прекращали свое существование («Наше время» и пр.), другие – появлялись и утверждали себя.

Так, 14 октября 1998 года распоряжением Губернатора Тюменской области Л.Ю. Рокецкого создано государственное унитарное предприятие Тюменской области «Тюменское региональное информационное агентство» (ТРИА), генеральным директором которого стал В.С. Горбачев. 28 октября 1998 года в рамках ТРИА была учреждена общественно-политическая газета «Тюменская правда сегодня», и уже 30 октября вышел в свет её первый номер.

Главным редактором газеты был Геннадий Золотухин. В состав ее редакции входили талантливые журналисты, такие как Александр Херсонский, Людмила Никифорова, Светлана Мандрашова, Александр Щецов, Раиса Ковденко и другие.

Впрочем, «Тюменская правда сегодня» просуществовала недолго, поскольку она сосуществовала наряду с газетой «Тюменская правда», тоже выходившей в областном формате, и своим названием вносила путаницу в умы читателей. 19 июня 2002 года она была переименована в «Тюменскую область сегодня».

Летописью исторических событий жизни Тюменского региона и газеты «Тюменская правда сегодня» стала литературная страница «СЛОВО», редактором и составителем которой был Ю.А. Мешков, заслуженный работник высшей школы РФ, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор. Всего вышло 10 номеров газеты с рубрикой «СЛОВО», но это был уникальный проект, который имел определенный общественный резонанс.

Чем интересно было «СЛОВО»?

В первую очередь тщательным отбором к публикации произведений достаточно высокого уровня.

«СЛОВО» отражало своеобразие литературы Тюменского региона. Региональная специфика сказывалась в особом внимании авторов к местной тематике, вопросам развития культурного (литературного) пространства сибирского Зауралья.

Оно давало возможность молодым начинающим авторам найти своего читателя. В то же время оно знакомило с новыми книгами хорошо известных поэтов и прозаиков Тюменской области. Тонкий ценитель русской литературы, Ю.А. Мешков объединил вокруг себя многих тогдашних «молодых», для которых публикация в рубрике «СЛОВО» стала дебютом, и по-отечески напутствовал их в большую Поэзию.

«СЛОВО» отличало жанровое разнообразие представленных авторами материалов. В нем были и заметки о юбилейных памятных датах, и размышления о развитии литературы Тюменского края, и отрывки из прозаических текстов: рассказы, литературные сказы, воспоминания, очерки-портреты, притчи – и, конечно, поэзия.

Раскроем страницы литературно-художественного альманаха «Как это «СЛОВО» отзовется в душе твоей...», войдем в мир «СЛОВА» и увидим, что альманах вобрал воедино богатство, пестроту и разнообразие содержания литературной страницы «СЛОВО» газеты «Тюменская правда сегодня», придав ему целостность восприятия и стройность композиции. Это – не только дань уважения к памяти Мешкова Юрия Анатольевича, но и своеобразный «литературный памятник» нашей прессе сложного периода российской истории на рубеже тысячелетий.

В 2013 году «Тюменская область сегодня» – правопреемник газеты «Тюменская правда сегодня» – отмечает 15-летие своего существования, включая и период с 1998 года по май 2002. И альманах – это и история газеты.

Выражаем сердечную признательность и благодарность за поддержку и помощь в подготовке данного издания директору Тюменской областной научной библиотеки имени Д.И. Менделеева Ольге Борисовне Адамович, генеральному директору общественно-политической газеты «Тюменская область сегодня» Александру Николаевичу Скорбенко, генеральному директору ОАО «Тюменский издательский дом» Ивану Филипповичу Кнапику.

РОССЫПЬ СЛОВЕСНОГО ЖЕМЧУГА

«В Тюмени есть литература?» – вопрос, который всемирная паутина выводила на первые строки еще несколько лет назад в самой мощной поисковой системе google при попытке отыскать что-либо по запросу «литература Тюмени». Трудно определить, чего в нем больше – неведения иностранца, вступающего в пространство terra incognita, или столичного снобизма, считающего недолитературой все писания, выходящие за пределами Москвы... Или еще тот же вопрос, но лично ориентированный: «В Тюмени есть писатели?» И подразумеваемый ответ: «Писатели есть, литературы нет»...

Литературная страница Юрия Анатольевича Мешкова в газете «Тюменская правда сегодня» снимает эти недоумения, помещая эксерсисы тюменских мастеров слова в самых разнообразных формах словесного творчества – поэзия, проза, литературная критика, эссеистика, дневники, воспоминания, истории, словари, переводы и рядом провоцирующие литературные мистификации, анекдоты, римейки, аллюзии... Чего стоят только перелицованные под образность XXI века строки пушкинского «Евгения Онегина», созданные гимназистами, или анекдоты об Александре Пушкине...

Всякий раз в общение вводятся все новые и новые лица. Это – и маститые писатели, и поэты, легко узнаваемые по особому слогу, индивидуальной ритмике, и здесь же – юные дебютанты, еще не перешагнувшие ученической стези, делающие первые робкие шаги в мире словесности. Читателю вновь предоставляется возможность встретиться с творчеством необыкновенно талантливому тюменского поэта Николая Шамсутдинова, заслуженного работника культуры Российской Федерации, лауреата международной поэтической премии имени М. Волошина, лауреата Государственной премии имени М. Горького РСФСР, автора 24 книг стихов, 4 книг переводов, стихи которого переводились на десятки языков народов мира; открывается случай прикоснуться к произведениям незаурядного тюменского прозаика Зота Тоболкина, лауреата всероссийских и региональных литературных премий, пьесы которого ставятся на театральных сценах столиц, по сценариям которого снимаются фильмы, известные в России и за рубежом; дается шанс не пройти мимо творений самобытного поэта Андрея Тарханова, лауреата всероссийской поэтической премии имени А. Твардовского и множества региональных литературных премий, автора 18 поэтических книг, стихи которого перелагаются на различные языки Запада и Востока. И здесь же перед взором читателя встают стихи Натальи Сергеевой и проза Марии Хамзиной, тогдашних студенток филологического факультета Тюменского университета, а сегодня активных литераторов, ведущих свои журналы и литературные страницы в Интернете... Здесь можно видеть великолепно выстроенные интеллектуальные

изыски литературоведов Тюменского университета Людмилы Крениной, рано покинувшей сей мир; Николая Шишкина, кандидата филологических наук, доцента, и др.

А дирижером всего этого бурно вращающегося континуума литераторов был Юрий Анатольевич Мешков, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, заведовавший кафедрой русской литературы Тюменского государственного университета (1995-1999), директор Научно-исследовательского института региональных энциклопедий (2000-2004), литературный редактор энциклопедий «Югория», «Ямал» и «Большой Тюменской энциклопедии». Он сам был несравненным ценителем слова, умел видеть в нем самые разные смыслы и оттенки, не боялся экспериментирования с его содержанием, любил как серьезные изыскания о русской словесности, так и ироничные, пародирующие упражнения в словесной форме нового XXI века.

В любом случае, то, что было собрано Юрием Анатольевичем под рубрикой литературной страницы в региональной газете, сегодня представляется как бесценная россыпь жемчуга, принадлежащая всем нам.

*К 75-летию со дня рождения
Юрия Анатольевича Мешкова*

«СЛОВО» – так мы назвали нашу литературную страницу в газете «Тюменская правда сегодня». Не буду загадывать, какой она станет. Скажу только, что она открыта поэтам и прозаикам, критикам и публицистам, чье слово служит идеалам добра и справедливости, мира и спокойствия.

Да, время трудное. Оно баррикадно сталкивает нас каждый день. И вот уже злоба дня стала чуть ли не смыслом жизни. А ведь как никогда мир ждет слова, которое дойдет до сердец и согреет души.

В год 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина особенно актуальна мысль его о том, что слово поэта уже суть его дела... Как редактор страницы я буду стремиться к тому, чтобы «СЛОВО» вас не разочаровало. У вас же прошу терпения и внимания.

*Юрий Мешков,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русской литературы
Тюменского государственного университета,
член Союза писателей России*

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Юрий Анатольев

С ИМЕНЕМ ПУШКИНА...

6 июня 1999 года мы будем отмечать 200-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Имя Пушкина у всех на слуху. Оно приходит к нам в детстве, закрепляется в школьные годы, сопровождает нас по жизни и воспринимается как неременная составляющая той духовной атмосферы, в которой нам и дано существовать. Данность Пушкина столь органична, что и мысли не приходит, что его вдруг не будет.

Имя Пушкина, как ни одно другое, сопрягает в себе наше прошлое, настоящее и будущее. Он, по образному определению Сергея Есенина, – «русской стал судьбой». Всякое было и будет в нашей судьбе. Имя Пушкина как бы отслаивает и отодвигает в сторону то, что горчит русскую судьбу, и являет в ней светлое, порывисто

радостное, духоподъемное. Имя Пушкина – наша надежда, наше упование на неизбежное торжество добра и справедливости.

Вчитываемся в достаточно известное, хрестоматийное его стихотворение «К Чаадаеву». Оно глубоко задушевно и искренне. Оно – автобиографично. Перед нами духовный автопортрет. Да, оно конкретно и в адресате послания, в этапе пушкинских раздумий о смысле жизни. Но «я» лирического стихотворения объективировано всегда ответным, читательским «я». Впрочем, здесь даже не «я», здесь «мы», то есть прямое соединение судьбы «я» и каждого из нас.

У судьбы есть прошлое. Есть оно и в пушкинском послании:

*Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман.*

Обратите внимание: это именно прошлое. И оно в глаголах прошедшего времени «нежил», «исчезли». Прошлое – это наши детство и отрочество, наши порывы, наша тепличность, когда мир мечты старательно оберегают от реальности суровые родители и власть над ними, не только родительскую, имеющие.

Но вот входим мы в пору юности. Реальность трезвит нас, а надежда все еще манит.

*Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.*

Нет-нет, настоящее не в этом, точнее, не только в этом. Мы вступаем в зрелость. Мы решаем, а что же станет содержанием ее, что станет содержанием нашей судьбы. И посмотрите, как в этом пушкинском послании глаголы настоящего времени сменяются глаголами будущего, и Пушкин определяет, чем наше настоящее прорастает в будущее:

*Пока свободу горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

Наше настоящее прорастает в будущее верой. И пушкинская вера, пушкинское будущее побудительно: «посвятим», а тут же «верь». Поэт побуждает к вере, но к вере деятельной.

Не этим ли живем?

Не в этом ли и наша судьба?

А Пушкин, как следует из ранее приведенного есенинского определения, – «русской стал судьбой».

Мое интерпретационное прочтение пушкинского послания «К Чаадаеву» читатель, возможно, оспорит. Но глагольная лексика стихотворения сопрягает в миг соприкосновения с пушкинским текстом прошлое, настоящее и будущее. Это сопряжение времен, этой связующей нитью времен и является Пушкин.

Впрочем, вспомним, что Марина Цветаева свою статью о великом поэте назвала «Мой Пушкин». Это вызвало нарекания. Но ведь мы, право же, не колоннами, поротно, а каждой отдельно и по-своему приходим к Пушкину...

Ручейки, сбегаясь, образуют речку, а речки, соединяясь, делают реку. К великой реке не каждый ручей и дотечет. Но судьба его – быть хоть капелькой, но всё же быть там, в водах великой реки.

И нам каждому, со своей судьбой, но быть штрихом судьбы народа и России. Ручеёк, пробежав свое, растворился. Но бежал-то он туда, к великой реке. Она притяжением своим сотни, тысячи и миллионы ручейков системно объединяет одной судьбой.

А Пушкин – и я в третий раз вспоминаю слова Есенина – «русской стал судьбой».

Правда, задолго до него Николай Гоголь эту же мысль выразил в словах:

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

Благоговейно произнося имя Пушкина, мы откликом хотим слышать себя таковыми, какими мы есть перед лицом добра и совершенства. Увидеть себя таковыми нам помогает Пушкин.

ЭПОХА ГЕРОЕВ ИВАНА ЕРМАКОВА

27 января исполнилось 75 лет со дня рождения
Ивана Михайловича Ермакова (1924-1974)

Иван Михайлович Ермаков – удивительно самобытный талант, писатель, чье творчество связано с почвой народной жизни, с народным словом так неразрывно, что остается только удивляться, как это стало возможным в наш обезличенный, загроможденный стандартами век.

Во всем он был необычен. Писал прозу, но писал ее так, как пишут стихи поэты. В прозе его столько интуитивного, такая экспрессия и новизна, неожиданность – в каждой строчке буквально сталкиваешься с поразительными поэтическими открытиями.

Можно с уверенностью сказать, что стиль сказов Ермакова есть стихия, близкая к совершенству, мир, представляющий перед нами в ярком ослепительном великолепии древнего метафорического многоголосия. Способ сказывания в произведениях писателя напрямую связан с манерой исполнения народных сказителей. Дед и мать Ивана Михайловича отличались умением ярко и образно говорить, создавать атмосферу единения со слушателем, поглощенным не только тем, о чем говорится, а и тем, как говорится.

Да и сказ – штука-то не простая и не случайная в творчестве Ермакова. С одной стороны, сказ близок к народным истокам творчества писателя. С другой – одаренная поэтическая натура Ивана Михайловича настолько колоритна, многозвучна, что не может не отразиться в повествовании. Более того, автор, который как бы переодевается в рассказчика, в силу своего удивительного умения слова рассыпать да плести из них узоры замысловатые, часто ста-

Репродукция В. Турбина с графического портрета работы художника Э.К. Кобелева

новится главной фигурой в сказе, оттесняя на второй план героев и перипетии сюжета.

Ермаковский рассказчик – бывалый мужичок, который иногда «травит» уморительные байки, умело пересыпая их анекдотами, вызывает невольную улыбку на самых суровых лицах, но иногда поднимается до таких высот, до такой патетики, что вышибает слезу из каменных сердец.

Лирическое начало у Ермакова столь сильно, столь пронзительно, что в результате появляются особые формы сказа, такие как «Память», «Голубая стрекоза», более напоминающие лирические монологи.

Творчество Ивана Михайловича Ермакова приходится на эпоху торжества коммунистической идеи. Совсем недавно повержен и растоптан страшный враг – фашистская Германия. Народное хозяйство в короткий срок восстановлено. В стране обозначились определенные сдвиги к лучшему, стало расти благосостояние населения. Советский Союз превратился в сверхдержаву, имеющую возможность влиять на ход мировой истории. И автор, и рассказчик, и герои в сказах Ермакова – носители коммунистической идеи, которая в этот период, после обещаний Хрущева к 1980 году построить коммунизм, приобретает радужный, утопический оттенок. Кроме того, нужно отметить, что данная идеология, откинув все лишнее, чужеродное к этому времени адаптировалась к русской почве и рассматривалась населением в качестве одного из вариантов народной идеи жизни, воплощением мечты о праведном царстве. Поэтому и в сказах Ермакова идеологическое тонет, растворяется в народном, и автор, и рассказчик, и герои ощущают коммунистическую идею как некую мировоззренческую константу.

И упрекать, как это делает А.И. Солженицын, в неискренности, в двуличности старшее поколение писателей, воспевающих коммунизм, было бы предвзято, несправедливо и необъективно.

Во-первых, искренность их была проверена огнем и смертью на фронтах Великой Отечественной, где тот же Иван Михайлович Ермаков досыта хлебнул военного лиха. Герои «Солдатских сказов» – главные его свидетели, а по большому счету – и судьи, перед которыми и держит ответ писатель.

Во-вторых, писатель может быть творцом реальности, созданной не только на основе жизненных впечатлений, но и на основе идеальных представлений о мире, писать не только о том, какова жизнь, но и о том, какой она видится ему в мечтах.

Так творили во все века. Ломоносов, Державин прославляли в своих одах русских императриц, живущих по довольно-таки вольным правилам. Но они рисовали не столько конкретные образы Елизаветы или Екатерины, а показывали, каким должен быть

идеальный монарх. И звучало это не как лесть, а как жестокое требование соответствовать идеалу.

Вера в возможность построения просвещенной монархии точно так же воодушевляла людей, как и вера в возможность построения коммунизма. Эта вера заставляла придумывать некие идеальные схемы, которые, как казалось, вполне возможны на Земле, стоит лишь человечеству совершить некое нравственное усилие – избавиться от пороков и стать лучше.

Мифологизация советской реальности, показ идеального героя в идеальных обстоятельствах – вот те основные внутренние задачи, которые сознательно или бессознательно (этого уже никто не знает) ставил в своем творчестве писатель Иван Михайлович Ермаков.

Тематика сказов касается наиболее важных этапов в жизни Советского государства: революции, эпохи зарождения, создания нового мира, Великой Отечественной войны, времени испытания на прочность социалистического строя, послевоенного строительства, эпохи торжества, утверждения идеи своеобразного предкоммунизма, от которого до праведного царства – до рая на земле – рукой подать.

По делам – и герои. Герои сказов Ермакова – эпические богатыри: и физически, и духовно (Мамонт Котов из «Богини в шинели», Константин Гуселетов из «Кости-египтянина»). Даже когда их внешний вид явно контрастирует с представлениями о богатырстве (Аркадий Корнилов из «Сибирского клиента», Берестышко из «Голубой стрекозы», Савостьяк Горошек из «Стоит меж лесов деревенька»), они совершают подвиги: военные, или трудовые, или нравственные.

Подвиг – это стихия жизни героя; герой не может не совершать подвиги: само существование страны, поставившей в качестве сверхзадачи создание рая на земле, – явление экстраординарное и требующее сверхусилий от всего общества.

Антигерои (Карлушка из «Богини в шинели», Филька Казенный Нос из «Голубой стрекозы», Захарка Бадрызлов из «Стоит меж лесов деревенька») достойны не более чем осмеяния, по этой причине конфликт как организующее начало сюжета ослаблен: зло почти полностью посрамлено, уничтожено, и даже смерть героя показана не через призму трагического, а как утверждение, торжество положительных начал мира.

Мажорное звучание большинства трагических финалов знаменует победу добра над злом, нравственного над безнравственным, высокого над низким. В сказах Ермакова мы видим эпоху торжества разума – утопическую модель настоящего, отражающую последнюю в нашей истории попытку рационалистического переустройства мира. Советская реальность представлена на грани бесконфликтности, в момент зарождения новой, высшей организации общества.

По этой же причине отсутствует внутренний конфликт – положительный герой Ермакова внутренне завершен, целостен и не способен на низкие поступки. Целостность, завершенность героя на фоне совершенного мироустройства порождают монументальность, величественность.

Идеальный мир в сказах – прежде всего деревенский. Деревня – колыбель русского народа, хранилище его ценностей. Это средоточие русской культуры, по преимуществу не материальной, а духовной.

Те драгоценные качества, которыми так богато одарены герои Ивана Михайловича, есть не результат развития и совершенствования личностей, а глубочайшая традиция, то, чем каждый рожденный одаривается с первых дней своего существования.

Отказ от данных тебе в наследство ценностей воспринимается как духовное уродство, убожество. Мир деревни к таким духовным калекам терпелив, но нетерпим к порокам, разъедающим души.

Красота, щедро разлитая в природе, внешняя и внутренняя красота людей создают особую атмосферу, в которой немислимо примиренческое отношение ко злу. Ничто не забывается, ничто не прощается: совершивший низкий, подлый поступок расплачивается сам, и по его счетам платят потомки.

Память о добре неистребима, как летопись Стратоныча («Стоит меж лесов деревенька»), память неподкупна, и всякое деяние будет освещено в ней светом истины.

Неистребима и память о зле, как «свирепый хрен» на родовом бадрызловском огороде: побаловались братья-близнецы, посмеялись над беззащитным глухонемым Евдокимом Гороховым, а память об их подлости с обильным потом истребляют, но не могут истребить, казалось бы, ни в чем не повинные потомки.

Память живет в делах, как в сказах «Дымково бессмертие», «Соколкова бригада», память живет в сердцах; и самая глубокая борозда ее – это память о погибших на войне.

Память для Ермакова не только лейтмотив творчества, но и стержень, центральная категория нравственности. Миф о настоящем творится во имя памяти, миф – это и есть память, возведенная в бессмертие.

Уход от беспамятства, от отрицания своих корней чрезвычайно важен. И трудно сказать, чего больше в ермаковской утопии – или представлений о коммунизме, или вековой нравственной и духовной традиции русского мира.

Народная правда, помноженная на удивительное чувство слова, создает ту весомость, значимость произведений писателя, которую не способны изменить никакие идеологические коллизии. Все пройдет, а истинное слово и слово истины останутся.

«ПУШКИН ЧЕРЕЗ ДВА СТОЛЕТИЯ»

– так называется областной конкурс творческих работ читателей юношеского возраста и руководителей юношеского чтения. Его проводят Тюменская областная научная и областная детская библиотеки.

– И не только конкурс, – пояснил нашему корреспонденту директор ТОНБ А.М. Марласов. – Еще весной прошлого года, вскоре после соответствующего Указа Президента Российской Федерации, был нами разработан единый координационный план мероприятий библиотек области к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Он уже реализуется. Можно говорить о ряде выставок, библиографических и методических разработках, информационных бюллетенях, практикумах и семинарах с библиотекарями. Среди этих мероприятий и творческий конкурс.

Итоги конкурса «Пушкин через два столетия» мы подведем уже в конце марта 1999 года. Будет развернута выставка, где представим и живописно-графические работы, и предметы декоративно-прикладного характера, прозвучат аудиопрограммы участников конкурса и т.д. Мы стремились, в первую очередь, активизировать чтение детьми и юношами произведений А.С. Пушкина, чтение творческое. Что скрывать, многим почему-то кажется, что кого-кого, а Пушкина они знают, но самого-то Пушкина, к сожалению, или не читают, или читают мало. Обращение к Пушкину ориентирует молодых людей на истинные духовные ценности, дает образцы нравственно-эстетической культуры. Эти цели мы тоже имели в виду, когда объявляли конкурс.

Сейчас завершился первый этап творческого конкурса. На втором этапе подводим итоги на уровне области, а с 23 по 27 марта 1999 года пригласим победителей в Тюмень, назовем их...

Беседовал Н. Азов

НОВЫЕ СТИХИ

• • •

*Я – стихия природы летучей.
В путь позвали меня облака.
Позвала искрометная туча –
Я твоя грозовая строка.
Улыбается туча – за нами
Полетишь, одинокость любя.
Не расстраивай только речами,
Коль забуду в пути про тебя.
Но зато ты познаешь свободу.
Страсти радуг, жестокость
орла,
И коварство красивого грота,
И слезу на обломке весла.
И не надо мне лишних вопросов,
Без сомнений лети и плыви...
Замелькали селенья и плесы,
Закружило в случайной любви.
Я однажды проснулся под вечер
От укора знобящей души.
Горько пел за окошками ветер.
Люди, где вы?! Куда вы ушли?!
Ради вас я летел с облаками
И касался угрюмых вершин.
Я по свету летал за стихами,
Потому и остался один.*

Андрей Тарханов

**Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.**

А. Блок

*А в Леушах идут дожди.
За речкой Павой море грязи.
И не проехать, не пройти.
Один эфир живет для связи.
И каждый чувствует душой –
На свете он сегодня лишний.
За пеленою дождевой
Он шепчет: «Смилуйся,
Всевышний...»*

*Услышал наши стоны Бог:
Пронесся в небе ветер свежий.
Открыв нам голубой клочок
И озарив улыбкой нежной.
И в чудотворный этот миг
У всех унылых и бесстрастных
Вдруг появился гордый лик, –
Дорогу дай лучам, ненастье!*

Юрий Мешков

ПУШКИНСКАЯ ЗИМА

Художник Г. Токаев "Зимка". Фоторепродукция В. Турбина

В нашей любви к Пушкину – не только восхищение его поэзией, но и через его поэзию прикосновение к судьбе и тайне русской духовности, к тем чертам национального бытия, которые не всегда словом и выразишь. Мы понимаем и принимаем пушкинский поэтический мир не логически, все рассу-

дочно анализируя и объясняя, а скорее чувством, сердечным пониманием. Эту мысль и хочу подтвердить обращением к его стихам о зиме.

Зима не вызывала у Пушкина восторгов: «полгода снег да снег, ведь это наконец и жителю берлоги Медведю надоест...». И в другом стихотворении

*В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.*

Хрестоматийное стихотворение «Бесы» тревожно. И это тревожное предчувствие беды навеяно зимней непогодой:

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!*

Пушкин любил осень, поэтизировал ее. Но и в его стихах о зиме открывается чуткому и памятьливому сердцу нечто бесконечно родное.

Безбрежное однообразие заснеженной русской равнины вызывает не только чувства зимнего одиночества, холода. Зима детски па-

мятна и душевно дорога. Дорога и памятна теплыми бабушкиными сказками и зимними забавами. Памятна неожиданной новизной. Вот читаем мы «Евгения Онегина», доходим до пятой главы, и на второй ее строфе замирает сердце от встреч с тем, что сам ты, может быть, и не пережил, но к чему ты был прикосновенен:

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж отморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...*

Не с нами ли все это было? Похоже... А если и не было, то могло быть, ибо это и есть то, без чего нас, русских, и нет.

И на теплой сердечной волне очень родного входит в читательское сознание пушкинское «Зимнее утро».

*Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры...*

И далее, несколькими строками ниже, идет строфа неизъяснимо сердечная, поднимающая в душе нашей волну признательности поэту, словом выразившего то, что каждый из нас хранит в себе:

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

Зимнее пространство в пушкинской лирике организовано мотивом близкого, сердцу милого счастья. Вот в стихотворении «Зимняя дорога» открывается однообразный мир, утомительный и тоскливый. Но это один полюс. И рядом другой, во имя которого герой стихотворения отправляется в путь, сквозь дрему слушает песню ямщика и однообразный звон колокольчика. В середине стихотворения вдруг перепад настроения, захватывающее чувство грядущей встречи, грядущего счастья, тепла, сокровения:

*Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.*

Это мелькнуло, поманило и..., и снова созерцание безжизненных белых просторов.

А стихотворение западает, западает дыханием судьбы: путь бесконечен, и, право же, будет за него награда.

Прикосновение к пушкинскому стиху есть прикосновение к чему-то родному, бесконечно знакомому. Бодрой свежестью и избытком молодых сил веет от «Зимнего утра». Детали быта, запечатленного в этом стихотворении, подчеркнута прозаичны: «кобылка бурая», «лежанка». Но открывается знакомый мир. И над всем царит ощущение родства с окружающим миром и другой человеческой душой.

Полнота и поэзия бытия открываются нам в пушкинских стихах о зиме. Открывается поэзия русского мира в его природных и вечных основах. А они для времени неуязвимы. И тем неуязвим для времени А.С. Пушкин.

Таланты

РАСТЕМ, БРАТЦЫ!..

Сергей Шумский, ответственный секретарь Тюменской писательской организации, размышляет о семинарах молодых литераторов.

Вот уже тридцать пять лет Тюменская областная писательская организация проводит ежегодные семинары молодых литераторов. В Тюмень со всей нашей необъятной области съезжаются на несколько дней профессиональные писатели и начинающие поэты, прозаики. Резонанс от этих мероприятий большой: проходят обсуждения и разбор произведений молодых по секциям, проводятся литературные вечера в больших залах города, выступления и встречи в коллективах.

В нашей организации, можно сказать, сложилась своя школа в проведении семинаров и отношении к молодым дарованиям – ее закладывал основатель организации, известный наш прозаик Константин Лагунов. Для многих из нас, кто прошел эту школу в 70-80-х годах, на всю жизнь запомнились также взыскательные и доброжелательные суждения ушедших из жизни мастеров слова И. Ермакова, В. Николаева, Г. Сазонова. Они умели создавать атмосферу теплоты и внимания к молодым и умели замечать и приращивать тех, в ком теплилась искра Божья.

Традицией можно считать и плодотворное начало, которое зародилось у нас всего три года назад – обсуждать не только рукописи, но и книги. Сразу хочется оговориться, что их, книг, выходит

нынче немало. И немало, к сожалению, откровенно слабых, часто без выходных данных, плохо оформленных и без редактирования.

Недавним распоряжением губернатора области учреждена новая издательская структура – «Тюменский издательский дом». Хочется верить, что этот издательский центр объединит государственные и предпринимательские инициативы, упорядочит издательское дело в области, вернет утраченный институт редактора.

Главное внимание на семинарах при обсуждении книг уделяется уровню их содержания: художественно это или находится за пределами литературного творчества – вот основное требование. И тут рукописный и книжный поток, который был пропущен через сито семинаров, проходил с нашей помощью и участием, набирал в итоге качество в содержании и форме.

Например, в Надыме в результате наших взаимных усилий разросся целый приполярный литературный оазис, где на сегодня при ДК «Прометей» действует литературное объединение, насчитывающее более тридцати человек пишущих. Выросли здесь за последние четыре-пять лет интересные поэты и прозаики, а именно, шесть профессионалов, членов Союза писателей России: Людмила Ефремова, руководитель литобъединения; Алевтина Сержантова, Валерий Мартынов, Махмут Абдулин, Юрий Басков и Анатолии Молоканов.

В Тобольске семинар также дал хорошие плоды: приняты в Союз талантливые писатели – прозаик Вячеслав Софронов и драматург Виктор Сеницын.

В Тюмени плодотворно трудятся и издают книги интересные поэты Виктор Захарченко и Михаил Федосеев.

Таким образом, благодаря семинарам областная писательская организация за эти годы количественно удвоилась, и сейчас в ней состоят на учете тридцать два профессиональных писателя.

Объективности ради надо отметить, что нам не всегда удается проводить зональные семинары и совещания, в основном – из-за нехватки средств и по нашей нерасторопности, а литобъединения в области действуют практически только в Надыме, Тобольске, Белоярске и Ишиме. Хотелось, чтобы они были в каждом городе, чтобы «Зеленая лампа» радовала поэтический слух.

В последние два года, несмотря на безденежье, количество участников семинаров не уменьшилось, а, наоборот, возросло. На прошедший семинар в начале декабря 1998 года из Тобольска приехали одиннадцать человек, из Белоярска – восемь, всего собралось более пятидесяти участников, еле их уместил второй этаж особняка Дома писателей. В зале городской администрации был проведен большой литературный вечер, посвященный 35-летию писательской организации, которая ни на один год не прерывала эти литературные праздники.

А итог самого семинара – собрание писателей области благословило на прием в Союз писателей России поэтов Татьяну Теневу из Белоярска, Веру Худякову из Исетска и прозаиков Юрия Переплеткина и Виктора Строгальщикова из Тюмени за их содержательные, талантливые книги.

И это интересное и нужное всем мероприятие проведено с помощью и при поддержке областной администрации, а также администраций Ханты-Мансийского автономного округа, Надыма, Белоярска, Тобольска, Ишима, различных предприятий и деловых структур Сургута, Нижневартовска и других городов и весей нашего необъятного края.

Рассказ

Зот Тоболкин

ВСТРЕЧА

1

Выйдя в отставку, Иван Андреевич Гирия скоро затосковал и стал подыскивать работу. Его назначили начальником отдела снабжения на радиозавод, а неделей позже директор вызвал к себе и велел собраться в дальнюю командировку.

– Ялуторовск? – Гирия недовольно свел угольные щетинистые брови, протестуяще шевельнул широкими ноздрями массивного носа, но армейская привычка беспрекословно подчиняться победила.

В последние годы службы он никуда не выезжал из Львова. А тут – гражданка, и в первую же неделю поезжай черт-те куда. – Ялуторовск?..

– Угу. Проветритесь малость. Это недалеко, часов шесть-семь лету, – усмехнулся директор. – Не бывали там?

– Не довелось, – мрачно ответил Гирия.

– Без леса не возвращайтесь. Проявите там всю вашу находчивость.

– Благодарю за доверие, – буркнул Гирия. И на следующее утро вылетел с первым рейсом.

После цветущего чистого Львова захолустный городишко произвел на него удручающее впечатление. К тому же местная гостиница была на ремонте, и это окончательно настроило Гирию на брюзгливый лад. По рекомендации комбинатского начальства он поселился у вахтерши с проходной, Домны Власьевны.

– Ну-к чо, – приветливо приняла его хозяйка, пожилая, лет пятидесяти женщина с круглым, почти без морщин лицом. – Места хватит. Ко мне завсё приезжих подсылают.

– Мужа, должно быть, похоронили? – все еще не обретя ровного настроения, вежливо, однако без всякого интереса, вступил в беседу Гирия.

– Кабы я, а то чужи люди... Хоть бы могилку сыскать. Командир токо-то и прописал: погиб, дескать...

– Я сам воевал, знаю.

– Он бы, командир-от, не писал всякие-разные слова: «смертью храбрых» и так далее. Он бы написал токо: похоронен там-то. И все.

– Можно навести справки через Министерство обороны, если известен номер полевой почты.

– Я уж кучилась тут одному...

– Ну и каков ответ?

– Вот и главно, что не дошло до ответа...

– Так одна и живете?

– Пошто? Нет, сынок у меня. В офицера вышел. В Киеве служит, на Украине.

– Я ведь тоже с Украины, из Львова.

– Гляди-ка ты! Надо же так! – Домна Власьевна стала еще приветливей и захопотала с ужином. – А может, соберусь к сынку-то. Давно зовет, да боязно одной. По доброй воле сроду не выезжала дале Ялуторовска.

– А чего бояться? – Я вот к вам за семь часов добрался. Сел в самолет и – лети себе.

Ужин меж тем был готов. Домна Власьевна приставила к шаткому под клетчатой клеенкой столу табуретки и вежливо пригласила гостя откусать. Сняв платок, села сама. Без платка она выглядела моложе. Может быть, ее молодили яркие синие глаза и темно-русые густые волосы, туго затянутые на затылке в узел. Гирия слушал ее теплый, приглушенный голос и думал о том, что эта женщина с неудавшейся судьбой могла, наверно, принести много счастья своему мужу.

– Вы что же, и замуж больше не выходили? – спросил Гирия, прикинув про себя, что они с Домной Власьевной, пожалуй, ровесники.

– Где там! – отмахнулась женщина и, ничуть не дрогнув голосом, с той же, с прежней легкостью, точно речь шла о чем-то обыденном, коротко поведала ему свою жизнь. – Поначалу Петю ждала, потом сына растила, пока в тюрьму не попала...

– Как – в тюрьму?

– Да так, по глупости по своей бабьей. Был у нас начальник какот из области, лекцию читал про междунароудну политику. То у него хорошо, это ладно. Я возьми да и выскажись: «Ежели хлеб из мякины едим, и это хорошо, дак чо плохо тогда?» Приезжий-то тонный мужичок оказался, ну и всплыл на меня, во вражецкой агитации обвинил.

– Дальше-то что?

– Дальше – известно дело... Воротилась домой через семь годов, сына из детского дома выручила и – сюда. Муторно стало в родной деревне, да и избу мою разорили. Теперь вот живу тут, сама зарабатываю нехудо, и сын ишо помогает... Жить можно.

– Славная ты моя! – Гиря с трудом сглотнул комок в горле и, взяв большую тяжелую руку хозяйки, растроганно поцеловал ее где-то между двух выпуклых синих жилок. – Славная...

– Ты чо это? – отдернула руку Домна Власьевна. – Ежели похуду – дак из головы выбрось. Старая я...

– Я не за тем... Я благодарил вас, такую сильную, добрую, – смутившись, бессвязно бормотал Гиря, и было странно видеть ребячливо смущенным этого сухого, привыкшего повелевать и подчиняться, властного человека.

2

Против ожиданий, уже через день, часам к пяти, Гиря отправил во Львов вагон с лесом. Радуюсь своей удаче, он наскоро пообедал в комбинатской столовой и прошелся по городу, рассчитав, что до отхода поезда успеет зайти к Домне Власьевне.

– У меня все в порядке. Уже вагон отправил, – собирая чемодан, поделился он своей удачей. Ему стало чуть-чуть грустно оттого, что сейчас они расстанутся с этой милой женщиной и больше уж никогда не увидятся.

– Скоро ты управился! А я усчитывала – вместе поедем... через неделю. Заявление на отпуск подала. Видно, сына теперь ждать придется. Одна не решусь ехать.

– Будете на Украине – ко мне заглядывайте. Встречу с радостью. Вот адресок.

– Фамиль не разберу чо-то, – медленно прочитывая наспех набросанный адрес, сказала Домна Власьевна.

– Гиря. Иван Андреевич. Заезжайте.

– Гиря? Погоди маленько. У меня письмецо хранится. Тоже Гиря писал. Не ты ли? – она торопливо достала из сундука, обитого узорной жестью, сверток и вынула из него письмо.

– Вот оно. Ага, вот.

«Уважаемая товарищ Тетеркина.

С великой болью пишу вам эти строки, – читал Гиря, узнавая свой почерк. Теперь он вспомнил, откуда в его памяти выявилось название этого городка. – Ваш муж, Петр Алексеевич Тетеркин, пал смертью храбрых. Мы, его боевые товарищи, просим Вас мужественно пережить эту печальную утрату...». Вот оно что!

Гиря был тогда двадцатилетним лейтенантом и впервые убил человека – не врага. Он имел на это право, но мог не воспользоваться им.

– Ну-к чо, руку-то свою не признал?

– Не-ет, – растерянно солгал Гиря, – не признал.

– А я уж обрадовалась. Вот, думаю, хоть один человек отыскался, который все про Петрушу расскажет. Может, все-таки ты? Вспоминай получше. Я тебе щас карточку его покажу.

Домна Власьевна, волнуясь и торопясь, сорвала со стены в другой комнате большую рамку, в центре которой, среди множества прочих фотографий, был большой портрет ее мужа. От резкого движения жестяные прижимы отогнулись, стекло выпало и разбилось. Разбилось стекло, и под осколками, под пыльными снимками затерялось лицо человека, которое Гирия менее всего желал сейчас видеть. Он с ужасом ждал мгновения, в которое должен будет взглянуть в это щекастое, юношеское лицо. Он помнил это лицо, изломанное стыдом, болью, страхом. Солдат увидел перед собой смерть, осознал ее и испугался не столько самой смерти, сколько позора, которым будет покрыто его имя. Он отстал во время атаки и, зажав пальцами уши, оглушенный, ослепленный, остался лежать на месте. Атака заглохла, и бойцы отступили, оставив позади убитых.

– Вставай, – стараясь, чтобы его никто не слышал, тряс Тетеркина немолодой отделенный. – Вставай, чего разлегся? Привыкать надо.

– Мерзавец! Трус! – истерично закричал Гирия и ударил солдата по щеке. Он и сам еще не привык к атакам, еще не научился скрывать свой страх, но, видя насмешливую улыбку пожилого отделенного, самолюбиво вставал и шел, стараясь не кланяться пулям. Теперь он был разозлен неудачной атакой, томим стыдом за обнаруженный страх и кричал и дрался с таким же напуганным, молодым, но более простодушным человеком, не стесняясь подчиненных.

– Если ты и сейчас струсил – застрелю, как собаку! Вперед! – он подтолкнул Тетеркина пистолетом в спину.

Солдат бежал, прибавляя шаг, наконец оторвался от Гирия, и тот в горячке забыл о нем, а когда вспомнил, то опять увидел Тетеркина сзади. Вот солдат остановился, вот пал на колени, вот, кажется, собирается залечь, заткнуть уши, закрыть глаза.

– На! Получай! – выстрелил в него Гирия и, не оглядываясь, побежал дальше, испугавшись совершенного.

– ... Не узнаешь? – допытывалась Домна Власьевна.

– Красивый был парень, – выдержав долгую, напряженную паузу, трескучим, ломким голосом произнес Гирия – Нет, не узнаю.

... Склонившись над Тетеркиным, он увидел след своей пули, от которой треснул череп. А ниже, на животе, по гимнастерке разошлось кровавое пятно. Значит, Тетеркин был ранен до его выстрела... Значит... Он хотел задрать полу гимнастерки, но не решился на это и ушел, почти убежал в ближний лес. А поздно вечером, вернувшись в землянку, написал письмо в Ялуторовск.

– Тетеркин-то... один испуг двумя смертями искупил, – сказал за его спиной отделенный. – А по первому страху, товарищ лейтенант, не судите. Все со страхом умирают.

– Ты вроде как испугался, – внимательно вглядываясь в побледневшее лицо гостя, тихо и тускло произнесла Домна Власьевна. – Позеленел весь. Худо тебе?

– Голова разболелась, – неловко схитрил Гиря и энергично распрощался.

– Погоди чуток! – Домна Власьевна вытянула из пачки писем другой затертый весь треугольничек со штемпелем знакомой левой почты и, не разворачивая, прочла:

«Командир мой взводный – ровесник. Собой видный, плечистый, только все время брови ершит, начальственность свою показывает. Ясное дело: офицер, какой он ни есть, – не ровня солдату. А только смешно, как пыжится, как дует щеки мой лейтенант Гиря! Совсем он еще парнишка. Ничего, со временем оботрется...». Не про тебя ли?

– Я же сказал вам: не про меня, – сердито и жалобно проговорил Гиря. – Прощайте.

Он уже пожалел о том, что дал этой женщине свой адрес, пожалел, что устроился на работу, что поехал сюда. Та женщина, которую он знал до этого злополучного письма, была желанна, легка, приятна, то есть полностью отвечала всем гостевым канонам. Новая Домна Власьевна, открывшаяся ему нечаянно, пугала его своим прозрением и убийственной добротой... Она еще не ведала, что Гиря стрелял в ее раненного мужа, не знала, но что-то чувствовала, и Гиря изо всех сил старался не выдать себя.

Он и сейчас пытался внушить себе, что поступил верно. Так поступали со многими трусами. Он пытался убедить себя, что Тетеркин был ранен уже после его выстрела шальной пулей. Он говорил это себе, но не верил, потому что перед ним была мать, жена, которую он лишил счастья. Против всех его доводов восставала совесть.

Позднее Гиря стал снисходительнее к людям. Он не морщился брезгливо, когда встречал бегущих окруженцев, потому что и сам не раз бегал. Он не кричал на освобождаемых им советских пленных, потому что и сам побывал в плену, но вскоре счастливо бежал оттуда, воевал рядовым и дослужился до полковника...

– Прощайте! – еще раз сказал он и, сунув женщине деньги, суматошно заторопился.

– Прощай. А денег не надо.

Он захлопнул калитку и облегченно вздохнул, но скоро услышал за собой торопливые, частые шаги.

– Подожди минутку, товарищ Гиря. Вижу, узнал ты Петрушку. Узнал ведь? Ну и не говори. Ну и молчи, ежели совестно. По глазам вижу, что узнал. Да и Петя тебя выпукло описал. Чо там было у вас — не спрашиваю, токо верю, что Петя мой худого сделать не

мог. Адресок-то свой возьми. В гости все одно не приеду, если бы и захотела. Возьми, а взамен укажи, где могилка Петина. Ну!

– Вы ошиблись. Я не знаю вашего мужа. Я ничего не знаю.

– Видать, крепко он тебе насолил: мертвому мстишь. Тьфу! Тьфу! Пакость какая! Живым и то прощают...

Она повернулась и, больше ни разу не оглянувшись, старчески шаркая, зашагала вдоль улицы

– Деревня Боровлянка ... Слышите меня? – крикнул он перехваченным хриплым голосом. – Боровлянка Псковской области. Слышите?

Женщина вздрогнула. Осутулевшая ее спина распрямилась. Посветлело лицо.

– Спасибо, мил человек! Легкой тебе дороги! – Домна Власьевна отвесила издали низкий поклон и повторила признательно. – Спасибо!

Владимир Нечволода

«ПЕСНИ ДЕРЗКОГО КРЫЛА...»

20 февраля 1999 года поэту Владимиру Нечволоде исполнилось бы 54 года. Он умер в 1984-м, когда ему было 39 лет... С 1962 года публикуются его стихи. В последние 15 лет, к сожалению, посмертно. Предлагаемую подборку стихов из наследия поэта подготовила О. Нечволода.

• • •

*Красивые поэты редки.
На сотню, может быть, один.
Их не вмещают трафареты
Спортивно сложенных мужчин.
Все есть сначала.
Только спины
Гнет с детства тяжело ремесло.
И рано делают морщины
Угрюмым тихое лицо.
Но свет стихов, их звук весенний,
Но песни дерзкого крыла –
Все это – тел их продолженье
И замершие зеркала.
Так стебель скрученный
под лунами в цветах стоит.
А на заре
Вдруг опадает, отгорев.
Поэты умирают юными,
Не успевая постареть.*

Владимир Нечволода

Объяснить такое не сумею:
 Но однажды в самый светлый час
 Загорю вдруг,
 Как овдовею,
 Улыбаться разом разучась.
 То друзья с обидой повстречали,
 То соседка с жалобой опять...
 Где чужие, где свои печали,
 Самому порой не разобрать.
 День то шуткой начат, то смятеньем.
 Видно, впрямь судьбы тревожней нет,
 Жить под постоянным облученьем
 Человечьих радостей и бед.

Есть такая «мертвая дорога», Стройка, позабытая страной. Рельсы заржавели понемногу, Шпалы разъедает злой водой. А вокруг болота и болота, Чахлые полярные леса. Не хватает мужества чьего-то Важность этой стройки доказать, Без которой грустным будет Север В шелесте ветров, в седой заре. Без которой край, большой и древний, Не сумеет теплом людским согреть.	Говорят, когда аж из столицы Был приказ на всем поставить крест, То ли запил, то ли застрелился Главный зодчий этих самых мест. Мы, сюда приехавшие вместе, по делам писательским своим, Перед покореженными рельсами, Как перед могилою стоим. У поэтов тоже ведь такое: Пишем, просветления полны, И всю жизнь боимся: Вдруг мы строим Мертвую дорогу для страны.
---	---

Одиночество

Одиночество разве бывает недобрым?
 Это люди его называют таким,
 Чтобы так оправдать
 слабость страсти негордой,
 Чтобы стать равнодушной к себе и другим.
 Я с друзьями забуду любимые плечи,
 Растеряю в толпе свет улыбок твоих,
 Что останется мне – мимолетные встречи
 Да неверность бестрепетных женщин чужих.
 Если это придет, если так вдруг случится,
 Боль подкатится к горлу, крича и слепя!
 Я уйду в одиночество, словно в больницу,
 Я уйду, чтоб увидеть и встретить тебя.
 И на дикой поляне, где раньше я не был,
 Протяну руки солнцу в седой тишине...
 И ветрами на землю осыплется небо,
 И опять из тоски ты вернешься ко мне.

ПУШКИНСКИЕ ГЕРОИНИ

Пушкинские героини... Да-да, конечно же, в первую очередь – это Татьяна из «Евгения Онегина». В читательской нашей памяти она – та, к кому вслед за Онегиным каждый мужчина обратит слова:

*Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!*

Но сегодня мы вспомним и других – Лизу Муромскую из «Барышни-крестьянки», Марью Гавриловну из «Метели», Машу Миронову из «Капитанской дочки»...

Пушкинские героини молоды: Лизе и Марье Гавриловне по 17 лет, Маше – 18. Их сердца ищут счастья и любви. У Лизы уединение, свобода и чтение развили чувства и страсти. А Марья Гавриловна, по словам Пушкина, «была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена».

Лиза Муромская такая же «уездная барышня», как и Татьяна Ларина в начале «Евгения Онегина». Но она обрисована с оттенком юмора. «Те из моих читателей, – пишет Пушкин, – которые не жила в деревнях, не могут вообразить себе, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение... посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание». В ней многое напоминает Татьяну. Та любила

*Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день...*

— Так же и Лиза, встав до рассвета, радуется: «Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя. Ясное небо, утренняя свежесть,

роса, ветерок, пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостью».

Но то, что в Татьяне поднято до высоко лирического уровня, в Лизе введено в скромные житейские рамки.

Героине «Барышни-крестьянки», бойкой и предприимчивой Лизе присуща русская деревенская грация. Когда она в настоящем своем виде? В одежде Акулины? В господском платье? Нет, милее всего она в крестьянском наряде: «Лиза померила обнову и призналась перед зеркалом, что никогда еще так мила самой себе не казалась».

Смуглая, черноглазая 17-летняя Лиза ради встречи с Алексеем прибегает к маскараду. И тот сбросил с себя налет байронизма, изменил своим предрассудкам и собирается жениться на крестьянке... И в водевильном сюжете повести-сказки открываем мы живую, волнующую мысль и мечту Пушкина.

Марья Гавриловна в «Метели» разыгрывает из себя романтическую героиню. И смешна в этой игре. Но все же... Перед нами типичная провинциальная барышня, воспитанная в глухой деревенской усадьбе, романтически настроенная, знающая жизнь лишь по чувствительным романам и повестям. Это, именно это, толкает ее на побег из дома и тайное венчание с незнакомым офицером.

Девичья влюбленность и потрясение, вызванное неожиданным венчанием с армейским прапорщиком, уступает место новому увлечению. Пушкин иронизирует над наивно мечтательной героиней, которая пыталась устроить свою жизнь по программе чувствительных романов.

За осмеянием и отрицанием литературных схем, объединяющих жизнь, и в «Барышне-крестьянке», и в «Метели» чувствуется мысль Пушкина, требовавшего от литературы не схем, а отражения подлинной жизни, многообразной и противоречивой.

Едва ли не самой любимой героиней Пушкина (после Татьяны, разумеется) была Маша Миронова из «Капитанской дочки». Она полна достоинства, благородства и прелести. Через все свои страдания она пронесла свежий ум и голубиную кроткость, в испытаниях приобрела стойкий и мужественный характер. Она мало похожа на большинство дворянских девушек того времени. Но натурой близка Татьяне.

Пушкин, в соответствии с народным пониманием, связывает красоту с добром, с нравственными, душевными качествами. Сама красота предстает при этом в ее национальной характерности. Так, создавая образ Маши Мироновой, Пушкин идет от народного представления о русской женщине, подчеркивает неброскость, скромность внешнего ее облика. Портрет капитанской дочки («круглолицей, румяной, с светло-русыми волосами») является своеобразным

вызовом традиционно идеальным героиням, которые изображались неземными красавицами, полубогинями, амазонками.

Простота и краткость – характерные черты прозы Пушкина. Очень скромно он описывает внешность Маши Мироновой. Ее обаяние, ее душевная сила раскроются в дальнейшем. Но даже в крайне скупом описании внешности Маши подмечены весьма существенные подробности. В пушкинской подаче облика Маши чувствуются скромность, застенчивость (горящие от смущения уши), идеал народной красоты (круглолицая). Важнейшая идея романа «Капитанская дочка» – становление благородной души. Раскрывается она и на образе Маши Мироновой.

Чистая, скромная и в то же время героическая Маша Миронова, сохранившая живую непосредственность деревенской девушки из народа, обаяние женственности, силу чувств, душевное мужество – это один из прекраснейших образов, созданных А.С. Пушкиным.

Глубина и простота пушкинских героинь неисчерпаемы.

Великого поэта постоянно волновало достоинство личности. Его героини – провинциальные барышни – сохраняют это достоинство. И тем просто неповторимы.

СРЕДЬ ПУШКИНСКИХ СТИХОВ...

Рукописи А.С. Пушкина полны его рисунков. Подчас графический эскиз опережал слово. Во многих пушкинских портретах исследователи узнают реальных лиц. В том числе и в его женских портретах. А мы полюбуемся легкостью руки великого поэта, изяществом линий, прелестью фигур и головок.

СИНИЧКА

Настроение было неважное, а если точнее – не было никакого. Ну и времечко! Сами видите все вокруг. А жене, как всегда, захотелось на праздничные дни отправиться «в люди». То есть поехать к ее старинной приятельнице и провести там вечер, ночь, да и утро тоже за идиотско-пустопорожней болтовней, перемежаемой выпивкой. Я же хотел быть дома. Просто полежать на диване и почитать любимого мною Брет Гарта.

Словом, жена хлопнула дверь в спальню, а я – в подъезд, откуда тропинка вела прямо в Спортивный сквер, где я и сел на скамейку. Несмотря на мерзопакостную погоду, народ шнырял по улицам так, будто встречал Восьмое Марта в последний раз, ибо следующий праздник обязательно отменят Указом президента. Вечерело, в окнах библиотеки зажигались огни, несколько взъерошенных галок перекликались на голых, как и мои мысли, лиственницах. Шумел и гудел ненасытной утробой рынок.

Стойка воробьев и синиц подлетела вдруг к моей скамейке, запищала, засуетилась, и будто солнце выглянуло из-за корявых облаков. Ннн... даа... Рядом со мной, неведомо откуда возникнув, сидела прехорошенькая дева лет шестнадцати на вид. Ну, может, восемнадцати... На ней было оранжевое пальто моды тридцатых годов, простые чулки с дыркой, из которой выглядывала розовая коленка. Под коленкой корбились сапоги из натуральной искусственной кожи. С головы, обнажая восхитительную рыже-черную шевелюру, сполз на плечи настоящий кашемировый платок. Ему наверняка было лет никак не менее ста. Или музей ограбила, или у бабушки стащила... ведьма!

– Да, да – сказала девица, – ведьма я. И что? Хочу замуж. Возьми меня? А звать меня – Синичка.

ФФуу... ххх... Ничего более нелепого в своей жизни не слышал. Ну, конечно, бред всяких там алкоголиков да наркоманов в расчет не шел. Штучка!

Опять выглянуло солнце, ярко озарив нас с Ведьмой и весь окружающий мир! Вокруг скоропостижно таял снег, бормотали ручьи, вливаясь в бассейн фонтана, в просторечье именуемого «Мужские слезы». В мои-то годы такие чудеса даром не проходят.

– Староват я для тебя, дочка, – подумал и вспомнил героя новеллы О' Генри «Бабье лето Джонсона Сухого Лога». Староват – не староват... да за счастье целовать эти ножки. Тьфу, черт! Куда понесло!

– Да! Ты будешь мой муж! – решительно заявила Синичка, кроша хлеб суетившимся птицам, – и спрячь свои мысли подальше! Нужно – значит разведешься! Ты ведь все равно живешь, как и многие, только по привычке! Мне ли этого не знать!

Она встала, одернула на себе роскошное подвенечное платье, расправила пышную фату:

– Идем в ЗАГС! Идем, пока возможность есть! Мама засечет, что я платок стащила – скандал устроит! Она у меня Настоящая Ведьма!

– В ЗАГС, говоришь, – я оглядел красавицу с ног до головы, – не выйдет, девушка! Выходной сегодня!

– Я же тебя буду любить всю жизнь! Тем более, дети у тебя взрослые.

– А ты откуда это знаешь?!

– А я кто, по-твоему? Вот-вот... И не курю, как твоя жена!

Спорить даже с юной Ведьмой дело накладное, и я согласился:

– Допустим, ты хорошая. И что?

Синичка посмотрела сквозь сощуренные веки и показала язык:

– Что ты сомневаешься? Бери меня! Я тебе трех детей рожу! Двух мальчиков и четырех девочек!

– Каа...кк? Трех?! Ты же шесть насчитала! С ума сошла? А... инфляция? А... вообще?!

Ведьма хихикнула:

– Ты считать не умеешь! Три девочки – это за одного мальчика.

– Да, но еще?!

– А это в счет будущего мальчика!

Ведьма. Определенно, ведьма!

Она надулась, полные губки так соблазнительно выглядели, что мне захотелось их поцеловать прямо сейчас. Вдруг угасло солнце, пошел снег холодный и липкий, лужа, в которой стояли мои ботинки, стала еще больше, и вода забралась внутрь. Ну, дела...

Ведьма хихикнула, и скамейку опять охватило теплом, засияло доброе весеннее солнышко. Яркое и веселое, как моя ведьма. Моя?!

Тут лужа хлюпнула, и я промочил ноги до колен. Да... это ведьмины штучки! Женись на такой! Однако уходить не хотелось. Девчонка очаровала меня и без всякого колдовства.

– Ну, хватит вздора! – проснулся вдруг Здравый Смысл, – домой нужно!

Ведьма тут же обернулась синичкой и порхнула на дерево, оставив на скамейке полбуханки так и не скормленного птицам хлеба. Темнело. По улице катили запотевшие троллейбусы и автобусы, и в каждом окошке сияла рыжая с черными прядями головка ведьмы. Какой-то морозостойкий таджик или узбек просил милостыню, рынок шумел по-прежнему, в ботинках плескалась водица. Эх, хорошо было султанам, шейхам, даже Ивану Грозному ...

Дома, после укоров и причитаний, жена напялила на мои хладные конечности толстые носки не то из козьей, не то из собачьей шерсти и заставила выпить чаю с малиновым вареньем, все еще жужжа, как растревоженный улей. Да не хотел я чая! И вообще ничего не хотел!

За окном вдруг рассвело, что-то стукнуло в стекло. Затем еще. Синичка... Дрожь пробежала по телу. Не может быть?! Птичка вспорхнула на закрытую форточку и тенькнула звонко и жалобно:

– Жинь-нись... жинь-нись... и упала на снег.

Я выглянул в окно – синичка лежала, раскинув крылышки, как маленькие ручки. Не помню, как выбежал во двор, как поднял кроху. Помню – слабенько билось сердечко птахи. Я взял ее в ладони, стал согревать дыханием – живи, живи! Что я тебе, Синичка?! Прости, маленькая!

– Жинь-нись... будто выдохнула она и уронила на мою ладонь несколько бисерных горючих слезинок. Жарко стало...

– Да где ты там? – из форточки показалась голова жены, – с ума сошел, что ли? Нам завтра ехать, а он?! На снег, босиком?! Я его лечу...

– Жинь-нись... – прошептала Синичка и, слабо взмахивая крылышками, попыталась оторваться от ладоней.

– Эх! Да будь что будет! – Я сунул птичку за пазуху и, придерживая невесомый груз, пошел домой. А, будь что будет?

Сказочка

Крак Шерстонос

СТРА-АШНЫЙ ЧАЙНИК

Знаю я одну заветную тропинку. Из центра города ведет она в лес. А если повернуть за корягой направо, там – ручей с бревном поперек, заросли медвежьей малины и опушка. А посреди опушки под кленом лежит старый ботинок с полуоторванной подметкой. Вот в этом ботинке и живет Гаврилыч.

Живет он в полное свое удовольствие: купается в ручье, ест малину и раз в неделю до сияния чистит ботинок ваксой, а потом любуется на свое отражение. У Гаврилыча есть две заботы: одна – чтобы не залезть в разрыв-траву. У малиновых кустов ее много, а трава это такая, что на любом в клочья разорвет штаны, если зазеваешься. Другая забота – Шмокодявка.

Характер у Шмокодявки сложный. Когда Гаврилыч ложится спать, во сне его хвост вываливается через дыру в башмаке наружу. И тогда появляется Шмокодявка – этот зеленый и мохнатый чудак.

Он бесшумно подползает, дергает Гаврилыча за хвост и прячется. Гаврилыч же подскакивает спросонок, ругается и роняет собственное достоинство. Он выскакивает из ботинка и грозит нарвать уши Шмокодявке, а тот сидит в кустах и грустит, потому что ушей у него нет. Однажды утром Гаврилыч решил покончить с этим безобразием раз и навсегда. Он взял пистолет с присосками, надел любимые красные штаны, завязал на ботинке шнурки и пошел охотиться на Шмокодявку. Тропинка петляла мимо душистого клена, мимо лягушачьего пруда и развесистой клюквы. Было солнечно, тепло и весело. В пруду мурлыкали на разные голоса лягушки. Гаврилыч шагал, посвистывал и, если бы не собственное достоинство, наверняка пошел бы вокруг света.

В хорошую погоду ему всегда приходили в голову хорошие стихи. Откуда они приходили, он не знал и не задумывался об этом. Так и теперь, он шел и напевал себе под нос:

*Мурлычут в озере лягушки,
На небо выпучив глаза,
И будто сахарные сушки
Грызет голодная гроза.*

Сахарные сушки в стихах появились потому, что Гаврилыч сам их любил и частенько хрустел ими, запивая чаем. А вот при чем здесь гроза, да еще голодная, и ест ли гроза сушки, и чем она их грызет? Гаврилыч хихикнул, услышав далекий гром, и представил себе грозу с сушкой в зубах. И еще подумал: как же она чистит зубы перед сном?

Где-то за лесом был город, там стояли каменные дома, разъезжали машины. Сейчас над городом шел дождь и дочиста отмывал пыльные улицы. А в лесу было солнечно, тепло и тихо. Гаврилыч подумал, что неважно, ест гроза сушки или нет. Со стихами часто случаются такие несурезицы, потому стихи и нравятся. Он, было, начал сочинять дальше, но вдруг остановился и замер.

За кустами орешника на лужайке виднелся пенёк. А на пне стоял чайник – с крышкой, с носиком, все как полагается. Он блестел, как зеркало, и криво отражал кусты. Вид у чайника был угрюмый. Над ним сидела на дереве странная ворона с мохнатым носом вместо клюва и внимательно смотрела по сторонам.

Гаврилыч сразу не разглядел ворону и то, что чайник выглядел угрюмо, тоже не заметил. Он только подумал, что это – полезная вещь и зря пропадает. Надо его забрать, если он тут никому не нужен. Он даже придумал, что надо дать объявление: «Найден чайник, спросить у Гаврилыча!»

Он свернул с тропинки и стал пробираться через кусты. Но лишь только подошел ближе и протянул руку, как на него глянула из чайника очень страшная морда: щеки, как шары, нос кривой

и толстенный, глазки малюсенькие, а пузо огромное, как бочка. Жуткий зверь в красных штанах, а за поясом большущий пистолет!

Сколько себя Гаврилыч помнил, он такого ужасного зверя не видел никогда. Тут не мудрено испугаться! Роня достоинство и вопя от страха, Гаврилыч бросился в кусты. Он бежал, не разбирая дороги, прямо по разрыв-траве и остановился только, когда стукнулся лбом о ствол орешника. Его чудесные красные штаны ниже колен превратились в сплошные лохмотья.

В кустах он немного успокоился и осмелел. Отсюда чудовища в чайнике не было видно. Носатая ворона по-прежнему сидела на дереве и, казалось, уж она-то ничего не боится! Может быть, Гаврилычу стало стыдно перед вороной, а может быть, он пожалел о потерянном достоинстве. Но, скорее всего, он представил себе, как эта зверюга по ночам вылезает из чайника и превращается в страшную тучу с кривым носом и огромными клыками. Ему почудилось, как она, нависая на всех ужас, летит над лесом. Привиделось ему, как эта туча из своего огромного пистолета стреляет в Зайца, в Шмокодявку, в медведя и в прочую лесную мелюзгу!

И ему стало жалко всех, а особенно почему-то Шмокодявку. Сидит глупый шутник в своем дупле и ни о чем не подозревает. А ведь ему, очень может быть, больше никогда не удастся дернуть Гаврилыча за хвост! Гаврилыч понял, что не будет ему покоя, если этот страшный зверь не уйдет из леса!

– Битва! – закричал Гаврилыч. – Эй, ты, в чайнике, выходи сражаться!

Он достал из-за пояса пистолет, зарядил его присоской и, выпрямившись во весь рост, прицелился в чайник. Да, это был бой! Он увидел, что страшная морда тоже навела на него дуло своей огромной пушки, но не дрогнул и не отступил.

– Ба-бах! – заорал Гаврилыч и нажал курок.

Присоска ударила зверя в лоб и закачалась. А Гаврилыч вставил в ствол вторую присоску и смело направился к чайнику прямо через разрыв-траву. Трава обдирала с него остатки красных штанов и уничтожала последние клочки нахвостника, но Гаврилыч, поглощенный битвой, ничего этого не замечал. Он шел в бой, целясь в чайник из пистолета.

– Ба-бах! – снова закричал он и вот – вторая присоска раскачивается рядом с первой на лбу чудовища, а Гаврилыч уже заряжает третью! У него много присосок! Как хорошо, что, выходя из дому, он позаботился о боекомплекте! Как прекрасно быть предусмотрительным!

Чайник был уже рядом, чудовище в нем выглядело еще ужаснее: на носу колючка, на лбу две шишки, а на шишках присоски. Пузо обтянуто красными оборванными штанами, и голый, гневно рас-

пушившийся хвост хлещет по бокам. Чудовище целится из своей пушки. У-у, злобный монстр, не видать тебе Шмокодявки, не есть тебе наших Зайцев!

– Ба-бах! – и третья присоска прилипла рядом с двумя первыми. Гаврилыч оказался перед врагом лицом к лицу, пузо к пузу. Они долго смотрели друг другу прямо в глаза, даже носатая затаила дыхание. Небо затянуло грозовой тучей, гром затрепал над лягушачьим прудом, лунный орешник засиял.

Гаврилыч тяжело вздохнул, достал носовой платок и высморкался. Чудовище тоже посмотрело на Гаврилыча смущенно и достало свой платок. Гаврилыч недовольно покосился на ворону, и чудовище глянуло туда же. Гаврилыч опять поглядел на свое отражение в чайнике и подумал: «Как, все-таки, криво он отражает!». Забрал чайник и под первыми каплями дождя побрел домой.

А дома он поставил чайник рядом с ботинком, как раз возле той дыры, откуда по ночам вываливался его хвост.

Поздним вечером, когда Гаврилыч уже спал, Шмокодявка вылез из дупла и пополз к ботинку. Немножко подивился на чайник – зачем это Гаврилыч выставил его наружу? Посмотрел на хвост с соблазнительной пушистой кисточкой на конце. Приготовился дернуть за эту кисточку и даже хотел нацепить на нее горсть репьев. Но тут он подполз к чайнику вплотную и посмотрел...

А из чайника глядела на Шмокодявку очень стра-ашная морда: зеленая, мохнатая, голова без ушей, пузо – бочка, а на лбу целых три шишки. Шарахнулся Шмокодявка от испуга, бросился к своему дереву и спрятался в родном дупле. И долго-долго, целую неделю сидел и грустил.

А Гаврилыч целую неделю спал спокойно, завернувшись в мягкую стельку и высунув хвост из ботинка на всю длину.

(Примечание от составителей:

Крак Шерстонос – автор исторических сочинений «Гаврилыч и его зима», «Труды и дни Шмокодявки» и др. – образование получил у достоправного предка своего Кукера. Область научных интересов – герменевтика современности, известен как толкователь «Листков из моей подушки». Живет в Лесу, что по тропинке направо между «универсамом» и кинотеатром «Юбилейный» (смысловое значение этих слов сегодня утрачено и расшифровке не поддается).

Людмила Ефремова

«ПРОЗРАЧНЫЕ КРЫЛЫШКИ НАШЕЙ ЛЮБВИ»

• • •

Вот она! Плышет дорожка
По замерзшему стеклу
В приоткрытое окошко
Холод тянется к теплу.
Так и в теле человеческом
Таят островки зимы,
Если дух его отмечен
Силой света, а не тьмы.
Стали зрячими границы,
У жилища вид дневной.
Чистой, солнечной водицей
На ладони выбор мой.

Людмила Ефремова

Долюшка бабья...

Горькое счастье собирала по крошечке...
Гордость свою подарила Антошечке.
Силы свои поразратила с Борюшкой, –
Ох, и хлебнула с детишками горюшка...
Светом любви напоила Геннашечку;
Так и простился в счастливой рубашечке.
Детоньки выросли – встретила Коленьку –
Снова душа перед ним, будто голенька.
Старость вошла...

зачадила махорочкой.

Долюшка бабья – овражки да взгорочки...

• • •

Сытой челядью умилована.
Под меха ушло тело стройное.
А судьба в клочки мелко порвана, –
Не звездой взошла –
кляксой черною.

Белы рученьки не замараны.
На дневном свету нежно личико.

А девчоночье сердце ранами
Износилось, пало дичкою.
Кто найдет его, кто осмелится
Донести в руках до живой воды...
А пока суд да дело –

стелется
Ива тонкая на руках беды...

. . .

<i>Весна, что капризная дева,</i>	<i>И снова на зимние шапки</i>
<i>Глядится, смеясь, в озеро.</i>	<i>Меняют свой голос ручьи.</i>
<i>То, хмурясь, под ветра напевы</i>	<i>И птицы болеют ангиной,</i>
<i>Свое закрывает лицо.</i>	<i>И гнутся к земле деревца,</i>
<i>К домам прижимаются зябко</i>	<i>И всюду сутулые спины,</i>
<i>Травинки несмелых лучи.</i>	<i>И снег тяжелее свинца...</i>

. . .

*Слетела невинность с июльского дня
Веселой грозью.
Ты нежно назвал, обнимая меня,
Своей стрекозой.
Прозрачные крылышки нашей любви,
Увы, не сложились...
Ответ мы нашли на вопрос: се ля ви!
И в жизнь покатались.
И так далеко разлетелись с тобой...
Но вдруг оглянулись -
Гроза! Обожгла небосвод голубой,
Где мы разминулись.*

. . .

<i>Ах, красота твоя</i>	<i>Где потомство твое</i>
<i>непристроенная...</i>	<i>длинноногое,</i>
<i>Заговоренная, что ли?</i>	<i>Глазастое небом?</i>
<i>Где – единственная, достойная –</i>	<i>... Одиночества тень убогая</i>
<i>Горчиночка твоей доли?</i>	<i>Там, где был и где не был...</i>

. . .

*Прожорливо кричат халеи!
Но море тихо.
Свою несдержанность жалею
В объятьях лиха.
Корю себя немилосердно,
Плетьми стегаю, –
Искус в мантилии победной
А я – нагая...*

Молитва...

<i>Господи!</i>	<i>Внуков от груди не отняла.</i>
<i>Смири ее болезни</i>	<i>Уж какие силушки встречать...</i>
<i>И врата небесные отверзи.</i>	<i>Нам ее молитвы за врача...</i>
<i>Прожила на свете девяносто, –</i>	<i>День январский...</i>
<i>Горюшко встречала</i>	<i>Бабы Лены нет...</i>
<i>не по росту...</i>	<i>Я пред Ним сама держу ответ...</i>
<i>Мужа, двух сынов пережила,</i>	<i>г. Надым</i>

Людмила Крекнина

ПРАВОСЛАВНЫЙ «АФЕЙ» ПУШКИН

Сегодня много говорят и пишут о вопросах веры, религии. Следуют непременные ссылки на классика, в том числе и на А.С. Пушкина. Переиздаются работы религиозных мыслителей начала XX века, в том числе и о Пушкине.

Еще совсем недавно принято было акцентировать внимание на революционности и критическом отношении Пушкина к действительности, подчеркивать его оппозиционность к царскому режиму. Видеть в этом только конъюнктуру – это значит впадать в крайность. Времена меняются. А с ними и человек. Впрочем, Пушкин писал об этом же:

*Вращается весь мир вокруг человека -
Ужель один недвижим будет он?*

А потому отношение Пушкина к вере, религии, православию – не праздный и только юбилейный интерес.

Что же Пушкин? На первый взгляд, сочетал несочетаемое. В самом деле: «Мирская власть» и рядом «Гаврилиада», «Нереида» и «Тень Баркова», «Чистейшей прелести чистейший образец...»

и «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением», переложение молитвы Ефрема Сирина и безверие в стихотворениях «Таврида», «Дар напрасный, дар случайный...»

Воспитанный в духе светской православности, Пушкин всерьез задумывается о вере в период южной ссылки. В 1824 г. он «берет уроки чистого афеизма» (атеизма) у Вильяма Гутчинсона, домашнего врача в семье графа Воронцова, известного доктора медицины. Из Одессы Пушкин пишет Вяземскому: «Умный афей», «исписал листов 1000, чтобы доказать, что не может быть существа Разумного, Творца и Правителя, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная».

Заметим: «правдоподобие» афеизма (атеизма) Пушкин признает «несчастьем». Разум бессилен перед небытием («ничтожеством») так же, как и сердце:

*Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! Пустой призрак...
Я все не верую в тебя,
Ты чуждо мысли человека!
Тебя страшится гордый ум!*

«Афеизм», «вольтерьянство» изживаются Пушкиным к концу Михайловской ссылки, когда он «исправляет» недостатки воспитания в беседах с няней, постигая народную мудрость русских сказок. И в 1825 году появляется «Борис Годунов», в 1826 году – знаменитый «Пророк», где посланник Бога заменяет «грешный язык» — «жалом мудрых змей».

Начавшаяся «перестройка» сознания Пушкина усиливается в 30-е годы. Уязвимым гражданским законам поэт противопоставляет нравственные альтернативы: совесть, честь, дом, милосердие. Они более устойчивы в людском общежитии, чем законы. Дон Гуан наказывается за кощунство, князь из «Русалки» – за нарушение клятвы, поп – за скаредность; соревнуются в милосердии Пугачев и государыня Екатерина в «Капитанской дочке». Пушкинский Петр I пирует в «Петербурге-городке», радуясь победам русского флота и мирясь с подданными:

*... Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.*

Размышления о вере и безверии приводят Пушкина к выводу о единстве человечества, о его историческом пути к вере. Рецензируя в 1833 году «Историю русского народа» Н. Полевого, он пишет: «История древняя кончилась Богочеловеком... Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей священной стихии исчез и обновился мир... История новейшая есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы!»

Прекрасный знаток мировой литературы, Пушкин в 1836 году находит единственный универсальный ориентир: «есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедовано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и

происшествии мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, – такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному влечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».

Идеалы и способы их осуществления человечество давно обрело в Священном Писании, нужно следовать Писанию, не прибегая к революционным потрясениям. Мысль о безнадежности разрешения конфликтов насилем Пушкин высказывает в «Капитанской дочке»: «Не приведи Бог видеть русский бунт, – бессмысленный и беспощадный!» И продолжает: «Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уже люди жестокосердные, коим чужая головушка – полушка, да и своя шейка – копейка... Лучшие и прочившие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества».

В год своего 200-летия Пушкин предстает пред нами и своим горьким опытом веры-безверия. Он посылает нам свое предупреждение, свой наказ милосердия и любви:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог Величия его.*

«РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПУШКИНСКОЙ СТРОКОЙ»

– так называется конференция учащихся 8-11 классов, которую проводит Тюменский госуниверситет 28 апреля 1999 года. Конференции предшествовал конкурс ученических исследовательских работ. В беседе с нашим корреспондентом председатель жюри конкурса профессор Н.П. Дворцова сказала:

– Год А.С. Пушкина становится у нас, к сожалению, годом массовой пушкиномании. Это еще одно свидетельство нашей национальной болезни – сотворения и разрушения кумиров. Скажу резче: великая и трагическая судьба гения, тайна его жизни и смерти отданы на потеху праздной толпе. И все это не приближает нас к Пушкину, а удаляет от него. « Вся его жизнь была прогулкою в Саду Божиим», – говорил о нем В.В. Розанов. Мы хотим предложить

учащимся старших классов задуматься над вопросом: «Что такое Пушкин для нас сегодня в свете слов Н.В. Гоголя: «Это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет?» На конференции мы приглашаем ее участников на прогулки с Пушкиным в Саду Божиим. В России конца XX века такие прогулки обещают интересные раздумья и о нашей жизни.

Остается напомнить желающим принять участие в конференции: вас ждут 28 апреля 1999 г. на филологическом факультете Тюменского государственного университета.

Н. Азов

Перечитывая вновь и вновь

Виктор Сеницын

ПУШКИН, МОЦАРТ И САЛЬЕРИ...

Виктор Алексеевич Сеницын – режиссер и драматург, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, член Союза писателей России. В альманахе, который готовится к 200-летию А.С. Пушкина, он предложил статью-размышление о пушкинских маленьких трагедиях. Публикуем отрывок из нее.

Впервые я встретился с творчеством Пушкина, когда мне было семь лет. На детском утреннике я читал строфы из 4-й главы «Евгения Онегина». Тогда ни о каком Онегине я, конечно, ничего не знал. Отрывок представлял стихотворением Пушкина и назывался, кажется, «Осень». Помните?..

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день...*

Потом Пушкин был со мной в школе, в армии, в институте. После окончания театрального института, будучи молодым актером и режиссером, я задумал создать моноспектакль по «Маленьким трагедиям» Пушкина. Затея моя тогда благополучно провалилась. Поэт быстро поставил меня на место, заставив сознаться, что я еще молод и глуп, неопытен и дьявольски самонадеян. Трагедии «Моцарт и Сальери» и «Скупой рыцарь» я сыграл в моноспектакле спустя двадцать лет. Потом, совсем недавно, я поставил «Маленькие трагедии» в Тобольском драматическом театре им. П.П. Ершова.

Приходится утверждать, что Пушкин-драматург еще мало, очень мало освоен. В репертуарных списках современных режиссеров, актеров, художников Пушкин еще не частое имя. Для заграницы Пушкин-драматург – пока чистый лист. По крайней мере, «Ма-

ленькие трагедии». А это много значит для традиции постановок, для поисков решения их и т.д.

Трагедия как жанр драматического искусства всегда манила меня. Более того, многие годы театр у меня ассоциировался с трагедией. Легких жанров я не признавал, особенно не любил оперетту. Но, слава Богу, все эти заблуждения остались в юношестве. Потом я, конечно, нашел, что нет плохих жанров, есть плохие режиссеры и актеры. Мысль и чувства, которые волнуют художника, могут быть выражены в любом жанре, лишь бы было что выражать и чем быть взволнованным в жизни, что хотеть изменить в жизни, на что направить свой перст, страстно поднятый, как говорил Ф.М. Достоевский: «В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не дает, а главное — ничего и не значит».

Что же меня привлекало в «Маленьких трагедиях» Пушкина прежде всего? Наверное, это фигура Сальери в «Моцарте и Сальери». Я никогда не верил, что Сальери убил Моцарта. Почему? Не знаю. Не верил — и все. Это похоже на то, что ребенок иногда безотчетно среди всех персонажей больше всего любит Волка, потому, видимо, что его все обижают, гонят, издеваются над ним. Мой сын, например, когда был маленьким, любил Волка. Так и здесь. Мне хотелось самому как следует разобраться. Тем более, сам Пушкин, назвав в черновиках трагедию «Зависть», потом отказался от этого названия. Почему? Тема зависти, убийства осталась, но не исчерпывает содержание трагедии. Она о чем-то другом. О чем?

Позволю себе маленькое отступление. Пушкин писал трагедии в Болдино в 1830 году. Он оформил на свое имя деревню Кистеневка, доставшуюся ему по наследству от деда. Поэт не мог выехать какое-то время из Болдино, так как был на карантине из-за свирепствующей в некоторых губерниях, в том числе и в Москве, холеры. Он ожидал брака с Натальей Николаевной и появился в Болдино, рассорившись со своей будущей тещей. Он думал о деньгах, о низких сторонах жизни человека.

Так как замысел трагедии был зафиксирован еще в 1827 году и был уже некоторыми друзьями озвучен как уже законченное произведение. Поэт, несомненно, имел время обдумать его прежде, чем 23 октября 1830 поставить дату над окончанным «Скупым рыцарем», а 26 октября — над «Моцартом и Сальери». «Каменный гость», как известно, был обнаружен В.А. Жуковским уже после смерти великого поэта.

Меня спросят: «Какое это имеет отношение к трагедиям?» На мой взгляд, очень большое, ибо поэт, будучи в зените славы и мастерства, имел время для «разгула» своего вдохновения. Ведь недаром болдинский период жизни поэта считается наиболее творчески

насыщенным. Как думается, Пушкин в этот благотворный период не мог не задумываться о своей роли в литературе, не мог не сравнивать себя с другими поэтами, которые, кстати, были нередко более удачливы в напечатании своих произведений, более популярны, чем великий поэт. Книжки некоторых издавались чаще и гораздо большими тиражами. В Пушкине не могло не зреть и не рваться к фиксации его поэтического кредо в решении основного вопроса: отношения искусства к жизни, то есть методологического вопроса творчества, мировоззрения и т. д. Драматург не мог не высказать свое понимание роли художника в жизни, ведь его герои в «Моцарте и Сальери» были крупнейшими музыкантами-художниками. Я склонен думать, что именно природа творчества художника и особое значение творчества были главными для Пушкина-драматурга в «Моцарте и Сальери».

Посмотрим сам материал. Сальери говорит в первом монологе:

*... Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив.
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию.*

Что же Моцарт? Должно быть, это и его кредо? Моцарт говорит об избранности свыше. Вот его слова, сказанные в конце трагедии своему другу:

*Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.*

Еще момент. Сальери:

Ты сочиняешь реквием? Давно ли?

Моцарт.

*Давно, недели три. Но странный случай...
Не сказывал тебе я?*

Для Моцарта три недели работы – это «уже давно». Казалось бы, вот оно, искомое: один «поверил алгеброй гармонию», а другой говорит о главном факторе творчества – вдохновении, избранности, жречестве. Но не будем обольщаться. Моцарт восклицает:

*Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство –
Две вещи несовместные. Не правда ль?*

По Моцарту, Сальери тоже гений, хотя последний и «поверил алгеброй гармонию».

У нас, согласитесь, достаточно доказательств, что они как художники, как мастера отлично понимают друг друга. Можно, наверное, сказать даже о некоем единстве.

Сальери.

*...не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет,
Оно падет опять, как он исчезнет.*

Сальери – за «пользу» в искусстве, за то, чтобы поднимать искусство. Как смотрит на цель искусства Моцарт?

*Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль?*

И тот, и другой композиторы жречески относятся к служению музыке. Но тут обозначается и различие. У Сальери: «Мы, жрецы, служители искусства». У Моцарта: «единого прекрасного жрецов». Моцарт почему-то не говорит об искусстве.

Моцарт не скрывает своего удовольствия, когда приводит к Сальери послушать слепого трактирного скрипача, то есть человека, выхваченного из жизни. На что Сальери гневно замечает:

*Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошел, старик.*

Для Моцарта же игра трактирного скрипача «Чудо!»

*Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.*

Сам Моцарт хохочет над неумением скрипача. Зачем же он его привел? Да просто позабавиться. Ты-де посмотри только, что он делает с гармонией. Это снисходительная улыбка мастера, услышавшего свое творение в столь искаженном виде. Моцарт добродушен, жизнелюбив, демократичен, великодушен.

Надо думать, что музыку Сальери не играют в трактирах, да и сам маэстро вряд ли бы гордился этим. Что же тогда означает для Сальери оброненная в первом монологе фраза:

*...я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.*

Почему же у него не хватает снисхождения к исполнению слепым музыкантом арии Дон-Жуана? Значит, Сальери, говоря о сердцах людей, подразумевает под последними каких-то других людей, не представителей народа. Думаю, что скрипач играет неважно, но вот тут-то Сальери испытывает в действии один из уколов зависти: произведения Моцарта знают и любят в народе, а его, Сальери, нет...

Я пробовал по-разному играть финал трагедии. Сальери шел на открытый, непримиримый вызов Богу, отстаивая свое право быть гением в искусстве, отстаивая то, что высшее благо на земле есть искусство, а не жизнь. У меня были попытки играть так, чтобы было понятно: Сальери сошел или сходит с ума от содеянного. Но нет. Я чувствовал фальшь, неправду и останавливался на вызывающем по отношению к характеру поведении героя. Он никогда не поймет своей ошибки, утверждает позиции противоположные. Искусство вторично по отношению к жизни, а не наоборот. Это утверждает великий Пушкин в своей трагедии «Моцарт и Сальери». В этом и есть величие драматурга.

Пушкин как великий реалист показывает в трагедии, какую силу имеют разные взгляды на основополагающие явления, убеждения человека. Он рассуждает не так, как я! – этот постулат не такой безобидный, чтобы на него не обращать внимания. Во взаимоотношениях Сальери с Моцартом именно он главный, а не зависть. Борьба идей и взглядов может выливаться у людей в ожесточеннейшую борьбу и даже в преступление...

Поэзия

Мария Хамзина

НОВЫЕ СТИХИ

Мария Хамзина закончила в 1995 году среднюю школу в Лянторе. Тогда же поступила на филологический факультет Тюменского государственного университета. И тогда же, в октябре 1995 года, приняла участие в областном семинаре молодых писателей. Ее стихи сразу же обратили на себя внимание. Часть из них была опубликована на страницах газет, в студенческом альманахе «Облака».

Наше время не назовешь особенно благоприятным к поэзии. Ломкая, не без надрыва интонация Марии Хамзиной созвучна душевному напряжению молодых людей нашего времени. Кто-то примет ее интонацию. Кому-то ее самоуглубление покажется наигранным и книжным. Но молодая поэтесса в поиске. Пожелаем ей творческих удач!

. . .

Никому ничего не скажем...
Что нам делать во сне вчерашнем?
Силуэты нездешних башен
Застилает февральский снег...
Это, может быть, даже страшно –
Согреться лучом погасшим,
Это, может быть, даже страшно,
Ну, а может быть, – вовсе нет.
Сон проходит, и воет вьюга.
Как согреть нам с тобой друг друга,
Что нам делать с тобой, подруга,
Если в памяти больше слез?
Силуэты креста и круга,
Силуэты врага и друга...
Под ногами хрустит упруго
Снег, что наши следы занес.

. . .

Забывать и не помнить,	И слезы во сне.
Простить и прощать...	Забывать и не помнить –
И в сумраке комнат	Тебе или мне?
Уснула свеча.	Осенняя кома
Все это знакомо –	Вчерашних друзей,
Седьмая печать.	Забывать и не помнить –
«Забывать и не помнить» –	Но это больней.
Советы врача.	Не помнить, не верить,
Мы в мире огромном	Не верить, не ждать...
Остались одни,	За запертой дверью -
И в сумраке комнат –	Седьмая печать.
Ненастные дни.	

. . .

Не смежить мне усталых век,
Не забыть никогда, никак –
Человек уходил навек,
Человек уходил во мрак...
И ложился под ноги снег,
И деревья сплетались в сеть...
Человек уходил навек,
Человек уходил совсем.
Этот день я запомню так,
Словно памяти больше нет –
Человек уходил во мрак,

*Погасив за собою свет...
... Через тысячи долгих зим
Я поверю в твою вину –
Как посмел ты уйти один
И оставить меня – одну?!*

. . .

*Во имя твое собирал я поход,
Во имя твое...
И тысячи смелых стремились вперед,
Во имя твое...
И тысячи копий вспахали жнивье,
Во имя твое...
И тысячи трупов клюет воронье,
Во имя твое...
Во имя твое я застрелен вчера,
Во имя твое...
И прошлое пало на угли костра,
Во имя твое...
Но все-таки ветер осенний поет
Лишь имя твое...*

. . .

*Есть одиночество – сегодня и всегда,
И навсегда... Осенняя прохлада,
За занавеской – синяя звезда,
На зеркале – «Дорога в никуда» –
Последняя, дешевая бравада
Одной души, поверившей в покой,
Есть для покоя бритва под рукой.
От старых книг осадок мутноватый,
Портвейн дешевый, красное вино...
И что-то непонятное с расплатой,
С Мессией, ожидаемым когда-то,
Но не пришедшим.
Впрочем, все равно,
И в никуда – дорога за окно.
А может быть, столетья обманули?
Быть может, он давно уже не спит,
Сейчас придет и сразу сотворит
Из рваных вен – вино «Киндзмараули».
И одиночество рассыплется в куски,
И нет нужды спасаться от тоски.
И нет тоски... Ушедшие – вернулись.*

СЛОВО

...ОСЯННО
только слово
среди земных тревог...
И. Гумасов

...и другие для Евгения А. С. Пушкина

А. С. Пушкин в анекдотах

Почти анекдот — это вымышленная и увлекательная история, рассказанная в разговорной манере. Это, конечно, не наука, это искусство. Оно требует таланта, воображения, наблюдательности и чувства юмора. В то же время анекдоты — это искусство устной речи, которое требует умения выразить мысль в нескольких словах. Вот почему анекдоты и были популярны в народе на протяжении веков.

Анекдоты, как и фольклор, передаются из поколения в поколение. Они являются частью культуры народа. В анекдотах отражены все стороны жизни: любовь, война, политика, быт. Анекдоты — это зеркало общества. Они показывают, что волновало людей в определенную эпоху.

В анекдотах часто используются гиперболы, ирония, сатира. Это делает их интересными и запоминающимися. Анекдоты — это искусство слова. Они требуют мастерства рассказчика и умения слушателя.

Анекдоты — это искусство. Оно требует таланта, воображения, наблюдательности и чувства юмора. В то же время анекдоты — это искусство устной речи, которое требует умения выразить мысль в нескольких словах. Вот почему анекдоты и были популярны в народе на протяжении веков.

Анекдоты — это искусство. Оно требует таланта, воображения, наблюдательности и чувства юмора. В то же время анекдоты — это искусство устной речи, которое требует умения выразить мысль в нескольких словах. Вот почему анекдоты и были популярны в народе на протяжении веков.

Анекдоты — это искусство. Оно требует таланта, воображения, наблюдательности и чувства юмора. В то же время анекдоты — это искусство устной речи, которое требует умения выразить мысль в нескольких словах. Вот почему анекдоты и были популярны в народе на протяжении веков.

Анекдоты — это искусство. Оно требует таланта, воображения, наблюдательности и чувства юмора. В то же время анекдоты — это искусство устной речи, которое требует умения выразить мысль в нескольких словах. Вот почему анекдоты и были популярны в народе на протяжении веков.

...и другие для Евгения А. С. Пушкина

Анна Тагильцева: "Начинать приходится с нуля..."

Анна Тагильцева в 1979 году переехала в районный центр журналистики и в то время была редактором в газете «Трудовой путь». В 1984 году она переехала в Тюмень и стала работать в газете «Трудовой путь». Она рассказывает о своем опыте журналистики и о том, как она начала свою карьеру.

«Начинать приходится с нуля...» — это фраза, которую Анна Тагильцева использует, чтобы описать свой опыт журналистики. Она рассказывает о том, как она начала свою карьеру в журналистике и о том, как она научилась работать в этой профессии.

Анна Тагильцева — журналистка, которая много лет работала в газете «Трудовой путь». Она рассказывает о своем опыте журналистики и о том, как она научилась работать в этой профессии.

Анекдоты

Анекдоты — это короткие, смешные истории, которые часто основаны на реальных событиях. Они являются частью культуры народа и передаются из поколения в поколение.

Анекдоты — это искусство слова. Они требуют таланта, воображения, наблюдательности и чувства юмора. В то же время анекдоты — это искусство устной речи, которое требует умения выразить мысль в нескольких словах. Вот почему анекдоты и были популярны в народе на протяжении веков.

Анекдоты — это искусство. Оно требует таланта, воображения, наблюдательности и чувства юмора. В то же время анекдоты — это искусство устной речи, которое требует умения выразить мысль в нескольких словах. Вот почему анекдоты и были популярны в народе на протяжении веков.

Евгений Онегин (отрывок)

Евгений Онегин — роман в стихах Александра Пушкина. Это один из самых известных произведений русской литературы. В отрывке описаны первые впечатления Татьяны от Онегина.

«Ты не любишь меня, ты не любишь меня...» — это фраза, которую Татьяна говорит Онегину. Она рассказывает о том, как она влюбилась в Онегина и о том, как он ее отверг.

Евгений Онегин — роман в стихах Александра Пушкина. Это один из самых известных произведений русской литературы. В отрывке описаны первые впечатления Татьяны от Онегина.

Иван Разбойников

Иван Разбойников — повесть Николая Гоголя. Это одна из самых известных повестей Гоголя. В повести описаны приключения Ивана Разбойникова.

«Князю прибыль — белке честь» — это фраза, которую Иван Разбойников говорит князю. Она рассказывает о том, как Иван Разбойников попал в плен к князю и о том, как он выжил.

Иван Разбойников — повесть Николая Гоголя. Это одна из самых известных повестей Гоголя. В повести описаны приключения Ивана Разбойникова.

Глава из повести

Глава из повести — это часть произведения, которая рассказывает о событиях, происходящих с героями. В этой главе описаны события, связанные с Иваном Разбойниковым.

«Князю прибыль — белке честь» — это фраза, которую Иван Разбойников говорит князю. Она рассказывает о том, как Иван Разбойников попал в плен к князю и о том, как он выжил.

Глава из повести — это часть произведения, которая рассказывает о событиях, происходящих с героями. В этой главе описаны события, связанные с Иваном Разбойниковым.

Ровесник

Ровесник — повесть Николая Гоголя. Это одна из самых известных повестей Гоголя. В повести описаны приключения Ровесника.

«Князю прибыль — белке честь» — это фраза, которую Ровесник говорит князю. Она рассказывает о том, как Ровесник попал в плен к князю и о том, как он выжил.

Ровесник — повесть Николая Гоголя. Это одна из самых известных повестей Гоголя. В повести описаны приключения Ровесника.

А.С. ПУШКИН В АНЕКДОТАХ

Русский анекдот – интересная и увлекательная область отечественной смеховой культуры. Нет, кажется, сферы жизни, которую анекдот не выставил бы в смешном виде. Сделать то или иное явление, событие, лицо странным, забавным, и тем самым – приблизить его и смехом укоренить на бытовом уровне массового народного сознания. Вот функция анекдота. Анекдот никого и ничто не щадит.

И мне казалось, что я легко найду подборку анекдотов об А.С. Пушкине. И не для того, чтобы высмеять великого поэта. А для того чтобы еще раз показать, как точно прописан Пушкин в массовой народной, в том числе и в смеховой культуре.

Меня постигла неудача. Потому, наверное, что плохо искал. Ибо не нашел я пушкинской серии анекдотов, как, положим, о В.И. Чапаеве или других исторических деятелях. Я полагал: «Не может быть, чтобы не было о Пушкине анекдотов!»

Их сочинял в свое время Даниил Хармс. Встречаются они в газетных подборках, сборниках. Нет-нет, да и расскажет кто-то в застольном разговоре.

Но анекдоты о Пушкине единичны. И почтительны к поэту.

Видимо, отечественная смеховая культура не видит в Пушкине объекта осмеяния.

И, тем не менее, решаюсь некоторые представить вниманию читателей.

. . .

Однажды А.С. Пушкин пригласил несколько человек в ресторан и угощал их на славу. Входит граф Завадовский и, обращаясь к Пушкину, говорит:

– Однако, Александр Сергеевич, видно, туго набит у вас бумажник.

– Да ведь я богаче вас, – отвечает Пушкин. – Вам приходится иной раз проживать и ждать денег из деревни. А у меня доход постоянный, хотя и меньшее число подданных, – всего тридцать шесть букв русской азбуки.

. . .

Император Николай Павлович всегда советовал Пушкину бросить карточную игру. Он говорил поэту:

– Она тебя портит!

– Напротив, Ваше Величество, – отвечал поэт, – карты спасают меня от хандры.

– Но что же после этого твоя поэзия?

– Она служит мне средством к уплате карточных долгов.

И действительно, когда Пушкина отягощали карточные долги, он садился за рабочий стол и за одну ночь отработывал их с излишком. Таким образом был написан, например, «Граф Нулин».

• • •

Государь Николай Павлович был благосклонен к стихотворцу Александру Пушкину и отечески наставлял его:

– И что вы, Александр Сергеевич, все о женских ножках и ножках. В вашем возрасте надо подниматься выше...

– ??!

– Пишите о России.

• • •

При Пушкине рассказывали об одном народном поверье. Будто тараканы залезают в ухо спящего человека, пробираются до мозга и выедают его.

– Как я этому рад, – ответил Пушкин. – Не буду теперь говорить о человеке, что он глуп. Скажу: обидел его таракан.

• • •

Будучи в молодых годах, Пушкин на одном вечере был пьян. И вел разговор с дамой.

Надобно прибавить, что дама была рябой. Чем-то недовольная поэтом, она в сердцах сказала ему:

– Да у вас, Александр Сергеевич, в глазах двоится.

– Нет, сударыня, – отвечает он, – рябится.

• • •

Некая дама на балу резко ответила Пушкину. Он развернулся и ушел. Ей тут же сказали, кто это был и что ей надо извиниться, ибо он ославит ее острым словом. Она кинулась за ним.

– Александр Сергеевич, я хочу...

Поэт увернулся. Она догнала его и страстно выговорила:

– Александр Сергеевич, я хочу...!

Поэт отошел в сторону. Но она не отставала:

– Александр Сергеевич, я очень хочу...

– Мадам, – ответил он, – но не здесь же, при людях, на балу...

. . .

Как-то, желая смутить Пушкина, его спросили в обществе:
– Какое сходство между мной и солнцем?

Поэт быстро нашелся:

– Ни на солнце, ни на вас нельзя взглянуть, не поморщившись.

. . .

Пушкину настойчиво советовали написать критику исторического романа г. Булгарина. Он ответил:

– Чтобы критиковать книгу, надобно ее прочитать. А я на свои силы не надеюсь...

. . .

Государь Николай Павлович при встрече сказал Пушкину:

– Мне хотелось бы, чтобы король нидерландский отдал мне домик Петра Первого в Саардаме.

– В таком случае, – подхватил Пушкин, – попрошусь у Вашего Величества туда в дворники.

. . .

Петька входит к В. И. Чапаеву и видит у того на столе книгу.

– И о чем книга? – спрашивает Петька.

– Да о летчиках.

– Откуда ты знаешь?

– Да написал ее ас Пушкин.

. . .

У армянского радио спрашивают:

– Писал ли Пушкин о «новых русских»?

Ответ:

– Конечно, писал. Вспомним хотя эту строку: «златая цепь на дубе том...»

«Анекдоты из жизни Пушкина» Д. Хармса

1

Пушкин был поэтом и все что – то писал. Однажды Жуковский застал его за писанием и громко воскликнул:

– Да никакo ты писака!

С тех пор Пушкин очень полюбил Жуковского и стал называть его по-приятельски просто Жуковым.

2

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растет, а у меня не растет», – частенько говаривал Пушкин, показывая ногтями на Захарьина. И всегда был прав.

3

Однажды Петрушевский сломал свои часы и послал за Пушкиным. Пушкин пришел, осмотрел часы Петрушевского и положил их обратно на стул. «Что скажешь, брат Пушкин?», – спросил Петрушевский. «Стоп машина», – ответил Пушкин.

4

Когда Пушкин сломал себе ноги, то стал передвигаться на колесах. Друзья любили дразнить Пушкина и хвалили его колеса. Пушкин злился и писал на друзей ругательные стихи. Эти стихи он называл «эригармами».

5

Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «Это ничаво».

6

Пушкин любил кидаться камнями. Как увидит камни, так и начнет ими кидаться. Иногда так разойдется, что стоит весь красный, руками машет, камнями кидается, просто ужас!

7

У Пушкина было четыре сына, и все идиоты. Один не умел даже сидеть на стуле и все время падал. Пушкин-то и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сплошная умора: сидят они за столом, на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце — его сын. Просто хоть святых вон выноси!

(Даниил Хармс. Полет в небеса. Л., 1988. С. 392-393).

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН накануне XXI века (отрывок)

Авторы предлагаемого стихотворного опуса – ученики школы-гимназии № 14 г. Тюмени. Свое сочинение они озвучили на школьном вечере-конкурсе «Умники и умницы». Вечер-конкурс был посвящен А.С. Пушкину и его роману «Евгений Онегин».

Два века ссорить не хочу.

А.С. Пушкин. «Евгений Онегин». Глава IV.

И старым бредит новизна.

Точно А.С. Пушкин. Где-то там же.

I

«Увидеть офис мне нельзя ли?» -

Спросила Таня. Поскорей

Все к секретарше побежали

Спросить от офиса ключей.

И секретарша к ней явилась,

И дверь стальная отворилась,

И Таня входит в холл пустой,

Где делал деньги наш герой.

Она глядит: забытый в зале

Компьютер на столе стоял,

С ним рядом принтер отдыхал

Со ксероксом. Татьяна дале

Идет, задумавшись, в спортзал,

Где Женька мускулы качал.

II

И вот подходит она к бару;

Покойный Ленский, бизнесмен,

Сюда захаживал не даром,

Попутным ветром занесен.

Здесь виски пил и устриц кушал,

Онегина вполуха слушал,

Который счета предъявлял

И к срочным мерам призывал.

Они, бывало, в воскресенье

Часов одиннадцать подряд

С азартом резались в бильярд,

Ища от скуки в том спасенья.

Потом за покер резво брались

И только под вечер прощались.

III

*Татьяна взором изумленным
На все здесь сумрачно глядит,
И все ей кажется ничемным,
Все душу бедную язвит
Полумучительной загадкой:
И сейф, спрятанный украдкой,
И груда дисков, под окном
Журнальный столик, диктофон
И пейджер, брошенный случайно,
Хрустальной лампы полусвет,
В углу Бутусова портрет...
Чужим причудам подражанье,
Слов бранных пошлый лексикон...
Уж не пародия ли он?*

Глава из повести

Иван Разбойников

«КНЯЗЮ ПРИБЫЛЬ – БЕЛКЕ ЧЕСТЬ»

*«Вот старики наши ходили на югру
и самуюдь, сами видели в полнощных
странах: спадала туча, а в той туче
белка молодая, только что рожденная,
вырастала и расходилась по земле...
Этому рассказу свидетель Павел,
посадник Ладожский и все ладожане».
(Из новгородской летописи XI века).*

Чудесная затейница белка из сказки «О царе Салтане», несомненно, северянка.

Из десятого века донеслись в наши времена записанные исландским летописцем Снорри Стурлусоном варяжские саги о походах за мехами в далекую страну Биармию и загадочном рыжем звере по имени «Ур». По мнению современных ученых, Биармия, получившая свое название от коми-пермяцкого Би-Ур-Ми, в переводе «страна огненных белок», – это Пермия, огромная территория, включавшая в себя весь Средний и Северный Урал, часть Югры, простиравшаяся до Ледовитого моря-океана.

Пермия издавна считалась законной вотчиной новгородцев, и именно от них, промышленных людей и ушкуйников, попало в «Начальную летопись» XI века известие о волшебных белках

Югры, падающих на землю с самых небес. Видимо, белок в те годы в югорской земле было столько, что объяснить их изобилие, кроме как сверхъестественным путем, не представлялось возможным даже для бывалых добытчиков.

Волшебная белка, грызущая кедровую шишку, вообще могла бы стать символом югорского княжества и царства сибирских салтанов, как основа их благосостояния. Беличья шкурка служила в Сибири единицей измерения ценностей тех или иных товаров, начиная с древнейших времен и почти до наших дней. Стоимость мехов различных зверей и других товаров выражалась в количестве беличьих шкурок, как в наше время в рублях. Причем сама белка ценилась невысоко.

Совершенно не случайно, в результате долговременного использования беличьих шкурок как эквивалента для расчетов при товарообменных операциях, на языке сибирских татар слова, означающие белку и копейку, звучат и пишутся одинаково: «тиен».

Если Пушкин читал «Словарь российско-татарский» Иосифа Гиганова, то должен был обратить внимание на столь замечательное совпадение. Возможно, так оно и случилось, и именно этому обстоятельству мы обязаны появлением белки в «Сказке о царе Салтане».

Ни в одной из известных русских народных сказок белка не выступает в качестве героини. Следовательно, нет ни малейших оснований утверждать, что Гвидонова затейница-белка навеяна народным творчеством. Какая же другая причина, кроме «российско-татарского словаря» могла побудить Пушкина поместить непопулярного у сказителей, глуповатого зверька в княжестве Гвидона по соседству с Салтановым царством.

В XVI-XVIII веках, в период освоения русичами Лукоморья и становления Мангазеи, главы хантыйских и мансийских родов носили гордые княжеские титулы. Основой экономики остяцких княжеств и всего сибирского царства в целом служила пушнина, основную массу которой составляла белка, водившаяся в кедровиках и сосняках в таком изобилии, что поражала своей численностью воображение.

Желая отразить значение белки для развития многих сибирских городов, российское правительство присваивает им в XVII веке гербы с изображением пушных зверей. Белку и горностаю в своем гербе одно время имел город Нарым. Расположенный неподалеку от него (по сибирским меркам) Енисейск, в котором некогда служил Матвей Пушкин, имел в своем гербе двух красных белок.

О месте, занимаемом белкой в общем объеме добычи пушнины, можно судить по данным Г. Старцева за 1923-24 годы, взятым по Сургутскому району: белка 600000 шт., лисица 900 шт., горностаю 900 шт., соболь 35 шт. В другие годы общий объем добычи мог колебаться в ту или иную сторону, но соотношение количества

добываемой по видам пушнины неизменно свидетельствует о превалирующем значении белки.

Мы уже говорили, что у Пушкина имелась книга «Третья часть дневных записок путешествия Ивана Лепехина, совершенного в 1771 году», в которой поэт мог найти информацию о быте и промыслах вогулов, живших по Затурью и реке Тавде до Пелыма. Есть в ней интересные сведения и о белках: «Зимние вогульские жилища, юртами прозываемые, состоят из нескольких изб. Зимний их промысел большей частью состоит в белке и соболях. Белка может быть причислена к текущему зверю и в известные годы бывает в великом множестве, так что хороший стрелок сот до пяти в осень набивает. По их приметам белка тогда великими сказывается стадами, когда ели и сосны полные и зрелые имеют шишки. Течение белки, как сказывают, наиболее бывает с полудня на север, и тогда все поморские стороны к Океану ими изобилуют».

Приметим, что Гвидонова белка, как и белки Лепехина, тоже живет под елью на берегу океана.

*Белка песенки поет
Да орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной –
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть...*

«Строгий счет орехам весть» имело прямой смысл, поскольку второй после пушнины статьей доходов Сибирского царства был кедровый орех, в огромных количествах вывозившийся не только в Россию, но и за ее пределы.

Особое значение кедра для Сибирского царства признавалось на государственном уровне. В Указе царя Алексея Михайловича 1666 года есть описание: «Печать Сибирская, на ней древо стоящее кедровое, к древу два соболя стоят на задних ногах».

О символике на сибирских гербах стоит упомянуть и потому, что Пушкин был знатоком государственных и дворянских гербов и геральдики. Для пополнения знаний в этой сфере он приобретал книги, содержащие описание гербов и смысла геральдической символики.

В письме к К.Ф. Рылееву (май 1825) Пушкин писал: «...Ты напрасно не поправил в «Олеге» герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега: новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят во время Иоанна III, не прежде...».

Как мы видим из письма, Пушкин понимал исторический смысл геральдики и суть язычества. Гербы и геральдические знаки могли служить ему хорошим подспорьем и дополнительным информационным материалом для произведений. Возможно, и гербы сибирских городов и царства Сибирского дали ему материал для эпизодов «Сказки о царе Салтане».

Пушкина (носившего, заметим, звание историографа) интересовали не только история покорения Сибири и экзотические населенные пункты этой «terra incognita», но и основы их экономической деятельности. В 1831 году вышла книга Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал и привел и оставил неизреченный трудами Петр Великий».

Во втором томе книги Пушкина привлекла статистика Сибирской губернии и замечания о «Сибирском царстве и царях сибирских, о которых в истории сибирской, изложенной в 1745 году сентября 1 дня». Александр Сергеевич писал издателю М.П. Погодину: «Сердечно благодарю Вас и за письмо и за старую СТАТИСТИКУ. (Выделено мною – И.Р.). Я получил все экземпляры вчера из Петербурга». Похоже, Погодин, высылая статистику Пушкину, заранее знал о его пристрастии к такого рода сведениям о Сибири и надеялся доставить ему удовольствие. Интерес к исследованию какой-либо темы не возникает внезапно и на неподготовленной почве. Багаж знаний по определенной тематике постепенно накапливается у исследователя, пока не выльется в конкретные литературные формы.

Изучив множество материалов о Сибири, в своей «Сказке о царе Салтане» Пушкин опоэтизировал реально существовавшую в Сибирском царстве экономическую ситуацию, подав ее в привлекательном, доступном даже детскому пониманию, сказочном виде. Будем же ему за это благодарны.

Лена Стафеева

РОВЕСНИК

Автор этих строк, ученица 3-го класса гимназии № 1, заняла первое место в городском конкурсе чтецов, посвященном 200-летию А.С. Пушкина, и второе место в городской олимпиаде школьников по литературе среди учащихся начальных классов.

Говорят, что Пушкину двести.

Не могу я в это поверить.

А мне кажется, что он – мальчик,

И живет в соседнем подъезде.

Знаю – учится он в лицее, как и я.

Только чуть постарше.

Как и я, занимается в классе,
Веселится и спорит с друзьями.
Он, курчавый, стройный и грустный,
Вечерами бродит по саду,
Вороша осенние листья,
Сочиняет свою Людмилу
И от чар Черномора спасает,
Сказки няни своей вспоминает...
И из уст его льются строчки,
И бегут, как весной река.
Он не знает, еще не знает,
Что они останутся на века!
Ну и пусть, что Пушкину двести,
Все равно он с нами всегда!
В желтой осени, в грустной песне,
Ничего не изменят года!
Знаю я: он со мной ровесник,
Хотя нас разделяют века!

Поэзия

Анна Тагильцева

«НАЧИНАТЬ ПРИХОДИТСЯ С НУЛЯ...»

Анна Тагильцева в 1993 году вместе с родителями переехала с Дальнего Востока на жительство в Тюменскую область. В 1996 году окончила среднюю школу в с. Сорокино Ярковского района. В районной газете «Ярковские известия» опубликовала свои первые стихи. Увлечение поэзией привело ее на филологический факультет Тюменского государственного университета. Ее отношение к слову стало строже, требовательность к своим стихам усилилась. И сохранились трепетность чувств, умение видеть мир в его красках и его сложности. Да, как у многих молодых, ее стихи – о себе, о своем познании мира. Наша публикация – ее первый выход к читателю уже подборкой, открывающей новое имя.

Анна Тагильцева

В добрый путь, Анна!

Я никогда не пойду с тобой
И не усну на твоей подушке.
Будет шуметь за окном прибор,
Будет темно, одиноко, душно...
Терпкий напиток не смоеет боль,
От сигареты не станет легче...
Я никуда не пойду с тобой,
Даже, наверно, уже не встречу.

Начинать приходится с нуля,
С первой строчки, с чистого листа,
Мысли беспокойные кланя,
Памяти альбом перелистав.
Как из лейки, с самого утра
Сыплет дождь – уныло и мокро...
Муза, беспощадная сестра,
Водит непослушное перо.
И бегут, беспомощно легки,
По паркету клеток и полей
Первые неловкие стихи,
Чистые, как капли на стекле.

Небо – тяжелый груз,	Ровный овал лица,
Звезды ладони жгут.	Ноги прохладной шелк.
Больше уже не ждут	Он не искал венца,
Почести прежних Муз.	Он не за славой шел!
Больше не вьют венки;	Ветер разнес в степи
Лавра не хватит всем...	Свет незнакомых глаз,
Мягкий изгиб руки	Был он совсем другим,
С сеточкой сизых вен.	Был не похож на нас.

Ты меня лепил из белой глины,
Гладил губы трепетной рукой,
Бархат щек, румяных, как малина,
Губкою разглаживал легко.
И была податливой и чистой
Глина под руками у тебя.
Ты меня лепил своею мыслью,
Мучаясь, ревнуя и любя.
В легкий шелк мои закутав плечи,
Умолял вздохнуть и сделать шаг.
Оплывали розовые свечи,
А из них рождалась душа.

• • •

Таает белое покрывало -
Все виднее ею заплаты.
Деньги есть, только очень мало:
Нам опять не дают зарплату.
Не смотри на плитку с тоскою,
В холодильник не надо тоже:
Там давно ничего такого,
Хоть чуть-чуть на еду похожего.
Лучше выйдем бродить по лужам -
Это, знаешь, не так уж плохо.
Ну и что же, что ты простужен?
Много разных у нас пороков.

Про хорошую жизнь

Старенький потертый абажур
Создает иллюзию уюта.
Дом не дом, каюта не каюта,
Стол, диван, и я на нем лежу.
Кавардак снаружи и внутри.
Чай остыл, и хлеба нет ни крошки.
За окном взволнованные кошки
До утра слагают покурри.
С потолка из серого пятна
Капает: опять прорвало трубы.
В кошельке - один несчастный рубль...
В окна мощно ломится весна.

• • •

Весна неопрятна, грязна и прохладна.
Как маленький и нежеланный ребенок.
А воздух густой, как разлившийся ладан,
А запах все так же изысканно тонок.
Аккорды сплетаются в плотном тумане
В густые мелодии сумрака залов.
Весна то пригреет, то снова обманет,
То вновь закружит суетою вокзала.
И снова вагоны печально и подробно
Стучат в тишине по накатанным рельсам,
И таает весною пропитанный город,
Как где-то меж звезд убывающий месяц.

ДАЙ НАМ РУКУ, ПОЭТ!

Чем более значителен предмет высказывания, тем больший соблазн наговорить банальностей.

А тут Пушкин.

В русском национальном самосознании А.С. Пушкин являет собой знак высокой культуры. Он – взлет культуры к той высоте, с которой художник равно говорит со всеми и особенно с каждым. Кому-то мысль эта может показаться крамольной, ибо закреплена она за Богом, который со страниц Священного писания равно говорит всем и особенно каждому. Но художника, опасаясь назвать Богом, мы решаемся назвать творцом. Своим творчеством он творит свою художественную Вселенную, а вхождение в нее возвышает нас, облагораживает и в итоге дает нам осваивать себя.

Имя А.С. Пушкина у всех на слуху. Оно приходит к нам в детстве, закрепляется в школьные годы, сопровождает нас по жизни и воспринимается каждым как неперемнная составляющая той духовной атмосферы, той культуры, в которой нам и дано существовать. Данность нам Пушкина самой судьбой столь органична, что и мысли не приходит, что в нашем русском бытии его вдруг да и не будет.

Пушкинское слово и в хрестоматийно популярных образцах, и в тех этюдах и набросках, которые не очень широко известны, неизменно оставляет впечатление его свободного изъяснения, будто вот именно так и никак иначе оно и не могло быть сказано. Слова, вроде бы, те, какие и мы знаем. Но они одно к другому словно припаяны. А потому мысль, ими оформленная, представляется единственно той, какая и должна быть высказана, ибо предстает законченно выраженной. Суждено ей быть законченно выраженной только в этих словах.

Тайна поэтического слова Пушкина потому и есть тайна, что секрет ее не дано разгадать. Когда она вдруг будет разгадана, она перестанет быть тайной и уже не будет волновать нас. Как и в любви: любим потому, что любим, а когда логически изъясняем, за что и почему, то это уже – привязанность.

Пушкинское слово – свободно. Более того, оно по-своему безрассудно. Как безрассудно само естество, сама природа.

Стихия пушкинского свободного слова и есть та среда, в которой хаос безмолвия обретает гармонию, становится Космосом порядка. Пушкин полагал, что «страстей безумных и мятежных так упоителен язык». И уже потому давший им слово (гармонию) – поэт.

*Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге*

*Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его,
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет.*

Пушкинское слово, сотворенное в своей природной естественности, всегда природно-нравственно. Ибо оно являет нам человека не функционального, здесь и сейчас побуждаемого поступать целесообразно, как диктуют обстоятельства, а как личность, свободно изъясляющую себя в стихии душевного порыва. Тем оно и органично. Тем оно и узнаваемо. Тем оно единственно в точности своей.

Пушкинские черновики демонстрируют поиск слова нравственного. Даже там, где оно вписано в конкретно-исторические реалии и социальны, Пушкин эти реалии как бы отодвигает в ситуативный контекст и концентрирует свойственное человеческой природе изначально.

Социологизированной пушкинистикой чрезвычайно любима четвертая строфа его стихотворения «Я памятник воздвиг...». И любима в ее черновом варианте, в котором она звучала так:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.*

Но вот как она закрепилась авторской волей в итоговом варианте:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

Дело не только в оглядке на цензуру (упоминание Радищева). Первоначальный, черновой вариант сужал назначение Поэта, делал его зависимым от обстоятельств времени. Окончательный вариант обстоятельства времени растворил в предназначении Поэта.

Но социологизированная пушкиника и сегодня строку «И милость к падшим призывал...» сводит к очередному призыву Пушкина вернуть из ссылки декабристов. Но в 50-е годы XIX века декабристы были возвращены. И строка должна была бы потерять свою актуальность. А не теряет! Пусть время, власть и общество будут милосердны и тем — нравственны.

Предназначение Поэта – выразить природно-нравственное: «милость к падшим». Формула единственно точная, ибо актуальна во все времена и при любой власти.

В истории мы не находим периода, когда общество и власти не признавались бы в своей любви к Пушкину. О нем никогда не говорили как о чем-то прошлом, его всегда утверждали как духовную составляющую дня современного. И даже, когда этот день баррикадно разводил людей, даже когда братоубийственно сталкивал нас в отстаивании той или иной, но обязательно правды, Пушкин был равно дорог и тем, и другим, хотя ценили они в нем только то особенное, что дорого было именно им.

В 200-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина Россия и мы, русские люди, подходим к завершению своего движения и развития в XX веке. С атмосферой пушкинских торжеств мы вдыхаем атмосферу века XXI. И вслед за Александром Блоком молитвенно обращаемся к Пушкину:

*Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.*

Дневник-размышление

Полина Панкова

СУДЬБА, СУДЬБОЮ, О СУДЬБЕ

Дневник-размышление в дни пушкинского юбилея ученицы Тюменского медицинского лица

1 июня 1999 г.

Осталось пять дней до дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. И какого дня – двухсотлетия!

Недавно я узнала, что в роду А.С. Пушкина было двенадцать святых! Так вот откуда его гениальность, его светлость и легкость! Она подготовлена судьбами его предшественников, их духовными подвигами.

А что такое была судьба для самого Пушкина? Как он понимал ее? Сознал ли свое предназначение уже в юные годы, к примеру, в шестнадцать лет? Столько сейчас мне. Я тоже часто думаю о судьбе. Полные ли мы хозяева над самими собою, или есть что-то выше и сильнее нас? Давит оно? Или заставляет подниматься до своего предназначения? И как постичь, в чем это предназначение? Пушкин понял свое призвание очень рано. Пятнадцатилетним он написал в стихотворении «К другу стихотворцу»:

*Пожалуй, – скажешь мне, – не трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет, белый свет.
Сердись, кричи, брани, – а я-таки поэт.*

Александр Сергеевич Пушкин думал о судьбе беспрестанно. Он считал, что от нее уходить не следует, потому что она ведет к исполнению своего призвания. А он на многое готов, чтобы воплотить себя.

*Ах! Ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души своей
Бессмертие своих творений.*

Какую жажду самореализации надо иметь, какие высокие ориентиры себе поставить! Уже в эти годы он не только мечтал о бессмертии. (Это вроде бы естественно. Я, например, тоже реально не могу представить, что когда-то закончится моя жизнь). Он предчувствовал свое бессмертие, воплощенное в стихах, и верил в него.

«Лишь я судьбе во всем послушный», – так он писал о себе. Дальше развивал свою мысль о том, что ему не почести важны, не отметки, которые дает общество, а внутреннее следование своему желанию, то есть тому, что предназначено. А это значит: мы властны над судьбою, она в наших руках в той мере, в какой мы делаем все зависящее от нас, чтобы стать самими собою.

2 июня 1999 г.

Сегодня перечитала знаменитое стихотворение Пушкина «19 октября» (1825 г.). И обратила внимание на то, что в нем восемь раз встречается слово «судьба». В заключительных строках о лицеисте-сотоварище, которому придется одному праздновать лицейскую дату, поэт высказывает пожелание, чтоб тот провел ее «без горя и забот». В этом весь Пушкин! Какие бы мрачные мысли ни появлялись, как бы ни печальна была действительность – каждый из нас должен с надеждой смотреть на окружающий мир. Ведь не только мир творит нас, но и мы творим его. Видимо, имея в виду это понимание, В.Г. Белинский говорил, что «Пушкин не дает судьбе победы над собой, он вызывает у нее хоть часть отнятой у него отрады».

Да, действительность наша – это не только источник горя, но и источник утешения. Об этом А.С. Пушкин не позволяет нам забывать. Душевное и физическое исцеление великий поэт призывал искать в тех же обстоятельствах, в которых постиг человека недуг. Нужно опираться на себя, на внутреннее разнообразие своей натуры. И в этом Божий промысел и оправдание путей его.

*Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить
и страдать;*

4 июня 1999 г.

Когда мы говорим о А.С. Пушкине, мы всегда имеем в виду высокую поэзию, высокие чувства, которые хочется взять за образец. Но я недавно задумалась вот над каким парадоксом: несмотря на «дум высокое стремленье», герои Александра Сергеевича Пушкина – живые люди. Он не идеализирует ни кавказского пленника, ни Алеко, ни даже самого Онегина, хотя везде говорится об автобиографичности образов. Правда, он их не разоблачает. Просто старается показать на пределе возможностей. И это делает героев Пушкина реальными и притягательными личностями. Великий поэт и знаток человеческих душ изображает их не самих по себе, а среди других людей, сталкиваясь с которыми, жизненные цели героев получают иногда совсем неожиданное направление. А то и нежелательное. Так, у героев Пушкина возникает проблема выбора. И тут вопрос, который он задавал себе и задает нам всем через века: насколько мы свободны в своем выборе, а насколько он навязывается нам обстоятельствами, представлениями других людей о том, что хорошо и что плохо, о том, какими мы должны быть? Не в плену ли мы этой зависимости? Не обманываются ли относительно своей самостоятельности и Татьяна, и Онегин, и Алеко, и мы, сегодня живущие?

*И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородный,
Напрасен опыт вековой.
Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

К самому Пушкину жизнь поворачивалась и прекрасной своей стороной, и безобразной, а то и жестокой. Но он умел оставаться Человеком и в счастье, и в беде, и в любви, и в отверженности. «Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим», – сколько в этих строках трагической боли, отлитой в гармонию и человечность! Превратить безответную любовь в чувство, которым будут восхищаться миллионы людей и следующие поколения, – это ли не умение держать жестокий удар, оставаясь верным судьбе, лучшему в себе?

5 июня 1999 г.

Очень сложен человек у А.С. Пушкина. Для него суть дела не в том, чтобы выжить, а в том, чтобы всегда и непременно оставаться самим собою. Несчастья не пугают его. Он всегда готов вступить в единоборство с ними. Но, а если все-таки злой рок обрушивается на него, он относится к этому спокойно, как к неизбежности. И в результате возвышается не только в глазах самого себя, но и всех других.

*Я возмужал среди печальных бурь.
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.*

Очень хочется научиться такому мудрому взгляду на мир. Без этого умения трудно прожить жизнь достойно. Александр Сергеевич Пушкин учит шире смотреть на действительность, на ее природу, принимая по-философски спокойно то, что не в нашей власти. Наверное, поэтому пушкинский оптимизм и проникнут такой глубиной и человечностью.

*Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг...*

Или другое:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть...*

Призывы великого поэта к возвышению человека над судьбой означают не сглаживание различий между счастьем и несчастьем, а Путь, когда и несчастья – лишь вехи на пути к счастью! Ах, как бы не забыть мне об этом в черные дни моей жизни!

6 июня 1999 г.

Двести лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Весь день я буду читать его стихи. И уже только поэтому 6 июня станет счастливым днем моей жизни. Провести весь день с Пушкиным – что может быть прекраснее!

В свое время известная статья Марины Цветаевой «Мой Пушкин» вызвала определенное неудовольствие. Как – мой? Он – наш, всех, общий... Но каждый к Пушкину приходит по-своему и для каждого Пушкин – свой.

Надя Рушева (1952-1969) – юная талантливая художница, создала свой образ Пушкина, его друзей и его эпохи. В ее легком

Надя Рушева

рисунке – очарование искреннего восхищения, душевная теплота. Рисунок как бы торопится запечатлеть на листе милые черты, созданные ее воображением. Это Пушкин Нади Рушевой. Но это – и наш Пушкин, тот, кого своей духовной памятью мы храним юным, порывистым, вечным.

Сегодняшнее «СЛОВО» проиллюстрировано рисунками талантливой художницы.

Проза

Анвар Исмагилов

ВЕЩИЙ ОЛЕГ на туркменском коне

«Ольгович, являясь полководцем доблестной русской армии в звании князя, в должности командира дружины...».

А. Солженицын, «В круге первом»

От отца пахло усталым вечерним потом, сгоревшим авиационным керосином, потертой кожей коричневой портупей с полукольцами для полевой сумки, сыроватой поверхностью потускневших латунных пуговиц, кобурой с дежурным пистолетом «ТТ» и медными патронами.

Он повесил синий офицерский китель в шкаф, надел полосатую широкоштанную пижаму и домашние чуваки из верблюжьей шерсти и после неторопливого ужина, вспомнив обещание, сказал нам с братом:

– Сынки, сегодня мы будем читать вслух.

– Ура! – закричали мы, и кинулись собирать игрушки: деревянные мечи, щиты и стрелы; пистолет, отлитый десятилетним Тагиром из свинца и подаренный мне, шестилетке; облупленного коня, помогавшего мне в молчаливых битвах-качаниях с вероятным противником, – и понесли на веранду настольную лампу с абажуром из газеты «Советская Туркмения». Мама боялась пожара и всегда

поливала абажур водой, прежде чем надеть его на гибкий каркас из сталистой проволоки. Газета корежилась, высыхая, и от нее по веранде расплывались черно-серые змеиные тени. На свет и на стол слетались отважные эскадрильи беспорядочных мотыльков, крупноголовой саранчи, прозрачнокрылых кузнечиков, бежали по щелястому полу веранды голенастые пауки, а по углам и за пределами уютного и бесстрашного жилого пространства стоял черный вечерний мир с мохнатым небом и громадными звездами, с ледяным дыханием барханной пустыни, плоских такыров и чудовищных солончаков. Сюда над военным городком Джебел нависал необъятный высохший минерал залива Кара-Богаз-Гол, с запада веяли прохладой влажные валы Каспийского моря, из Ирана, огибая хребет Копет-Даг, выли болотные ветры, а пустыня Каракумы продолжала свою вечную работу мертвыми серыми песками и невероятной, недоступной пониманию марсианской жарой.

Брат, кряхтя и спотыкаясь, принес толстенный коричневый «Золотой том» Пушкина с длинным предисловием Томашевского. Я уже около двух лет как читал взахлеб все подряд, начиная с «Боевых листков агитатора» и заканчивая романом «Пляска смерти» Бернгарда Келлермана, из которого помню только, что одна соседка другую обзывала «сухой», и это было одно из непонятных мне слов, о чем я и спросил маму, почему-то не знавшую объяснений. Поэтому в последнее время я предпочитал молча таскать из огромной библиотеки подходящие мне по сюжету и толщине книги, а для справок употреблял словари и энциклопедии.

Тагир положил пахнущий сладкой пылью фолиант на обеденный стол, открыл нужную ему страницу и сказал:

– Пап, что сегодня будем читать? – Он знал ответ, но предвкушал его, как домашняя собака любимую команду «гулять!»

Отец посмотрел на него и неторопливо ответил:

– «Песнь о вещем Олеге»!

До этого я еще не добрался. Из предисловия я узнал, что «воспитание Пушкина было безалаберным». Если это так, то Пушкин похож на отца и моего брата: мама их так иногда ругает. Значит, это был добрый человек. И отец начал:

*Как ныне собираетя вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечу и пожарам...*

– Значит, он грабил вещи у казаров? – спросил я, имея в виду, что если он абрек, то есть разбойник, то их домашнему скарбу не поздоровится.

– Не вещи, а вещей, тот, кто знает наперед, это ты поймешь, когда подрастешь; и не казарам, а хазарам! – терпеливо произнес

отец. – Хазары жили там, куда мы скоро поедem переводом в другой гарнизон. И дедушка Салам жил на Кавказе. И мама. А еще они жили на Черном море.

– А на что похоже море?

Отец задумался и библейски произнес: – Море – это много соленой воды.

– А сколько воды? Как в бассейке? – Бассейка – так назывался пожарный водоем в центре городка, вокруг которого мы бегали и пугали туркмен открытым люком, куда они обязательно упадут, и старым карабином, раскопанным в песках – оружия со времен басмачей они боялись панически.

– Что ты, – сказал отец – гораздо больше! Больше, чем в Малакаре! Малакара – соленое озеро – было похоже на мокрый такыр – соли было столько, что люди не тонули, а лежали сверху, блистая на солнце лечебно-грязными телами.

– Помнишь речку в Фирюзе? Если она будет течь целый год и куда-нибудь выльется, и то будет меньше, чем море!

Тут уж я возмутился:

– Не может быть! Столько воды не бывает!

– Ну, продолжим, – миролюбиво произнес отец, – потом ты увидишь море и узнаешь, какое оно большое.

Читал мой Махмутыч великолепно, так же, как писал каллиграфическим почерком. Свиристели сверчки и цикады, потрескивал деревянный дом, нагретый за день и быстро остывавший в вечернем пустынном воздухе. Мама стремительно грызла черные ростовские семечки, складывая шелуху на газету, и читала «Роман-газету».

Вдохновенный кудесник (куда-то едет), послушный перу, ну старик (перу? Удивительный какой-то!), волхвы (владельцы халвы? Значит, богатые, да и не боятся владык), и вдруг прозвучало «правдив и свободен их вещей язык»!!! Я вздрогнул: опять вещей! Понятно было, что к вещам язык отношения не имеет – он же внутри. Здесь что-то другое.

Отец читал неторопливо, со вкусом и комментариями, а в моей легкой отважной голове сверкали молнии воображения: вещей – вечный (это я понял, вечный человек, долго живущий, никогда не умрет, а смерть – это я видел во сне: по зеленой реке среди скалистых гор плывет огромный белый пароход, гудит, а меня уже нет, и что будет дальше – неизвестно!), вечный Олег, словно комполка Юшников на туркменской свадьбе, ехал на худощавом и брыкливом ахалтекинце – какое сладкое и независимое, нахальное слово! – покрытом чарджоуским ковром необыкновенной толщины, с красными кистями, и конь, выпукло глядя фиолетовым глазом в сторону, приседал и всхрапывал под румяным и толстым Олегом. В правой руке командир дружины держал тонкую пику с флажком

на гибком древке, а в другой – кривой золотой меч, вроде того, что подарили на плацу командующему ПВО, когда он приезжал на инспекцию. Почему-то отец называл меч «полицейской селедкой» и косился при этом в нашу сторону, а мы затаились над цветными карандашами и бумагой.

На лице Олега были коричневые летные очки-футляры с толстой резиновой лямкой (в такие мы смотрели солнечное затмение), а на груди, как бляха у «трибогатыря», болтался зеленый полевой бинокль с облупившейся краской. Слева и справа, как хурджины, пристегнуты мешки защитного цвета с шелковыми парашютами. На офицерском ремне в кобуре, плотно застегнутой на маленькую желтую пипочку, наверняка был черный «ТТ» с обоймой, а не позорный желтый огурец, как у веселых летчиков, поддававших между полетами.

За командиром, или князем, ехала дружина: косматые богатыри с карабинами, в высотных шлемах с ларингофонами, качаясь и переваливаясь между волосатыми горбами на торжественных верблюдах с глухозвонными жестяными бубенцами на кривых шеях, с выпяченными толстыми губами. Знаменосец катил за собой на тачанке огромный авиационный пулемет ШКАС, мечту окрестных пацанов.

Я замечтался и что-то пропустил. Отец, повышая тон, скандировал:

– И хочет увидеть он кости коня... И ветер волнует над ними ковыль... Из мертвой главы гробовая змея шипя между тем выползала...

Я вздрогнул и прижался к брату. Нехорошее предчувствие пересушило рот. Недавно в гарнизоне хоронили двух солдат, ушедших в пустыню и занявшихся от скуки ловлей змей. Лица у покойников были черно-синие, и живые цветы только усиливали страшное впечатление. На саксаулах и карагачах сидели змеи-стрелки, похожие на ветки, и кидались на прохожих. В барханах жила толстая черная гюрза, опасная даже для верблюда. А совсем недавно появился питон – круглый, как серый, бидон с крышкой для молока из военторга – такого размера, что вызвали пулеметчиков, и они его расстреляли, а потом с трудом закопали в яме, чтобы другие змеи не нашли это место и не пришли мстить! Черепов было хоть отбавляй: и маленьких ломких – тушканьих, и узких мрачных – лошадиных, и даже массивных коровьих с рогами и дырками от них. Внутри могло быть что угодно, и мы в суеверном страхе колотили их длинными палками, отбегая подальше после удара.

Так вот что ждет Олега! А еще вещей...

– *Как черная лента, вокруг ног обвилась;
и вскрикнул внезапно ужаленный князь...*

К горлу подступил огромный влажный ком. Свет померк. Командир дружины упал и умер, а послезавтра его, как десятки других погибших офицеров и личного состава, понесут вокруг городка на гарнизонное кладбище.

– А-а-а-а, – не выдержав, заорал я изо всей силы. Слезы хлынули из глаз и полились неудержимо. Все кинулись ко мне, спрашивая, в чем дело. Я долго не мог остановиться, как и не мог объяснить, что мне до древнего дядьки, укушенного обычной гюрзой. Вся горечь мира влилась мне в глотку, и я захлебывался слезами.

Кое-как отец дочитал до конца. Что такое тризна, я догадался: залпы из карабинов, а потом офицеры соберутся в столовой, будут пить спирт и вспоминать войну... А утром, проснувшись, я долго смотрел на толстый ворс ковра с таинственными орнаментами и шептал про себя, пока не вышептал:

*До свидания, вещей Олег,
Но зато ты не будешь калек!*

Мои дядья-десантники, ломанные-переломанные в боях, прыжках и неудачных приземлениях, поднимая очередную стопку спирта, пили «за то, чтоб не было калек», и плевали через левое плечо. Значит, Олег остался молодым и красивым, как те летчики, чьи портреты несли впереди бордовых подушечек с молчаливыми орденами и медалями. Они просто исчезали навсегда, а через время тихие вдовы с растерянными детьми покидали городок с небогатыми чемоданами и сиротскими узлами с одеждой. Те же, кому не повезло, как говорили мать с отцом, могли годами оставаться «в гостапиле» с переломами позвоночника, и мы знали, что оттуда никто не вернется плясать вприсядку – так и лежали, глядя сухими глазами в потолок и не отвечая на приветы родных, как добрый дядя Захаров из шестнадцатого дома.

До свидания, детский Олег... Здравствуй, вещей Пушкин!

СЛОВО

...ОСМЯННО
ТОЛЬКО СЛОВО
СРЕДИ ЗВЯНКИХ ТРАВ...
И. Гурьев

Слово — это не просто набор звуков, а нечто большее. Слово — это душа народа, его история, его культура. Слово — это то, что связывает нас друг с другом, что делает нас людьми.

Слово — это не просто набор звуков, а нечто большее. Слово — это душа народа, его история, его культура. Слово — это то, что связывает нас друг с другом, что делает нас людьми.

Слово — это не просто набор звуков, а нечто большее. Слово — это душа народа, его история, его культура. Слово — это то, что связывает нас друг с другом, что делает нас людьми.

Слово — это не просто набор звуков, а нечто большее. Слово — это душа народа, его история, его культура. Слово — это то, что связывает нас друг с другом, что делает нас людьми.

Сергей ШУМСКИЙ

Встречи с Солоухиным

Встречи с Солоухиным — это не просто встречи, это диалог. Это разговор о жизни, о творчестве, о любви к родной земле. Солоухин — человек, который знает цену слову, который умеет слушать и слышать.

Встречи с Солоухиным — это не просто встречи, это диалог. Это разговор о жизни, о творчестве, о любви к родной земле. Солоухин — человек, который знает цену слову, который умеет слушать и слышать.

Встречи с Солоухиным — это не просто встречи, это диалог. Это разговор о жизни, о творчестве, о любви к родной земле. Солоухин — человек, который знает цену слову, который умеет слушать и слышать.

Встречи с Солоухиным — это не просто встречи, это диалог. Это разговор о жизни, о творчестве, о любви к родной земле. Солоухин — человек, который знает цену слову, который умеет слушать и слышать.

Анатолій Мемшиков

Квадрат одиночества

Квадрат одиночества — это не просто квадрат, это форма. Это форма одиночества, это форма любви. Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве.

Квадрат одиночества — это не просто квадрат, это форма. Это форма одиночества, это форма любви. Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве.

Квадрат одиночества — это не просто квадрат, это форма. Это форма одиночества, это форма любви. Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве.

Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве. Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве.

Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве. Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве.

Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве. Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве.

Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве. Мемшиков — человек, который умеет находить красоту в одиночестве, который умеет любить в одиночестве.

ВСТРЕЧИ С СОЛОУХИНЫМ

Приезжал он, если не ошибаюсь, в 1974 году на декаду тюменской литературы – громкие в те годы были мероприятия. Но этот заезд, помнится, был самый представительный и многочисленный – прибыли кубинцы и румыны, поляки и болгары, сербы и словаки, венгры и чехи. Из наших, отечественных, тоже букет богатый и яркий: Георгий Марков, Михаил Дудин, Бабоевский, Кербабаев, Друнина, Рождественский, неизменный Алим Кешоков. Ну и Владимир Солоухин приехал, в то время уже маститый и популярный.

Разъезжались все через день по маршрутам – южным и северным. Область огромна, тысячами верст измеряются расстояния, вся делегация в сто с лишним писателей была разбита на восемь маршрутов-групп. Солоухин ни в одну не согласился войти и провел все шесть дней сам по себе.

– Мы как-никак не стадные животные, чтобы собирать нас в гурты и потом гнать по маршрутам, – повторил он несколько раз, когда мы познакомились и, как мне казалось, пришлось друг другу по душе. Правильно я говорю?

– Правильно, правильно, Владимир Алексеевич, – подтверждал я, хотя досада разбирала оттого, что все шесть дней мне с ним не удастся провести. В первый день я его свозил к знаменитой нашей травнице в Боровое – к Ирине Федоровне Спиридоновой. Потом он напишет об этом визите целую главу в книге «Трава». Фамилию, правда, переиначит и назовет ее Митрофанихой. Написал эту главу Солоухин с ироничной издевкой: вот, мол, бабка-знахарка нанимает каждый день такси, чтобы ездить в лес за лекарственными травами – выкладывает тридцатку! Это в месяц-то в какую сумму выливается?! И торговлю травами поставила на широкую ногу, посылки во все концы Союза и даже за рубеж шлет. Перечислял общие сборы трав – тоже в назидательно-ироническом тоне. Они, дескать, известны из любой книги по лекарственным растениям.

Сознаю сегодня, что избрал тот чуть осуждающий и критический тон Солоухин не по склонности своего характера, а в угоду времени, его узколобым тенденциям, когда здоровая деловая предприимчивость расценивалась как стяжательство и корысть. По натуре сам Солоухин, насколько его узнал и из разговора других, был очень расчетлив в делах и оценках, каждому усилию, каждому поступку давал свою цену, причем истинную, не иллюзорную цену: за все человек должен платить. Дармовая даром и проходит – говорится в народе.

И в этой же главе он подчеркивал бабкину смекалку, ум, практичность и то, что она сама не навязывала цену, давали, кто сколько мог. Если кто не в состоянии платить деньгами, несли рыбу, деликатесы, коробку шоколада или платок – принимала с благодарностью.

К слову сказать, эти деликатесы, икру черную и красную, балыки и рыбные малосолы испробовал сам Владимир Алексеевич в тот памятный день и описал в главе с присутствием ему смакованием. Смаковать он любил во всем: в деле и в слове – это он умел.

Ирина Федоровна была феноменальна в своем роде, светлого, доброго и игривого ума человек. Пережила все мыслимые и немыслимые невзгоды, какие могут выпасть на людские бранные плечи: блокаду Ленинграда, окопы, голод, гибель мужа на фронте, потерю троих детей, которых разыскивала целых восемнадцать лет, наконец, жестокий, как в средневековье, показательный суд над травницей-колдуньей, не имеющей права лечить людей без специального образования. Образования у нее действительно не было – всего четыре класса. На пакетах она писала «гимарай», «асьма», но это не мешало ей знать и успешно применять до четырехсот трав. «За дурными не наклонялась», – как она сама говорила. Обо всем этом, в том числе и о визите Солоухина (под фамилией Захарьева), я написал в пьесе «Судили знахарку...». Она напечатана в недавно вышедшем моем сборнике «Пастуший стан»...

В Тобольске Солоухин пробыл три дня и провел их, по его признанию, интересно и плодотворно, встречался со многими тоболяками, особенно с музейными работниками, которые хорошо знали историю Сибири и знали о сохранившихся в городе и его окрестностях раритетах. Тюмень и Тобольск, по словам Солоухина, – это нетронутый кладезь старинных вещей, изделий, книг и икон, так как сюда завозили их в прошлые века на надежное место хранения. В доказательство этого Владимир Алексеевич увез из Тобольска ломберный столик восемнадцатого века и несколько редких старинных икон.

В собирательстве старины Солоухина многие видели нездоровую страсть, упрекали в чрезмерной корысти, жадности, стремлении к наживе. Думаю, это не так. Двигала им в этих устремлениях не страсть к обогащению, а желание сохранить великие ценности прошлого, придать им большую значимость, то есть воздать им то, чего они достойны по цели и назначению. Он-то знал и видел прекрасно, что мы забыли Бога, а Бог забыл, бросил в беспмятство нас. Мы перестали чтить и ценить самого Господа и все, что создано им во круг нас руками человека.

Лет восемь назад в одной из пустующих деревень на берегу Пышмы мне достались три иконы, которые валялись на вышке одной из нежилых изб, один мужик, знавший об этом, отдал мне их за

бутылку водки. Большая икона Спаса нерукотворного храмовая, а две другие – Святые апостолы. Все три отвез недавно в Тобольск и подарил владыке Димитрию. Бог подвиг меня возвратить святыни в лоно храма – так всегда было на Руси. Верю, что солоухинские богатства и редкости старины сохранятся, найдут свое достойное место – и это поставится ему в заслугу.

Когда Владимир Алексеевич пришел перед отъездом ко мне домой в гости, он сразу же стал рассматривать пять самоваров на книжных стеллажах – всего же у меня собрано их около сорока. Из этих же пяти он долго изучал два: один в форме шара, можно сказать, чистая сфера, другой – фигурный, похоже, посеребренный, оба тульские, братьев Шемариных, 1801 года изготовления. Он облюбовал последний, фигурный, к тому же совершенно целехонький, и уговаривал меня продать ему. Давал 250 рублей. И я не согласился, в деньгах в те годы я не нуждался. Думаю, он не обиделся, так как я рассказал ему, что среди сорока самоваров есть один ведерный, посеребренный, «для придворных поставок», которому больше ста лет. Он покачал своей красивой головой, поцокал языком и хлопал меня по плечу, шепотом произнес: «Мо-о-лодец какой ты!»

Ночь перед отъездом почти не спали. По окончании успешного завершения декады был закатан, как всегда, грандиозный банкет в ресторане гостиницы «Турист», и потом в номерах «гудели». А в половине шестого уже были в аэропорту.

Я припас четвертинку своего бальзама на сорока травах, и мы угощались в ожидании посадки, то есть Солоухин, Шесталов и я.

Рейс, как по нашему заказу, отложили на час. Разбавляли бальзам водкой и тянули потихоньку под бутерброды с колбасой и сыром. Солоухин, похоже, был в настроении, нюхал напиток, пробовал на язык, рассказывал, какие он сам делает настойки – смородиновые, чесночные, тминные, дягилевые, иногда смешивает до восьми-десяти трав. Юван с утра был в ударе, «шаманил» на ходу и без умолку выдавал экспромты и импровизации.

Подходили другие писатели, угощались, хвалили напиток. Подошла поэтесса Майя Румянцева, посмотрела на нас с не очень строгим осуждением, а на Солоухина с затаенной нежностью, поскольку они учились на одном курсе в Литинституте и у них, говорят, была нежная романтическая любовь. Проговорила выстрадаанным материнским тоном:

– Володенька, разве можно выпивать с утра?

– Можно, Майечка, мо-о-жно, – проговорил Солоухин назидательно, поглядывая то на Ювана, то на меня. – А вдруг в последний раз? Может же и такое быть, причем избежать этого еще никому не удавалось. Все почему-то думают не о себе, а о других... Вот мне сейчас и подумалось, Майечка, да-а...

В последний раз...

Мы встретились с Владимиром Алексеевичем последний раз года за три до его кончины, в Центральном Доме литераторов – знаменитом московском ЦДЛе. Сидели в вестибюле в удобных креслах, неторопливо переговаривались, он рассказывал о недавней поездке в Париж, о наслаждении, которое испытал от месячного сидения за письменным столом в своем родном Олепине.

Перед этим я ему послал последний вариант пьесы «Судили знахарку...». Он, конечно, прочел, но сильно не распространялся ни на похвалы, ни на критику. Только проговорил:

– Вряд ли ее поставят, Сережа, в ближайшие годы. Вон видишь идет маститый? – указал он на одного писателя, проходившего мимо в ресторан. – Вот его ставят почему-то, хотя пишет он бездарно.

В последний раз...

Насколько мы осознаем этот рубеж, эту конечную границу нашего грешного и суетного бытия в нашей прекрасной обители – на Земле под синим Небом и ласковым Солнцем? И осознаваема ли эта грань, черта, за которой никому не дано знать, что там происходит, что нам уготовано Богом?!

Совсем незадолго до смерти, рассказывали мне московские друзья, он пришел на встречу в редакцию журнала «Наш современник», все зная о своем тяжелом недуге (он его предрек себе давно в одной публикации) и что это последняя встреча с друзьями, но вида не показывал, шутил, играл словами, выпил даже стопку водки.

И его последнее желание было выполнено. Его отпели в восстанавливаемой святыне – Храме Христа Спасителя. В жизни он желал одного, чтобы его дух витал в родных пределах, потому что он любил сыновней любовью русский народ, Россию и оставил им на века свое заветное слово.

Сказочка

Крак Шерстонос

КРАСИВЫЕ УШИ

Шмокодявка лежал на берегу озера и грустно смотрел на свое безухое отражение. В воде плавали широкие листья, желтые кувшинки с зелеными стрекозами на лепестках. В воздухе задумчиво кружили скромные комары. Время от времени комары падали в воду, и тогда вокруг безухой головы отражения разбегались, как будто это уши вырастали.

Шмокодявка лежал на животе и думал, что было бы хорошо, если бы уши вдруг выросли сами, как вот эти круги! Он зажмурился и

очень сильно захотел, но только зеленый лист упал с клена и лег на его отражение, как шапочка.

Длинноносая ворона с дерева разглядывала Шмокодявку, склонив голову набок. Он знал эту птицу. Ворона поселилась в лесу в прошлый четверг. С тех пор она везде летала, все рассматривала, но ни с кем не разговаривала. Спросишь ее о чем-нибудь – отмалчивается и только пушистые усы приглаживает и расправляет крылом. Любит она свои усы!

А позавчера ворона принесла какой-то колпак и уселась в него, свесив наружу лишь нос да лапы. Может быть, она живет в таком колпаке? У вороны тоже нет ушей, и, кажется, это ее ни капельки не беспокоит. Странная птица! Все уже к ней привыкли, но, правду сказать, никто про нее ничего не знает и даже голоса ее не слышал. Разве что Гаврилыч!

Шмокодявка очень уважал Гаврилыча. Однажды он видел, как тот читал толстую книгу с картинками, где были нарисованы разные машины, и с тех пор решил, что Гаврилыч знает все.

– Ворона, а ворона, ты зачем живешь? – спросил Шмокодявка.

Ворона наклонила голову в другую сторону и ничего не ответила.

– Спой, птичка, не стыдись, сыру дам! – поддразнил ее Шмокодявка. Все равно молчит, стесняется, что ли?

Ворона свесила голову так низко, что чуть не вывалилась из своего колпака.

– Ну что ты уставишься на меня! Видишь, беда – без ушей живу, такой уродился. Тебе это не важно, а для меня – горе, на глаза показаться стыдно.

Шмокодявка сорвал два зеленых подорожника и приложил к голове с обеих сторон. Уши могли бы получиться отличные, красивые. Правда, никак не хотят держаться. Шмокодявка поплевал на подорожники и приклеил к голове. Отваливаются, ну, что тут будешь делать!

Вдалеке раздался гул, потом свист, пушистое облако стремительно проносилось мимо.

– Заяц мчится. Заяц скачет, – сказал Шмокодявка. – Вот это скорость! Тебе, ворона, и не снилась такая!

Да, это был Заяц. Увидев Шмокодявку, он затормозил, пропахав лапами две глубокие колеи, и остановился.

– Что это? – спросил он удивленно, глядя, как со Шмокодявковой головы отлетают подорожные уши.

– Уши, кролик, – нехотя ответил Шмокодявка.

– Я не кролик, а Заяц. Кто же это делает уши из подорожника! – воскликнул Заяц.

– Я делаю, кролик, – грустно ответил Шмокодявка.

– Я не кролик, а Заяц! – подпрыгнув, заявил Заяц. – Ведь они же завянут!

- Пусть вянут, кролик, – мрачно сказал Шмокодявка.
- Я не кролик, а Заяц! Летим ко мне! У меня как раз есть для тебя пара отличных ушей! – закричал Заяц.
- Я не птица и летать не умею, хоть ты и Заяц, – хмуро сказал Шмокодявка.
- Ну, бежим, ползем, едем, скачем, садись на меня – и я доведу! – заорал Заяц, подскакивая то на одной ноге, то на другой. Он просто не умел стоять на месте.
- Ух, как быстро они мчались! Шмокодявка сорвал на скаку ветку и махал ею над головой, как саблей. Мелькали деревья, кусты, сзади, шумно пыхтя, еле поспевала ворона. Лежащего на пути медведя они перепрыгнули, чуть не раздавив.
- Медведь вскочил и спросонок обругал пролетавшую над ним ворону.
- Носит вас, ворон! – проворчал медведь. – Усы отрастила, а медведей не видишь! – и снова заснул.
- Возле самой своей норы Заяц затормозил, и Шмокодявка кубарем скатился с него, еле переводя дух.
- Это еще что! – довольно крикнул Заяц. – Я мог в сто раз быстрее! За мной! – скомандовал он и бросился вниз головой в нору.
- Когда Шмокодявка сполз туда, Заяц сидел на полу и рылся в большом чемодане, куда складывал разные вещи. Он был запасливым зверем и считал, что это хорошее свойство. Если запасливому зверю надо съездить по делам, он всегда найдет под кроватью автобус.
- Заяц вытаскивал из чемодана и бросал на пол ложки, пирамидки, соски, фонарики, телевизоры, камешки, шапки, будильники, бутылки, кубики, фотоаппараты, карандаши и даже целый паровоз с двумя вагонами.
- А слона у тебя нет? – восхищенно спросил Шмокодявка.
- Есть! – и Заяц вытащил за хвост слона.
- А самолет?
- Есть!
- А генерал?
- Есть, но кусается, – и Заяц достал генерала, осторожно держа его за кончик носа.
- А...
- Есть, – не дослушав, ответил Заяц и достал это.
- Шмокодявка, раскрыв рот от восторга, смотрел, как рядом с ним растет гора удивительных вещей. Скоро эта гора закрыла Заяца с головой, из-под нее раздался только его крик:
- Да где же она! Куда же она! Что ж это она! Наконец, он, наверное, нашел то, что было нужно, и завопил торжествующе:
- Ага-а!!!

Куча вещей зашевелилась и развалилась. Из нее вылез Заяц в красной, как помидор, шляпе. В лапах он держал ножницы и бутылку с клеем. Сунув все это Шмокодявке, он в одну секунду свалил всю громадную кучу вещей в чемодан и запихнул его обратно под кровать.

– Сейчас у тебя будут такие уши! – заявил он. – На зависть слону! Ну-ка иди сюда!

Шмокодявка и пискнуть не успел, как Заяц вырезал из шляпы два круглых больших уха, намазал их клеем и прилепил ему на голову.

– Посмотрись! – он сунул Шмокодявке под нос зеркало.

Шмокодявка зажмурился, потом раскрыл глаза и восторженно вздохнул. На его пушистой голове торчали по бокам два отличных красных уха! Лучше, чем у медведя, лучше, чем у Гаврилыча, даже лучше, чем у самого Зайца!

– Ну как, нравится? – строго спросил Заяц.

– Очень, – тихо шепнул Шмокодявка. – Очень-очень! Теперь я тоже могу прятаться в помидорах!

Так у Шмокодявки появились уши и Заяц. Уши стали знаменитые, Заяц тоже. Все лесные жители приходили на них посмотреть. А когда Шмокодявка хотел спрятаться, он уходил в огород, садился там на грядку с помидорами, и его никто не мог найти.

Стихи

Александр Херсонский

КВАДРАТ ОДИНОЧЕСТВА

Анатолий Меньшиков – прекрасный журналист и тем уже самодостаточен. Но мне он давно дорог и как поэт, требовательно осмысливающий себя и общество. Пишет он немного, а многое – «тонны словесной руды» – по перепро чтении сжигает. И тогда в его творческом лотке остаются крупницы поэтического «драгметалла».

После завершения в Москве IX Всесоюзного совещания молодых писателей (1989 г.) Егор Исаев писал в «Литературной газете»: «Угловатое поэтическое слово А.

Анатолий Меньшиков

Меньшикова напомнило мне стихи Николая Анциферова: то же чувство высоты и опять-таки какая-то природная, а не просто литературная завершенность».

А вот как сам Анатолий говорит о своем творчестве:

– 15 лет назад я мечтал выпустить поэтический сборник с полутора сотнями стихотворений. Каждый год, возвращаясь к рукописи, выбрасывал из нее десяток-другой. Осталось 33.

15 лет назад я хотел назвать свой сборник «Желание бунтарства». Наивный человек. Мой внутренний протест против устройства окружающего меня мира, против господства лицемеров и лгунов, желание быть непохожим на безликую толпу отразились во многих стихах. Конечно, никто бы не выпустил их в свет, никто не позволил появиться книжке с таким вызывающим названием в расцвет всеобщего «благополучия» и самодовольства. Впрочем, все это – в прошлом, «бунтарские» строчки, теперь вызывающие лишь грустную улыбку, оставлены в архивной папке.

Анатолий Меньшиков

Четыре стены

Меня каждую ночь	чернилами в белом.
ждут четыре стены.	Но во мраке простынном
От них хочется – прочь!	утром остылым
Да куда убежишь...	утопает тело...
До рассвета душа	Когда мои плечи
то летает, то кается.	эти стены сожмут,
А стены, шурша,	в них меня унесут.
ко мне подвигаются.	И никто не заплачет.
Но застывает крик	И никто не заплачет?..

• • •

Она обручена вчера.
Отныне мне она сестра.
Вокруг твердят:
«Забыть! Забыть!»
А брату – надобно любить.
Вот торжество!..
Эх, тили-тили-тесто...
Напился в поле я
полынного вина...
В траве пожухлой
спит твой брат, невеста.
И грезы шлет ему
степная тишина.

• • •

Да я, конечно, неудачник.
Но ни к чему мне жалким плачем
мечту о смерти вызывать
и мир печалью покрывать.

• • •

Влетела бабочка
на свет одинокий
в мою одинокую ночь.
Металась и билась
в стенах до утра.
Солнце взошло.
А она – умерла.

• • •

У могилочек бродят в смирении,
место ищут себе старухи;
калошами топчут созревшие слухи,
пересохишие давят мнения...

Юрию Кузнецову

Буря шальная
ребенка босого
с лужайки сорвала
и в небо забросила.
Мать прямо искала.
Ввысь не глядела.
Свечи истаяли.
Колокола отгремели.
Над Россией мальчик
не ангел, не бес –
загибает пальчик –
проносится век.

Он видит змей
в морщинах земли,
в ветрах с полей
чует цветы.
Рядом с ним
просвистела ракета.
Ее – видел весь мир.
А его – не заметил.
Ну что он не плачет?
Что к людям не просится?
Уж лучше быть каплей в дожде,
чем одиночеством.

• • •

Этот город ничейный, курортный,
бесстыжий и обнаженный.
Здесь, среди прочих туристов,
режутся в карты министры.
И чье-то забытое горе
с телом полощется в море.

. . .
В праздник пьют, кому пьется,
кто поет, кто смеется,
кто в утехе не требует сдачи...
Одинокие в праздник плачут.

. . .
Возьми меня хозяином в свой дом.
Я буду краток. И в меру ласков.
Хлебну из миски первым за столом.
За мной – уж ты. И семеро на лавках.
А коль не так, то смело мною властвуй.
Готов любви, как верный раб, служить.
И целый месяц – такая сладость!..
Но вместе нам, любезная, не жить.

. . .
Глядим, встречаясь в зените дня:
она – на солнце сквозь меня,
а я сквозь солнце – на нее.
И терпеливо слушаю вранье.

. . .
Солнце выцвело в метели;
слова без спросу улетели,
застыли, скорчились в снегах.
Не я, февраль – в твоих глазах.

. . .
После бесед в кругу чинов важных, Запирается в ванной.
после экскурсий, после театра Воеет, как баба.
приходит домой. Носки стирает...

. . .
За столом – пятьдесят поэтических лет.
На столе – пара мух и обломки котлет.
Поэт поднял стакан. Мухи взлетели,
о любви и о славе поэту пропели.

. . .
В костюмерной корону бросает король
и шагом пропойцы плетется домой.
Полцарства он предлагал за коня,
а в кармане у бедного нет ни рубля.

• • •

Скончался старик в страду сенокосную.
Что осталось после него?
Крест и зарытое в глину прошлое,
от дряхлых шмоток кое-чего,
бугорок с травой нескошенной,
сено, прокисшее от дождей,
старуха со смертью его непрошенной,
недопитая водка да пять сыновей.

Суд во времена «Русской правды»

– Уж тень на дне дожидается. да не браги, не вина.
Прощайте, други! Как ко дну пойду,
Мне не в чем каяться. вот, скажут, – истина:
Моей правде не поверили оболгали, мол,
об огнищанине, лютом звере. не его вина...
Эх, напьюсь –

Яма

Прадед ночью – Иди в дорогу тверезым.
сбился с дороги и свалился в яму. С разумом ясным
– Смотри под ноги, – из упрямства
сказал он сыну, – отец разыскал яму.
ходи светло и прямо. В нее заглянул,
Дед ясным днем, сказал: «Ого!» -
однако пьяный, и загремел на дно.
тоже попал в яму. Хожу по асфальту
Сына учил он, криво и прямо,
утирая слезы: ищу нахально свою яму.

Счастье

Под тучею белой в траве обгорелой
на вершине, взволнован, стою.
Вон дом – там родился,
вон крест – тут зарыт я
у предков в священном краю.
Вот – камушки моря;
через лет миллионы
с ними дочка затеет игру.
Я врос в вершину сосною.
Хвоей я стал и корою.
День и ночь с облаками плыву.
В Горе – мои корни.
Во мне – ее камни.
Я древен, я молод. Жив-у-у!

«В БИЕНИИ СТРОК И СТРУЙ...»

Имя Николая Шамсутдинова, ответственного секретаря тюменского отделения Союза российских писателей, известно многим жителям области. Думаем, для большинства читателей станет новостью тот факт, что наш земляк в год своего юбилея удостоен Президентской стипендии в области литературы и искусства.

«Литинститутское образование, полученное парнем из ямальской тундры, сказывается не только в мастерски версификации, но и в сложнейшем переплетении древнегреческих, древнеримских и общечеловеческих реалий и реминисценций, – говорит поэт Анвар Исмагилов. – Вот приметы истинного поэта: искусство контекста, способность воспринимать и воспроизводить веяния времени, искусство застольной и бытовой поэтической импровизации. Многозначность и многосторонность его недюжинного таланта проявляются от очерка в стихах до поэмы на экологические темы.

В наши дни мало кто пишет историю любви. У Николая Шамсутдинова на едином дыхании вылетел целый цикл «Стихов к До» – несколько сотен коротких, до предела насыщенных, яростных в неукротимом экстазе и коротких в лирической молитве любовных стихотворений высшего поэтического класса. Дыхание это длится, будем надеяться на выход отдельной книги любовной лирики, которой так не хватает в наши похабно криминальные времена».

Николаю Меркамаловичу 26 августа исполнилось 50 лет. Редакция газеты «ТП сегодня» присоединяется к многочисленным поздравлениям.

Из новых стихов

*Выпукло-сумрачны, синие, как предгрозье –
Над неумолимой долиной, –
Искус гортани –
С лоз изнемогих срезаны грузные гроздья,
Мраком пока сочатся,
В давящем чане
Преображаемы в алые гулы.*

Брожение
Токов стоустых играет в сосудах тесных
И вымывает, влажное, из забвенья
Древние навыки и родовые песни.
Гул до полуночи, не досаждая слуху,
Весь воспринимаем – дыханьем работы умелой,
Мир пропитал.
И глухо подтянешь, по духу,
По необоримой тяге – брат виноделу.
Не потому ль, обращаясь в него,
Ночами,
Ибо бессонная жажда в права вступила,
Мнешь его, слово, словно в давальном чане,
Чтобы верней и крепче в голову било?..

. . .

Глухонемое время...
Кому ж повеем,
Страсти свои торопя в перебранке дней,
В мятный канун Рождества не тропу в Вифлеем,
А, затмевая легенду, дорогу к ней,
Что нескончаема...
Знаю, так ждут вестей из Зазеркалья,
Впитавшаяся в слова,
Злее потребность в ней, чем в смурной звезде,
Свет протянувшей из Да-ального Рождества.

. . .

Словно лукавый лубок, неглубок, убог -
Липы, часовенки, пустошь – смиренный вид:
Так, избегающий косных обличий,
Бог
В частностях, не увлекающих нас, – разлит,
Неосязаем оком...
Верней всего
То, что – субстант понятий «сума», «судьба» –
Видишь, уже душой обретаешь ЕГО –
Только, когда, всевидяш, не видишь себя.

. . .

За поцелуй, посылаем вслед, не ревнуй
Ни к взгляду, ни к заре в лопухах...
О стихах,
Хлынувших – ливень! – в биении строк и струй,

Ты со злобой, любимая, – как о врагах.
И – от стола, оторванный, с головой
В ропот твой!
Пасынок? Да! У врагов твоих,
Я – раскрывая объятия гневу – твоей,
И – обнимаю ревнующую – не их!..

• • •

Неотрезвимый кармин пересохших губ –
Неотразим...
Ты, обрушиваясь в себя,
Словно земля, увлекаешь с собою – вглубь.
Оцепененьем опутывая, губя.
Только воронка зияет, как рот...
Изгой,
Я безнадежно – смятение! маета! –
В ночь просочился, напутствуемый –
жарой? –
Яростным жаром разгневанного рта.

Утренний рассказ

Гаснет светоносное перо –	Наше пробужденье...
Утро	А пространством
Содержанье обрело...	По отрогам старилась листва,
В петухах, взыскующих	Облетая с горьким
ответа,	постоянством.
В рощах, извергающих тепло,	Осиянны тени на губах!
Мирозданье обдано рассветом.	Зоревой рассказ тобой пропах.
Я будил тебя, окно...	Обрываясь влажною строкою,
Овал	Мирозданьем, спящим на руках,
Светозарной речки начертал	И – хмелеют руки под тобою!

Нелюбим

Нелюбим...
И отвергнут уже...
Прямодушна жестокая младость.
Отчего же в понурой душе
Больно теплится горькая радость?
Жизнь безжалостна, что говорить...
Но в обиде, слезах и смятенье
Не хулить ее – благодарить
За страдание, за упоенье!
И, как строчка о снеге, светясь,
Излучая одно нетерпенье.

Возвратиться назад.
Не боясь
Ни иронии, ни отчужденья,
Замирая от дерзости,
Ждать
Мимолетного взгляда иль жеста
И, теряя надежду, страдать, обмирая.
Какое блаженство!
И неделями встречи искать,
Чтоб в сирени – какая удача! –
Встретить взгляд ее и – потерять
Навсегда,
Чуть от боли не плача.
Потаенно отхлынут года,
Прежде чем сам поймешь, вне сомнений,
Что наглядная жизнь – череда
Упований, а не обретений.
Оттого-то и, болью дыша,
Относя все обиды на младость,
Неуемная, теплит душа
Непонятную, горькую радость.
И твердит, и бормочет свое –
Восторгаешься, плачешь, смеешься,
А заглянешь за кромку ее -
Содрогнешься вдруг
И – отшатнешься...

Эссе

«Словарь» – книга, которую писатель Александр Мищенко видит копилкой своих размышлений и зарисовок о мире, судьбе, людях и себе. Он издал его в 1998 году и малым тиражом (100 экз.), и малым объемом. И вот все дополняет и дополняет. Предлагаем читателю три новых эссе, которые войдут в переиздание этой интересной задумки писателя.

Александр Мищенко

Нефтевышки

Нефтевышки – судьба буровицкая. Тот буровик, что раздвинул шторы моего сознания и горел, когда факелом вспыхивала облитая соляром куртка, и под взрыв угодил однажды, когда с корнем вырвало трубы из недр, и голодал с буровой своей братвой в штормовые осенние дни, когда по неделям вертолеты отсиживались в аэропортах и бригады выедали на кочках вокруг буровых до единой клюквинки. И дожил до пенсионных походов на почту за переводами из Соцстраха.

Дед был одинок, очень сдал, похоронив сына. Костюм его забыл, что такое уют. Время от времени его навещала одинокая женщина, сподвижница инженерно-буровицких его исканий в годы бурления дел в нефтяном Приобье. Она приводила в порядок его квартиру, стирала и гладила ему рубашки, костюмы. «Престарелая моя тимуровка», – говорил он ей.

Он забывал, что она существует на свете, что она женщина и требует к себе внимания, как все женщины, ведь без такового неуютно становится даже шкафу, который покрывается въедливой густой пылью забвения. Однажды, когда она занималась уборкой в комнате, дед сказал ей:

– Пойду цветов куплю, на день рождения ведь иду к дЭвушке.

И когда их взгляды встретились, дед молниеносно понял, что за двадцать лет не преподнес ей и сухой веточки. Она была в его квартире пылесосом, веником – техничкой, одним словом. Его прожгло будто бы током памяти нечеловеческого вольтажа. В сознании воскресился скорбный, иконописный лик старушки, с которой он разбеседовался однажды в поезде. «С возрастом злой человек становится злее, сплетник – более склонным к сплетням», – сказал тогда дед. «Но добрый с возрастом не становится добрее, потому что все хорошее наказуемо», – возразила старушка, и дед пылко заспорил с ней.

Он рванул дверь и, на ходу засовывая руку в пиджак, выхлестнулся из квартиры. Спустя десять минут дед купил цветов на все деньги, какие у него были в наличии. И ошеломил подругу охапкою гладиолусов.

Люди

Люди все – «лунный свет», как мыслил семнадцатилетний артиллерийский поручик Бонапарт Наполеон, полагая, что сам он – «солнечный». В дневнике своем 3 мая 1786 года он писал: «Жизнь мне в тягость, потому что люди, с которыми я живу и, вероятно, всегда буду жить, так же непохожи на меня, как лунный свет на солнечный». Цветисто мыслил поручик, но верно ведь, если коп-

нуть в глубину: люди все так или иначе лжецы, фальшивят они, как луна обманным своим светом. Сколько раз я сам попадался на крючок собственной откровенности. Скажешь правду – не верят. В другой раз, бывает, чувствуя, что попадешь в такую неловкую ситуацию, сознательно сфантазируешь что-нибудь сообразное обстоятельствам, и «ноу проблем»: верят твоим словам. Правду, если уж быть скрупулезно точным, вообще-то никогда не высказать. Все, что говорит человек и думает, с бездонностью каждого слова уходит в бездонность всей прожитой им жизни. Потому часто и спорят люди между собой, не понимают один другого. И молчание бывает красноречивее всех слов. Степан Писахов рассказывает в своих дневниках о какой-то вселенской полнотной тишине тундры, случившейся однажды, когда солнце было близко к воде. Солнечные лучи пробежали по самой земле, пронизая стебельки цветов и травы. Цветы и травы засветились, как самоцветы. И тишина казалась светящейся, как все кругом. И в эти сокровенные минуты жизни природы сидел на крутом берегу над морем молодой ненец и пел:

Вышел я ночью на гору.

Смотрю на солнце и море.

А солнце смотрит на море и на меня,

И хорошо нам втроем:

Солнцу, морю и мне.

Ненец пел по-своему, по-ненецки. Писахов тихонько поднялся и, когда ушел далеко, повторил его песню:

Хорошо нам втроем:

Солнцу, морю и мне.

Даже через страницы дневника лучится, кажется, как лучилась тундра тогда, глубокая правда писателя, когда до донышка души светится он. Но это явление, конечно же, редчайшее.

Незнакомка

«Незнакомка» – магическое полотно Ивана Крамского, равновеликое для меня с «Джокондой» Леонардо да Винчи. Побывал я, наконец, в доме-музее его на улице Маршака в Острогжске у поймы речки Тихой Сосны и на полмизинчика хоть приблизился к разгадке тайны мастерства сына писаря-казака, служившего в местной городской Думе. Краски «Незнакомки» – это, конечно же, сочение на полотно Крамского впечатлений его детства. В 1886 году Иван писал в письме Суворину: «Вижу с поразительной ясностью стволы тонких берез, обледенелый снег, замерзшие лужицы, в которых лед отливает перламутром, а от вечернего солнца длинные тени; вижу так называемую леваду, помню, однажды в половодье я стоял на берегу, было ветрено, вода было темная, свинцово-бурая и волны огромные! Гораздо выше меня. Никогда больших волн я не видел».

И вторая выписка, сделанная мной в музее, в горнице, где стоит свидетель детства Ивана Крамского, посудный шкаф, называвшийся раньше «горкой»: «Когда мне было уже 16 лет, мне представился случай вырваться из родного города с одним харьковским фотографом. С этим фотографом я объехал большую половину России в течение трех лет в качестве ретушера и акварелиста». Ретушер запил, оказывается, и взял фотограф Яков Петрович Данилевский с собой парня, что подвернулся ему под руку. И началось их долгое совместное странствие: Острогожск – Харьков – Орел – Москва – Тула – Нижний Новгород. Так что «Незнакомка» – это и случай, и Россия вся, и тот воловий черновой труд, без которого не случается истинного художника.

Критика

Юрий Мешков

ЧТО ЕСТЬ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ?

В последнее время нередко приходит мысль, что в конце XX века стихотворство становится все больше женским ремеслом. Поэт Юрий Кузнецов как-то опубликовал в «Литературной газете» статью, в которой поставил под сомнение сам факт существования женской поэзии. Впрочем, писал он, факт-то есть, а вот поэзии... Есть поэтессы. Но ни Анну Ахматову, ни Марину Цветаеву поэтессами не назовешь, они – поэты. А поэтессы... число их очень уж стремительно растет. Сужу об этом по потоку сборников, авторы которых – женщины.

Мужчины-стихотворцы постоянно жалуются, как трудно им издаться. Женщины же издаются регулярно.

Вот Лидия Жебутинская. Первый сборник «Молчание лотоса» она издала в 1996 году, собрав в него, как следовало из подзаголовка, «стихи разных лет». В 1997 году вышел ее сборник «Алмаза грань», из подзаголовка которого следовало, что он – «новая тетрадь». В 1998 году Лидия Жебутинская издает третий сборник – «Элегия тишины». А 1999 год еще не закончился...

Что это? Любительство, которое не стало сил скрывать, и автор решил открыть его другим? Но из авторских аннотаций следует, что свое стихотворство она любительством не считает. В ее стихах «выражено философское отношение к миру» («Молчание лотоса»).

Они – «результат эстетических впечатлений автора от неординарности жизни» («Алмаза грань»). В них – «главенствующее место занимает тема природы, ее постоянные и неутомимые взаимодействия находят свой отклик в детской душе, философских размышлениях

зрелости и тайниках нашего сердца» («Элегия тишины»). Выписав в ряд названия сборников, выписав ключевые слова из аннотаций к каждому из них, я вспомнил классическую фразу тургеневского Базарова: «Аркадий, не говори красиво». Базаровский прагматизм я не разделяю, а вот его совет Аркадию Кирсанову мне нравится. И как не вспомнить этот совет, когда читаешь у Жебутинской:

*Не погибает та культура,
Где бьет эстетики родник.
Среди пустой макулатуры
Знак естества уже возник.*

В стихах Лидии Жебутинской нет-нет, да и услышишь заявку на мессианское предназначение поэзии и понимание ответственности ни меньше, как перед вечностью:

*За все, что происходит с нами,
Потомки спросят только с нас.*

Три сборника за три года, причем – без столь частых у поэтов перепечаток. Завидная продуктивность! И тиражи сборников, по нашим временам, большие: по две тысячи первые два и полторы – третий. Уместно ли тут говорить о любительстве? Иль это род недуга?

Татьяна Крюкова (она же – Тенева) издала не сборник, а книгу стихов – «Прощенье». Специалисты знают, что книга стихов, в отличие от просто сборника, имеет особое жанровое содержание – поэтическую цельность, интонационное единство, стержневую образную мысль. В иерархии жанров она как бы следует за лирическим циклом, который удается далеко не всем, а уж книга стихов... Впрочем, до тонкостей ли понятий, когда хочется выразиться, да – простите за тавтологию – выразительней.

Предприниматель Ю.Л. Мандрика (раньше представлявший издательство СофтДизайн) расстарался, чтоб читательское чувство было тронуту уже обложкой, где на первой странице – романтические скульптурные фигуры, а на последней, в дымке то ли сумерек, то ли серости буден, – портрет автора. И стихи предложены тут же, на обложке, как программная заявка:

*Заплаканный август стоит за окном
В слезах, и в дождях, и в печали.
Разлучница осень блеснула цевьем,
И лебеди вдруг закричали.
Их нежный волнующий голос грудной
Встревожил меня и окрестность.
И ревность крадется – убийца ночной,
А вместо ножа – неизвестность...*

Красиво... Кому-то вдруг покажется, что невнятно? Зато – красиво, альбомно. Красиво-альбомное впечатление закрепляют и те-

традно вклеенные тридцать фоторепродукций авторских скульптур из дерева...

И в этом альбоме – изливается душа женщины. В чуть комканном речитативе выговаривает она главное:

Я больше не ищу твоей любви,

Смирилась наконец-то

с невозможным!

Пред зеркалом, печальным визави,

Причесываюсь гребнем

осторожным.

И волосы стекают по плечам,

Слегка посеребренные луною.

Нет, я не плачу больше по ночам,

Что жизнь твоя проходит стороною.

Это – первые две строфы стихотворения, открывающего книгу. А вот последние строки стихотворения, книгу завершающие:

Но мы нашли с тобой друг друга –

И это праздник все равно.

Недолгий, грустный, может быть,

Ведь он в преддверии разлуки.

Но ты мои целуешь руки

И помогаешь все забыть.

Я так давно тебя ждала

И счастлива увидеть снова.

В тени подсолнуха золотого

Бывает счастлива пчела.

И все здесь по-альбомному на месте: и правдиво-безыскусное признание («Я так давно тебя ждала И счастлива увидеть снова»), и образно-возвышенная аналогия («В тени подсолнуха золотого Бывает счастлива пчела»). А под стихами даты с 1963 по 1997 год, то есть более тридцати лет собирался этот альбом.

Очень, очень хотелось автору высказаться-выразиться. А издатель торопился явить это читателю. У меня экземпляр, в который рукой внесена авторская правка. А на второй странице обложки вклейка: обращение к читателю, что «по не зависящим от меня причинам» и под другой фамилией книга должна была выйти («я подписывала и буду подписывать свои литературные и художественные произведения псевдонимом Татьяна Тенева»), и исправления («некоторые неточности»).

Этой книге – да грамотного бы редактора. Интересный мог бы получиться сборничек. Но редактор – это взгляд со стороны, и взгляд взыскательный. Или авторам взыскательность эта лишняя, или издателю редакторство – лишние затраты, но – как написалось, так и к читателю пришло.

Наталья Массальская свой уже давний сборник «Я – зеркало твое...» открывает стихотворением, в котором откровенно декларирует свою неподсудность взыскательности.

Мне часто приходится иметь дело со стихотворными опусами и молодых, и тех, кто на тропу сочинительства становится в житейски зрелом возрасте. И как только заговоришь с ними о ремесле, о точности слова, выверенности ритма, энергии строки, как только заговоришь с ними о мастерстве стихосложения, тут же слышишь:

– При чем здесь все это! Давайте о содержании, о моем чувстве, как я правдиво это сказал (чаще – сказала).

– Но ведь важно, как это сказано...

– Вы алгеброй убиваете гармонию.

И о том же, о гармонии, которая боится алгебры, стихотворение Натальи Массальской. Приведу его полностью, ибо оно типично и близко бесчисленному ряду поэтесс.

*Как вызывает фокус удивленье,
Восторг загадки – в сути мастерства.*

Так очарует и стихотворенье.

Где связи слов по вязи волшебства.

Но если вдруг захочешь разобратся,

Все разложить по полочкам – увы! –

С тобою чудеса не станут зваться

И отстраненно перейдут на «Вы».

А с ними так легко шагать по свету:

В них попережку радость, хлеб и соль...

Поэтому прислушайся к совету:

Фантазию от критики уволь!

Какой захочет и когда захочет.

Меня не спросит: не за тем пришла.

Лишь был бы только карандаш отточен,

Да и бумага, как Душа, бела...

В последней строке белый цвет бумаги означает ее девственную чистоту. И такой же чистой, белой, пустой предполагается Душа? Да нет, возразят, автор имел в виду... В виду он имел одно, сказал совсем иное.

А как красиво – «связи слов по вязи волшебства». В стихе слова связываются своей образной логикой, слово в стихе случайным не бывает, даже неправильность его неслучайна. Ведь все мы помним Маяковского: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Слова, подчиненные только своевольной «вязи волшебства», – это и есть «словесная руда»...

А вот стихи Марты Карелиной привлекли меня своей добротной сделанностью. В ее книжице («В погоду невеселую...» Тобольск, 1999. 54 стр.) – 47 стихотворений. К сожалению, без словесной

руды не обошлось. Но иронично-грубоватое слово, нарочитая при-
блатненность вносят в ее стихи некую изюминку, не бабье-жалост-
ливый лепет, а стыдливую грубоватую открытость. Вот хотя бы в
этом стихотворении:

*В погоду невеселую и грязную
Сижу на кухне, прислонясь к стене.
Ты мне поешь про Эльзу безобразную,
А кажется, что будто обо мне.
Ни банки, ни полбанки нету спирта -
Портвейн молдавский, только и всего.
Мне далеко до королевы флирта,
Тебе – до ловеласа далеко.
Но что подождем, это точно, Серый.
Когда и как – зачем нам это знать?
Пропой-ка лучше о любви, холера,
Пусть разольется в сердце благодать!*

Мотивы лирики Марты Карелиной не выходят за круг типичной
женской поэзии: любовь, страдания, расставания, встречи, обман
и т.п. Но в характере ее лирической героини есть готовность к про-
рыву, есть ощущение времени и стремление выйти из себя в него:
«Что на свете происходит. Стоит жить в нем, али нет?» И резкость
слова, как резкость жеста, как нетерпение, как вдруг прорвавшееся
на языке современности томление по тому, что должно же быть.

*Пожираю жизни время,
Словно гусеница лист.
Хоть бы тюкнул кто-то в темя,
Чтоб фонарики зажглись!
Чтоб зажглись и осветили
Мое темное житье.
Чтоб мозги зашевелились
И все члены, «е-мое»..*

Нет, есть в сборнике Марты Карелиной и строки, и стихотворе-
ния, которые останавливают внимание.

Но названные мною поэтессы – это еще не вся женская поэзия
Тюменской области. В Надыме профессионально работают Люд-
мила Ефремова и Алевтина Сержантова, недавно принята в Союз
писателей Вера Худякова, есть книга стихов у Ирины Гущиной...
О них и о других – речь в следующем обзоре.

СЛОВО

...основно
только слово
среди земных тревог...
Н. Гуминин

Пробы Вадима Шуркова

Вадим Шурков — поэт, прозаик, журналист. Он родился в 1948 году в селе Шурково. В 1968 году окончил Ленинградский университет. Работал в газете «Ленинград». В 1975 году переехал в Тюмень. В настоящее время работает в редакции газеты «Слово».

Вадим Шурков — поэт, прозаик, журналист. Он родился в 1948 году в селе Шурково. В 1968 году окончил Ленинградский университет. Работал в газете «Ленинград». В 1975 году переехал в Тюмень. В настоящее время работает в редакции газеты «Слово».

Вадим Шурков

«Шелковая кожа» — Ветви и боль»

Повесть и рассказы Людмила Бондаренко

Людмила Бондаренко

В повести «Шелковая кожа» и в рассказе «Ветви и боль» Людмила Бондаренко рассказывает о жизни в деревне. Герои — простые люди, но их судьбы полны драмы.

Вадим Шурков — поэт, прозаик, журналист. Он родился в 1948 году в селе Шурково. В 1968 году окончил Ленинградский университет. Работал в газете «Ленинград». В 1975 году переехал в Тюмень. В настоящее время работает в редакции газеты «Слово».

Вадим Шурков — поэт, прозаик, журналист. Он родился в 1948 году в селе Шурково. В 1968 году окончил Ленинградский университет. Работал в газете «Ленинград». В 1975 году переехал в Тюмень. В настоящее время работает в редакции газеты «Слово».

Вадим Шурков — поэт, прозаик, журналист. Он родился в 1948 году в селе Шурково. В 1968 году окончил Ленинградский университет. Работал в газете «Ленинград». В 1975 году переехал в Тюмень. В настоящее время работает в редакции газеты «Слово».

В повести «Шелковая кожа» и в рассказе «Ветви и боль» Людмила Бондаренко рассказывает о жизни в деревне. Герои — простые люди, но их судьбы полны драмы.

В повести «Шелковая кожа» и в рассказе «Ветви и боль» Людмила Бондаренко рассказывает о жизни в деревне. Герои — простые люди, но их судьбы полны драмы.

Вадим Шурков — поэт, прозаик, журналист. Он родился в 1948 году в селе Шурково. В 1968 году окончил Ленинградский университет. Работал в газете «Ленинград». В 1975 году переехал в Тюмень. В настоящее время работает в редакции газеты «Слово».

В повести «Шелковая кожа» и в рассказе «Ветви и боль» Людмила Бондаренко рассказывает о жизни в деревне. Герои — простые люди, но их судьбы полны драмы.

В повести «Шелковая кожа» и в рассказе «Ветви и боль» Людмила Бондаренко рассказывает о жизни в деревне. Герои — простые люди, но их судьбы полны драмы.

ПРОБЫ ВАДИМА ШУРКОВА

Вадим Шурков – переводчик с немецкого. Долгое время это было его увлечением. Немецкий язык он открыл для себя, когда проходил армейскую службу в Германии. Потом, при подготовке к кандидатскому экзамену, осваивал его богатство через сказки братьев Гримм. Он получил юридическое образование, много лет служил в правоохранительных органах. Был активным членом творческого литературного содружества «Радомир», которым одно время руководил писатель Александр Мищенко. Увлечение было с ним и в нем до тех пор, пока Вадим Шурков не понял, что это уже и не увлечение, а то основное, чем он живет.

Впрочем, все это с его слов.

Предлагаем вниманию читателей несколько его переводов. Этот вид творческой деятельности требует не только хорошего знания языка, но и вживания в чужой образный мир, умения адекватно и образно выразить его на другом языке. Потому, наверное, так редки переводчики поэзии. Вадим Шурков пробует себя в этом деле. Успехов ему!

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

• • •

Есть жемчуга у моря,
а у небес есть звезды.
Но что-то есть в моем сердце
Прекраснее звезд и перлов.
Огромны небо и море,
Но сердце мое чуть больше.
Над ними солнце восходит,
а в сердце любовь не гаснет.
Войди же, моя малышка,
в мое лучистое сердце...
Тогда и небо, и море
Станут еще огромней.

• • •

Снилось: была печальна луна,
Смотрели звезды печально.
Я к дому летел, где жила она
в каком-то городе дальнем.
Вот, наконец, я у дома ее:
Целую ступеней камни,

Где часто ступала ножка ее,
Ножка, что так мила мне.
И не было ночи той холодней –
Но ждал и желал одно я...
И образ ее увидел в окне,
Вылитый лживой луною...

• • •

*Я как будто бы в темнице, Приугас их свет небесный,
Надо мною Ночь-ночей. Стихли песни за дверьми.
Мне уж больше не искрится И у ног зияет бездна...
Милый взор ее очей. Ночь-ночей, меня прими!*

В тумане

*Странно в тумане. Вот выйди... Такого умника нет, похоже,
Одиноки и камень, и куст. кто тьмы премудростям не учен,
Деревья друг друга не видят, кто неизбежно и тихо тоже
и мир вокруг каждого пуст. будет от всех отлучен...
Друзьями были полны дома, Странно в тумане. Вот выйди...
покуда было светло. Потом Жизнь одинока... Грусть.
все вокруг заволок туман, Люди друг друга не видят
и больше не виден никто... и мир вокруг каждого пуст.*

ДЕТЛЕВ ЛИЛИЕНКРОН

Осень

*По садам белеют астры,
Стрелы солнца не остры,
Ждут-пождут поры январской
Ледяные топоры.
По полям чернеют пашни,
Стынет дрожь в сухой листве.
И леса, и луг вчерашний
Зябко дремлют в синеве.
Персик на стене – последний,
Журавля предзимний взлет.
Осень – радости и беды,
Вянут листья – зреет плод.*

• • •

*Перебираю кисти образу на благо.
Мои сомненья, Боже, видишь ты едва ли...
В тебе я вижу краешки реалий;
ты издали растешь архипелагом,
чуть ближе – глаз твоих
недремлющая влага, а я – их дали...
Ты – средоточье своего же глянца
из па и линий ангельского танца,
где свет ему, как танцевальный шелк.
И ты в своем наипоследнем доме.
Я слушаю – небесный хор огромен...
Я с думой о тебе умолк.*

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

Осенний день

*На солнечные часы свою тень возложи,
Боже, пора!*

Лето и так было большим.

Ты на пустые луга навей ветра,

Фруктам последним ты повели,

чтоб их спелость была видна.

Дай им еще два южнейших дня,

а потом их сожми до дна и выжми

последнюю сладость в тяжесть вина.

У кого нынче дома нет –

не будет уж никогда.

Кто нынче еще один –

надолго так будет записан:

будет читать, не спать,

писать длинные письма.

По аллеям туда и сюда

беспокойно будет бродить,

как мечутся листья...

Рассказ

Павел Черкашин

ЗДРАВСТВУЙ, СОЛНЦЕ!

Первая половина июля. Благословенная пора белых ночей. Долгожданный подарок природы всей мохнатой и крылатой живности леса. Необъятен день! Вот уж, казалось бы, и вечер поздний, ложись да отдыхай после дневных забот, а еще и солнце не село. Щекотит, дразнит усталые глаза, желанный сон напрочь гонит. Что ты будешь делать!

Лишь ближе к полночи, когда солнце зависает над самым горизонтом, понемногу замирают Мужы. Влажная белая простыня ночи не спеша размывает отчаянную синь северного неба, забеливает даль окоема. А в вышине – ни звездочки!

Морошковым краем, страной белых ночей называют в это время года мужевскую землю.

На этих кривых улочках, отвоевавших когда-то у тайги свое место под солнцем, на высоком берегу Оби, прошло детство Толи Шебалина. Каждый год приезжает он в Мужы на каникулы. Шесть дней прошло с тех пор, как сошел Толя с «Метеора» на железный,

гулко разносящий шаги дебаркадер. Хлебнул полной грудью родного воздуха и замер: так светло, радостно на сердце стало, что хоть кричи от переполняющего, невесть откуда взявшегося ощущения счастья. Но вместо этого губы лишь едва слышно шептали:

– Дома.

Еще по приезде Толя пообещал своему одиннадцатилетнему брату Юре, что они обязательно пойдут встречать восход солнца. У брата глаза загорелись. Каждый день, как вечер приблизится, спрашивает:

– Ну что, сегодня пойдём?

Но вот наконец выдался свободный вечер. Настало время сборов. Толя укладывает палатку. Юра собирает сумку с провизией. Мама с сестрой Ниной тут же в коридоре стоят, наблюдают. Невдомек им – что это парням дома не сидится.

– И охота вам комаров кормить, – по-доброму усмехается мама.

– А мы с собой мазь взяли, – откликается Юра. – Во, целый тюбик.

Нина, средняя из детей по возрасту, не преминула вставить:

– Лучше бы в своей комнате прибрались, чем шастать непонятно где.

Юра ехидно парирует:

– Ты дома остаешься, вот и приберись.

– Все, готово, – пыхтя, докладывает Юра и натягивает на ноги разношенные кроссовки.

Братья выходят во двор. Негромко разговаривая, идут на северную окраину Мужей. Вышли специально попозже, чтобы людей на улицах меньше было. Село-то наполовину зырянское. А зыряне – народ любопытный, все интересно им: и кто куда пошел, и о чем соседи повздорили, и чья собака у их калитки заснула. Каждого хоть завтра в разведчики записывай!

Вышли Шебалины на окраину. Впереди на длинном шесте полозатый «чулок» аэропорта неподвижно висит. Тихо. Сейчас – вдоль взлетно-посадочной полосы до небольшого пляжа на берегу Югана, а там чуть влево и палатку можно ставить.

Огненный шар солнца медленно заваливается к северу. В щедрой россыпи предзакатных лучей скрадываются очертания лесистого косогора, едва различима в золотистой дымке соседняя крохотная, в пятнадцать домов, деревенька Ханты-Мужи. Воздух за день прогрелся, дышит теплом и травяными запахами, даже комаров еще нет, прячутся в сырых низинах.

Пока братья устанавливают палатку, разводят небольшой костерок и готовят в котелке немудрящую похлебку из пакетного супа с тушенкой, наступила полночь. Солнце зависло над дальним тальниковым островом и упрямо не хочет садиться. Струит рас-

сеянный свет на раздольный пойменный луг, оттеняет румянцем жидкое серебро проток и реки.

– Искупнемся, пока комаров нет, – предлагает Толя.

– Давай, – охотно соглашается младший.

Шебалины наперегонки сбрасывают всю одежду и бегут к Югану. Статное, мужающее тело Толи первым взбуравливает, взрывает брызгами спокойную гладь речки. Более осторожно, взохивая от неожиданной прохлады воды, заходит на глубину Юра. Братья неторопливо плывут на недалекий противоположный берег. Хоть и глубок Юган, но даже в жаркие дни вода прогревается лишь на метр, поэтому оба они держатся на поверхности, их голые тела почти не скрываются под водой.

Уже на том берегу мимо братьев равнодушно, полностью в своих думах, прошли четыре лошади. Остановились у кромки Югана, оглянулись, вразнобой фыркнули и вошли в воду. Поплыли. Издалека их рыжая, лоснящаяся от воды шерсть казалась медно-огненной, словно само солнце спряталось в шкуре на покатых боках коней.

– Я испугался: думал, перевернут наш котелок, – признался младший.

– Да нет. Что они, глупые, на костер идти, – рассудил брат. – Поплыли обратно. Там уже, наверно, все сварилось.

Братья отошли берегом вверх по течению, чтобы не плыть в темной, взбаламученной животными воде, и погрузились в прохладные струи реки.

На севере почти в полнеба нежно алеет заря. Там, где село солнце, далеким костром пышет горизонт. Казалось, будто огненный шар совсем рядом – просто укрылся за тальниковым островом. И если подняться на холм, то непременно увидишь его – приплюснутый, набирающий силы для нового дня круг.

Насытившись, братья спешат спрятаться под брезент палатки от полчищ комаров.

– Сколько сейчас времени?

– Час ночи, – отвечает Толя, взглянув на часы.

– Здорово, да?

– Что?

– Солнце встает в один день, а заходит уже на следующий.

– Да-а. Будто и не заходит вовсе.

– В Салехарде, наверно, так и есть. Там же Полярный круг?

– Ага. На Ямале вообще здорово. Кругом только тундра, небо и солнце! Там сейчас и белых ночей нет. Все день и день.

– Классно! Не верится даже.

Незаметно проходит час. Золотистое марево неторопливо передвигается с одного конца острова на другой.

– Гляди, – замечает Юра, – луна.

Толя шарит глазами по светлому небу.

И правда, над Обью одинокая, словно никому не нужная, блекло розовеет выщербленная с правого бока луна. Попранная владычица неба полярных ночей.

С каждой минутой все ярче раскаляется кромка земли и неба.

– Как будто все Шу-

рышкары горят! – восклицает Юра с восхищением.

– С Салехардом вместе, – замороженно добавляет Толя.

Братья выбирают из палатки.

– Сейчас взойдет, – с ожиданием в голосе произносит старший и неотрывно смотрит на зарю.

– Ух ты! – выдыхает, обернувшись, Юра. – А в Мужах-то уже взошло!

Толя оборачивается и кивает:

– Точно! На холме потому что.

В первых лучах розовеют притихшие дома. В окнах играет рассвет. Бело-сине-красный флаг на здании администрации становится розово-лазурно-алым.

С минуту Шебалины любят родным селом и снова устремляются взглядом на север. Почти в то же мгновение теплый луч ударяет в глаза и заставляет прищуриться. Поначалу крохотный, уголек светила все больше раскаляется, растет, превращается в полусферу и, наконец, оранжево-красным шаром отрывается от горизонта, заливая светом всю низину реки.

– Здравствуй, солнце! – радостно и шутливо выкрикивает Юра и машет рукой.

Толя весело смотрит на брата, тоже вскидывает руку:

– Привет!

Потом дурашливо прибавляет:

– А мы тут тебя всю ночь ждали! Целый час и двадцать минут!

Братья раздувают огонь и кипятят воду для чая. Костер отгоняет комаров, и они мельтешащей кучкой отлетают в сторону. От горчащего запаха дыма оживают вдруг темные валуны дремлющих коней, они лениво поднимают головы и нюхают воздух.

На природе время течет незаметно и быстро. Уже раннее утро. Солнце все выше поднимается в небо и начинает припекать. По Оби пляшет целая россыпь золотых зайчиков.

Пора обратно в село. Шебалины заливают тлеющие угли костра, собирают палатку и отправляются домой.

Поднимаясь на первый пригорок Мужей, Толя и Юра еще раз обернулись назад. Зеленый луг затянулся желтыми облаками. Это один за другим раскрылись пушистые солнышки одуванчиков. Над еще спящими улицами, над речной низиной разнеслось беззаботное ржание коней. И, словно ответным приветствием, отозвался им со стороны Киевата долгий раскатистый гудок теплохода.

Критика

Юрий Мешков

«МЕЛОДИЯ ОДНА – ВЕСНА И БОЛЬ»

(Заметки о поэзии Людмилы Ефремовой)

В название этих заметок я вынес строку из стихотворения Людмилы Ефремовой, которым она открывала свою книгу «Непойманная птица» (Тюмень, 1993). Стихотворение это имело, правда, привязку к Северу; лирическая героиня приросла к нему душой, тогда как ей по определению предназначено «дышать просторами Вселенной».

На Тюменский Север Людмила Ефремова приехала в 1984 году из Киргизии. Сама она говорит о своей «добровольной ссылке на Крайний Север». Пожила года три в Сургуте, потом перебралась в Надым и – прижилась здесь. Вышли три ее поэтических сборника. Возглавила, вернее – создала литературное объединение и сделала Надым весьма заметным центром на литературной карте Тюменской области. Добавлю к этому, что под ее редакцией издается альманах «Окно на Север», а в начале 1999 года литераторы северного Надыма были достойно представлены в специальном номере еженедельника «Литературная Россия».

Наверное, есть у Людмилы Ефремовой стихи с достаточно прозрачной местной привязкой, узнаваемые именно надымскими читателями. Но думается мне, что все эти «привязки», «местные» реалии и региональная топонимия, особенно когда автор акцентирует на них внимание, весьма опасны. Поэтически значимы они тогда только, когда за ними — пространство Вселенной и вечность Мира.

зданья. А точкой, соединяющей в поэтическом тексте конкретное время и вечность Мирозданья, является Человек. Он открывает для себя мир наедине с собой – наедине и в диалоге с миром.

Людмила Ефремова не боится одиночества. По-женски, конечно, боится и пишет об этом. Как поэт она понимает, что одиночество и есть тот таинственный удел, в котором открывается весь мир. Об этом Людмила Ефремова пишет в стихотворении, которым она начала сборник «Шаги» (Тюмень, 1993 г):

*Смотри-ка! Стрелки потеряли
циферблат
И чертят реку, дом и мокрый сад,
И женщины скорбящий силуэт,
И умирающий в ее руке букет,
И свет луны на каменной стене,
И чью-то тень в зашторенном окне,
И снова женщину...
Прощальный взмах руки.
Все растворилось. Дома нет. Реки.
Нет тени неразгаданной в ночи...
Одна...
И циферблата легкие лучи.*

Рис. Марины Костоловой

Мелодия весны наполняет стихи Людмилы Ефремовой тем утвердительным началом, которым сама жизнь нас одаривает. Мелодию весны, как мелодию жизнеутверждения, слышу я во многих строках поэтессы. Хотя бы вот в этих: «Жизнь – золотая клетка, – крепче держи меня!»; «Снежкам я подставляю спину и, убегая, хохочу»; «Я радуюсь солнца затее – снега одурманить весной!» Поэтесса убеждена: «Без колоса морозит взгляд жнивье». И потому все, что несет на небе знак рождения и продолжения жизни, Людмилой Ефремовой славится:

*Не устает бросать заря
Влюбленный взгляд
На горы, доли и моря -
Как мир богат!
Весна румяна раздает -
Царицы жест!
И в каждой птахе свет поет.
О Благовест!*

Вечное (бабье вечное) слышим мы в заклинании-заговоре героини:

*Порчу наведу,
Не спрошу суда.
Отберу звезду,*

*Назовусь – беда.
На краю у сна
Оттолкну грозой.
Поднесу вина
С колдовской слезой.
Заиграет свет,
Как допьешь до дна.
Принесу обед.
Назовешь – жена.*

А ведь это – жизнеутверждение, это ведь тоже мелодия весны, мелодия земной любви.

Весеннее утверждение слышим мы и в начале стихотворения «Пятое марта». Весенние образы открывают нам вечность Мироздания:

*Весна щебетала ребенком безгрешным,
Теплом наполняя дворы и скворешни.
Небес ликованье роняла на лица,
Где солнце играло крыла ми жар-птицы.*

Вторая строфа намеренно земная. В мотив весеннего ликования она вносит будничную суетливость и заурядность, невзрачность той каждодневности, в которую мы погружены и которой в конкретный день и час наполнены.

*Неряшливый снег в потаенных карманах
Ручьями зализывал грязные раны,
Не в силах свое отраженье сберечь,
Он в них без остатка готовился лечь.*

И третья строфа соединяет вечное и конкретное, соединяется в судьбе, испытавшей нашу повседневность и знавшей «грязные раны» места и времени, но уже отлетевшей, и отделение от нас, сделавшей бывшее с нами общей болью. 5 марта умерла А.А. Ахматова. И строка «Я вижу, я слышу, я чувствую вас...» – из поэмы Ахматовой «Реквием».

*В тот мартовский пятый и памятный день
Ее промелькнула нездешняя тень,
Чтоб сердце весеннее вздрогнуло в нас -
«Я вижу, я слышу, я чувствую вас...»*

А памятно пятое марта и тем, что в этот день в 1953 году умер И.В. Сталин.

Сомкнулась нить времен. Но время здесь теряет конкретность дня и года, обретает знак Судьбы.

Мелодия боли в стихах Людмилы Ефремовой локальная временем и пространством.

*С утробой хищной по России
Вопяют безумно*

*Разноголосые «мессии»
О часе судном*

*Окрест взглянешь – с души воротит...
Ваш век, чумилы!
У одержимых-то и в плоти
Свинные рыла.*

В стихах Людмилы Ефремовой читатель найдет напряженное нравственное раздумье о том, что с нами стало. Интонации ее становятся остро публицистичны, они проникнуты болью за современника, чья душа еще трепетно бьется в тисках беспокойного и – по ее оценке – беспутного времени. Циферблат часов цепко держит Людмилу Ефремову в плену времени.

Отсюда и признание ее: «Мелодия одна – весна и боль». Эта мелодия и размыкает границы одиночества, делает явным присутствие в читательском сознании стихов Людмилы Ефремовой.

Стихи

Евгений Вдовенко

БЕРЕЗА, ОЗАРИВШАЯ ТУМАН

1

*Деревня в гору. Дюжина дворов.
За ней – другая. Убранная нива.
Лужайка. Меланхолия коров.
Корзина яблок белого налива.
И вот – леса. О, русские леса!
Я перед вами загодя пасую
и, как мольберт, раскрыв свои глаза,
на уголочке сердца вас рисую.
Вам так к лицу высокий потолок
с лучистой лампой солнечного света
и неумытый тепленький телок,
жующий на опушке зелень лета.
И гусь у лужи в обществе гусынь,
и пастушок на лошаденке чахлой,
и блеклая, особенная синь,
которой все вокруг насквозь пропахло.
Не зря ж я так стремился в эту даль!
Со мною снова ласковы березы –
моей России светлая печаль,*

как строки стихотворные средь прозы.
Я волен здесь бывать и не бывать,
не очерстев душой, спешу сюда я -
и отхожу, и вспоминаю мать,
и собственную черствость осуждаю.

2

Береза, озарившая туман.
Поляна, притулившаяся к стогу.
Тропинка, не нашедшая дорогу.
Подруга, совершившая обман.
Овражный выступ, как изгиб судьбы.
Тревожный голос, падающий в душу.
В глазах моих качаются грибы,
а я бездумно рушу их и рушу.
Отклокотали в сердце боль и даль,
и нет в нем больше милой и немилрой, -
береза, озарившая печаль,
над ним безмолвно руки заломила:
жалеет. А чего меня жалеть?
Мне сил не занимать пока,
я знаю.
Пускай стоит, дорогу озаряя, -
дай Бог ей в эту зиму не сгореть!

3

Доживи до вечера, до ночи, до утра, до завтрашнего дня.	в чем душа, но ты заметь. заметь:
Тьма к весне короче и короче, свет и дольше, и ясней меня.	почки, а?!
Доживи! Не будь кислей и рохлей.	И такой старухе тоже кудри хочется иметь!..
Жизнь желанна в свадебном цвету.	Доживи и ты до этой яви, полюби изведенное вновь. Кто-то ж вознесется -
Даже мухи в стужу не подошли: миг, другой -	ты ли, я ли, а любовь -
и снова на лету.	она всегда любовь.
И береза вон - все думал, рухнет, -	И не поднесешь - а нетвереза, и не понукаешь - а рвет гужи. Доживи, как старая береза. с вызовом, как фигу, покажи!

СЛОВО

...освячено
только словом
среди земных тревог...
К. Гумилев

Плачет тихонько флейта...

Наталья Сергеева. С гитарой Гертрудовна пошла...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

Чистый нектар жизни

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

Горные духи

...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...
...и в этот прекрасный...

ПЛАЧЕТ ТИХОНЬКО ФЛЕЙТА...

Наталья Сергеева – студентка Тюменского государственного университета. Учится она на факультете журналистики, там и выпустила недавно свою первую книгу – повесть «Место под солнцем». До этого были альманахи «Облака», где у Наташи напечатаны стихи. Стихи... Нервные, печальные или безудержно светлые – словно отражение снов, которые могли бы присниться. Сны уходящего века печальны. А поэт, словно камертон, ловит все звуки, слова, приметы времени и вплетает их в сеть образов и рифм.

Почитайте стихи Сергеевой – может быть, вы найдете в них себя? Я нашла, и в ответ подарила ей свое стихотворение, где попыталась нарисовать портрет Натальи – человека, которого любят друзья и слова, человека, двери дома которого не закрываются никогда, дома, где всегда тепло...

Наталья Сергеева

Шорох осенних листьев,
Несколько вечных истин.
Что ты еще напишешь,
Фея бродячих псов?
Плачет тихонько флейта.
Это уходит лето...
Лето бредет по крышам
В зелень твоих лесов.

Сон-трава

Сон-трава сманила дурня,
Чтоб побрел в леса густые,
В глушь, где травы в росах стыли,
От родимого крыльца.
Где русалки хороводы
Заплетали, уводили,
Там цвели туманом воды
Колдовского озерца.
Там на острия осоки
Звезды падали и гасли,
И цветеньем страшной сказки

*Занимался лес в ночи.
Там сплетались паутины
Всех оттенков темной краски,
И тонули в дебрях тины
Заплутавшие лучи.
Сон-трава сманила дурня,
Раздразнила сердце песней,
Да посулами, что вместе,
Что навеки да в леса.
И звенели колокольца
По несбывшейся невесте,
Да про кольца золотые
Пели в чашах голоса.
И мерещился в туманах
То ли отблеск, то ли оклик,
И манил неясный облик,
Да болела голова...
Сгинул дурень в глушь навечно,
Сапогов не стерши сотни...
А за дальней дымной речкой
Ночью ласковой и млечной
Силой боли человеческой
Расцветала сон-трава...*

8 июля 1996 г.

Несбывшееся

*«Давай построим Четвертый Рим!
У нас получится...»
(Из личного дневника).*

*Летящий росчерк – лето на стекле.
Отсутствие всех «надо» и «не надо»,
И чувствуется взгляд из-за ограды,
И тишина становится светлей.
И вечно человечество несет
Презрение к оставшим и уставшим,
Сочувствие к ушедшим и не ставшим,
И веру в то, что кто-то всех спасет. ...
А в пальцах догорит Четвертый Рим
Оттенками невыстроенных зданий.
Рисунками несбывшихся преданий,
И голосами тех, кто не был с ним...*

1 августа 1996 г.

Ожерелья и браслеты,
Ткани-ветры, кольца-росы,
И понятные ответы
На простейшие вопросы.
...Караванщик, караванщик,
Сделай маленький подарок –
Глупый, радужный обманчик,
Все хорошее задаром,
Разноцветные каменья...
Нет, спасибо.

Все не к спеху.

Сколько стоит хмель-забвенье,
Чтоб не помнить путь к успеху?
Караванщик, взгляд твой темен,
Зелен плащ, а руки гибки.
Ходят женщины, как в дреме,
Дарят женщины улыбки.
Что за странная тревога
Раздразнила сердце смутно?
Но близка твоя дорога -
Не найти тебя наутро.
Слушай ветер.
Ветру внемля,
Отболят былые раны.
...По пескам -

в чужие земли,

По векам -

в чужие страны...

1998 г.

Голос

Верни мне голос, спевший песню	Твоих далеких городов.
О том, что мертвый бог воскрес.	Ты смотришь прямо и устало.
Зачеркнут шатким словом	Ты шел к добру, но не встречал.
«если»	Ведь слов о зле всегда хватало
Крылатый мир твоих чудес.	На дымных кухнях по ночам.
Ты помнишь?..	Наш бог, наверно, не воскреснет
Слышали живые	И не научит нас любить.
Лишь скорбный хохот черных вдов.	Верни мне голос, спевший песню
И пепел лег на мостовые	О том, как больно уходить.

22 декабря 1998 г.

Угрюмой насмешкой
Столкнулись поспешно.
Хотели безгрешно,
Но вряд ли смогли.
И кто-то был пешкой,
А кто-то тележкой,
Везущей неспешно
Все беды земли.
Но ось полетела
(и вздрогнуло тело),
Закат неумело
Рассыпался в пыль.

Смотрела несмело,
Чего-то хотела.
И ветром вертело
Пушистый ковыль.
Прости мои бредни...
Ты будешь последним.
Исчезнешь бесследно
(А если – назад?)...
Был ветер намедни,
А в мире соседнем
Счастливым весельем
Зажегся закат.

19 сентября 1999 г.

Новое имя

Станислав Ломакин

ЧИСТЫЙ НЕКТАР ЖИЗНИ

Уважаемый читатель, представляю на ваш суд небольшую подборку стихов молодой поэтессы, в которой вы почувствуете удивительно тонкий и свежий взгляд: в форме зарифмованных и незарифмованных откровений – чувство о мире реальном и воображаемом. Их автор, Оля Таскаева, закончила Ярковскую среднюю школу, ныне студентка юридического отделения Тюменского государственного колледжа профессионально-педагогических технологий.

Когда-то Андрей Платонов написал, что сила чувств, разума и энергия творчества «измеряется силой одаренности художника жизнью».

У Оли впереди долгая жизнь, ей всего 18 лет, и будем надеяться, что жизненные реалии и даже невзгоды жизни, не минуящие ни одного человека, живущего на земле, укрепят ее мастерство и в своих ощущениях, чувствах, фантазии, отзвуках при соприкосновении с действительностью она отразит природу своей души и таланта и не раз порадует нас, читателей...

СТИХИ В ПРОЗЕ

Я глазами касаюсь глубокого неба, посыпанного пушистыми бесформенными облаками. Они тают в моем взгляде, как сахарная вата на губах при легком прикосновении с ними. Я стараюсь поймать руками ветер, который без труда проскальзывает сквозь густые заросли воздуха. Но у меня ничего не получается – я путаюсь в прозрачных золотистых лучах липкого солнца. Вдруг резвый ветер одним рывком обрывает воздушную паутину, и с пронзительным свистом пространства меня поглощает каменный колодец реальности...

Проснись

Дрожащим бархатным туманом прорывается весеннее утро через раскрытое окно. Оно сладко сыплется на мои ресницы, покрывая их осколками ночи. Мутные лучи заспанного солнца теребят меня за волосы, стараясь сбросить с ночной колыбели снов. Просыпаясь, я вдыхаю струю свежего воздуха, насыщенного ароматными молекулами оттаявшей земли. Мое тело с жадностью поглощает чистейший нектар жизни, и я готова к сюрпризом нового дня.

Дождь

Заляпанное грязными облаками небо разрыдалось непрерывно-косым ливнем. Острые, недостижимо длинные капли врезались в пыльную плоть земли, разбрасывая песчаные молекулы в разные стороны, от чего становилось душно. Но следующий слой разгоряченной влаги поднебесья тут же заливал поднявшуюся пыль, и чувство скованности потухало.

Хотелось лететь. Встать, поднять глаза и охватить взглядом все рвущееся из недр зареванного неба. И земля оттолкнула тебя, оставляя на почве неглубокие следы твоих босых ног.

Ты летишь навстречу дождю... Ты летишь в дождь! Расправив руки, словно крылья, ты паришь в воздушной свежей массе небес, пританцовывая между сердитыми вздущимися от нетерпения тучками. Облегчая свою оболочку от обременяющей их влаги, тучи полощут тебя озорным ливнем. Постоянно усиливающаяся музыка летнего оркестра дождя медленно, нота за нотой, затихает, словно маленький ребенок после долгой увлекательной игры. Запоздалые капли прерывают остывшую стихию своей раздражительной несвоевременностью. Маневрируя между ними, ты опускаешься босыми ногами в журчащую лужу.

Умытое небо потягивается, расправляя складки облаков. Нехотя задремавшее солнце выползает из опустошенных туч, зевая в такт птичьей трели. Освеженное, все возвращается на круги своя.

Дождь кончился. Заново родившийся, ты идешь домой.

Утро, день, ночь

Волны мрака стекаются в одну лужу, непрерывно, льющуюся за горизонт. Туда, где восход. Восход, он такой нежный и непорочный, родившийся из столкновения луны и солнца, ночи и дня. Но день еще не проснулся. Его сон хранится под прохладной прозрачной росой. Только заспанное солнце виснет на сонных облаках, еще не распушившихся. Наполненное светом солнце не может удержаться в небе, и оно цепляется лучами за легкие волнующие облака и пробивает их насквозь. Прорвавшись сквозь пористую ткань облака, нагревающиеся с каждым часом лучи с радостью обнимают дремлющую землю.

Медленно все просыпается навстречу солнечным и игривым лучам. Раздражающе-горячо накатывается день своей дышащей жаром грудью. Земля спекается под этим огненным напором, испаряя остатки влаги из своих недр. Постепенно жара расслабляет свою обжигающую схватку и растворяется в набежавших сумерках. Свободно вдохнув еле заметную прохладу, она кутается в только что умывшийся вечер.

Холодные ладони ночи нежно похлопывают землю, остужая последние молекулы, сохранившие тепло уходящего летнего дня. Полосатый закат розовеет над осунувшимся небосклоном. Вытягивая зеленые ветки деревьев, земля широко зевает цветущими полянами – она готовится к успокаивающему сну. Постепенно яркие контрасты разбушевавшегося лета тускнеют, пасуя перед одноцветной темнотой ночи.

Растянувшийся по небу оранжевый свет строгой луны упирается в землю, заснувшую под вальсы ночных голосов.

Но вот снова исчезающая лужа мрака уступает место бурлящему радужным светом восходу...

Проза

Александр Херсонский

ГОРНЫЕ ДУХИ

Глава из повести «Серебряный ключ»

Утром Твердышев проснулся с больной головой. Раздраженно покосился на храпящую, расплывшуюся по кровати жену, крикнул:
– Лушка!

Тотчас вбежала босая девка с огромным ковшом, сунула, торопясь и тараща заспанные глаза. Хозяин жадно припал к посудине,пил большими, до боли глотками настоящий на бруснике и клюкве

квас, хрустел пресными льдинками, выглядывал через край сорочки Лушкины большие груди. Напившись, вцепился жесткими пальцами в налитую, упругую мягкость.

Лушка окаменела, воткнула истошный взгляд в спящую хозяйку, но не посмела отодвинуться ни на вершок. Заводчик сломал ее накануне вот этого, последнего своего отъезда в Санкт-Петербург. Когда она стала вырываться, он и не подумал действовать силой.

Встал спиной к двери и сказал, что свяжет ее и отдаст на это дело самому большому кобелю со двора. И она сама раздела его... Сейчас Лушка стояла и безвольно думала: «Уж лучше бы кобелю!».

Твердышев не взволновался. Пожамкал титьку и оттолкнул, как выплюнул. Подумал, что прикажет сделать в доме купальню по образцу виданной им в столице, и на такие похмельные случаи велит наливать ее клюквенным квасом, чтобы можно было, очнувшись, плавать в ней и пить вволю.

До завтрака он сердито, с треском листал отчеты управляющих заводами, зло стучал костяшками счет, съездил в зубы приказчику только за то, что ему показались жидковатыми чернила, и сам ехидно проследил, как тот, не смея вытереть кровь с разбитых губ, досыпал в бутылку сухого чернильного гриба.

Оживился заводчик лишь за столом после третьей кружки браги. Это питье он предпочитал всем другим, когда не было чужого глаза. Брага пилась сладко, брала мягко и кидала только в веселье. А вот с водки он чумел и становился буйным. Твердышев отполоснул от окорока большой нежный кусок с жиром, в один присест справился с ним и сытно отрыгнул.

– Порядки в дому менять надоть. Вместо девок лакеев заведем в параде, а для внучек гувернатов выпишем, – он умиленно переводил взгляд с одной капризной рожицы на другую.

Старшенькая дочка Мясниковых, Агашка, предполагала пойти в бабку – округла, глаза пустоваты, ест громко и много. В Дашке строились дед с бабкой и мать – была она резвой и упругой, могла приказывать и подойти погладить. Катька росла молчуньей и самолюбкой: сопрет пряник – и съест одна, а наказывать начнут – кряхтит, сопит и ни слова, хоть глаза злые слезы сыплют. Во всеобщей любви купалась Ирка, но это ее не портило. Невесть в кого тонкой кости, смуглистая, нежная и отзывная, все будто чему-то удивленная, за столом она клевала, как птичка, легко обижалась и легко всем прощала.

Наталья критически осмотрела свое потомство, перемазанное жиром и вареньем, ковыряющее в носу и плюющее друг другу в чашки, приказала:

– Лушка, днесь же с дощками моими галантными науками в работу примись, книжицу на то дам.

Твердышев одобрительно кивнул и добавил:

– И одежду всем, приличную чину новому справить надоть, узорочья нацеплять, штоб блеску в глаза пускать. – Подумал и пообещал:

– Свою жас тебе, Наталья, на купище и двор монетный для выбору. Как, Иван?

– А што, – поддержал зять, сияя довольством и свежевыбритым подбородком, – оденем Наташку царицею. Самою сладкою бабою в краю станет. Да што в краю – в Руси!.. За границею!

Наталья разомлела, распахнулась нутром, взлететь была готова. Упала в необъятное лоно матери, заколыхались обе в облегчающих радостных рыданиях. Сухопарая Матвеева Груша застыла клюкой, уперлась в стену невидящим взглядом и сочила в себя по каплям ледяную смертную желчь.

Выплакавшись, Наталья лебедкою подплыла к отцу, чмокнула его в лоб громко, затем схватила Ивана своего за уши, впилась ему в губы надолго, так, что застонала и извиваться начала, а Иван над руками контроль потерял. Агашка открыто, разиня рот, на них пялилась, Дашка заерзала, Катька – ноль внимания, Ирка засмущалась, стала на бахре у скатерти узелки считать.

Наталья отринула от мужа распаренная, глаза балделые, дышит часто. Пообещала истово:

– Днесь и разведем мы кудесы с купчихами для мушин наших! Театр им играть станем, мы уж о том столковались с имя...

• • •

Целый лень Наталья с товарками готовила празднество. В большую залу нагнали холопов и девок, закрылись и чему-то их обучали. Из-за дверей слышалось пение, стихи, стук молотков, там что-то шили, резали, красили.

К вечеру стали съезжаться гости, в основном купечество. Из дворянства откликнулись только личные, а из потомственных поддержал один Неплюев. Командовала всем Наталья. Оживленная, покрасневшая, одета она была дорого, вычурно и аляпо, сверкала камнями и перстнями. Самодовольно принимая неискренние похвалы, она величаво совала гостям руки для поцелуя, тут же озабоченно хваталась за голову и убегала.

Наконец всех пригласили в залу, и гости, сопя и примериваясь, расселись по росту чинов и капиталов. Из занавесов вынырнула Наталья и жеманно объявила:

– Жас мы кудесы разные и картинки нашей жизни представлять станем по стишкам знатного Михаила Ломоносова, а тако ж других подобных, у италианцев оперы прозываемы. А в силу побед нашего воинства над прусаками для пользы бедных детушек и людишек, чьи солдатуски живот доблестно положили, после театру билетики

станут продаватца для примеру нашей любви и заботы к несчастным.

В это время хлопнула дверь за занавесом, и оттуда пробился чей-то горячий шепот, раздался сдавленный вскрик Лушки. Наталья спряталась в складки, мило улыбаясь. Забубнили голоса под Лушкины всхлипы, четко прорезался злой выговор Натальи:

– Ты што, дура, театр сломать хошь? Кто за тя Хозяйку Гор играть станет? После мать проведашь, ништо с ей не сделатца.

– Так ить котел целой кипятку на ся хлюпнула, сказывают! – Лушка уже не сдерживалась, кричала, прерывая себя рыданиями. Ты прости мя, сударыня, побегу я.

– Ах ты вша подлая, скотина навозна! – свирепея, быком заревела Наталья, по придыху и стонам Лушки судя, таскавшая се за волосы. Потом дверь с треском брякнула, и Натальин голос загромовал в гостиной: – Гришка, таши подлюку в сарай под розги и смотри, штоб секли, пока сама не отставлю! С тя спрошу.

– Прости ты ее, Христа ради! – взмолился какой-то холоп. – Век за тя молить стану, рабом изнижусь – не трожь Лушку!

– А, и ты, Степка, в неслухи лезешь! – буйствовала Наталья. – Завтра же в каторгу сошлю, а щас лезь на место и спробуй токо, харя, игрище сломать!

Прошло какое-то время, и занавесы раздвинулись. Зрители увидели на задней стене беленый холст с нарисованным на нем замком, дымящимися горами, с которых сбегала река. В том месте, где река должна была проливаться на пол, стояло большое деревянное колесо. Судя по всему, его должна была крутить вода, что и делал холоп. На переднем плане сидел нарядный пастушок и играл в дудочку. Наталья, не видимая за складками, громко поясняла:

– Замок тот – Златогора, хозяина всех гор, который богатства отпускает. В горах людишки счастливые работу справляют, а наперед – их любый дитятко, пастушок Васятка.

Девчонки Мясниковых сидели на передних стульях и, обсасывая пальцы, во все глаза смотрели сказку. Дашка не выдержала:

– Не пастушок он, и не Васька! То ж Прошка конопатый, сиротский приبلуд, который к дровам приставлен.

А в это время чья-то молодая купчиха, наспех одетая вместо Лушки в парчовые одежды Хозяйки Гор, прошагала, как солдат, на сцену и, запинаясь, по бумажке пропела:

*Пройдите землю и пучину,
И степи, и глубокий лес.
И нутр Рифейский, и вершину,
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет.
Трудами веки удивите...*

Распевно вступилась Наталья: «Станем искать металлов, золота, серебра и протчих, станем добиратца отменных камней, мраморов, аспидов и даже до изумрудов, яхонтов, алмазов.

Дорога будет нескучна, в которой хотя и не везде увидим минералы, в обществе потребные, которых промыслы могут принести не последнюю прибыль...».

И тут на сцену стали выходить один за другим холопы с лопатами, кирками и ломками, кривя подобие радостных улыбок. Каждый при этом держал в руках и зажженную свечку. Они маршировали, а купчихи пели хором:

*Нас колокол сюда сзывает,
Да Огонь горы разрывает.
Мы ночь и день живем
В шахтах здесь с огнем.
Мы горы можем разрубать,
Сребро, медь, золото доставать.
И на бога положась,
В подземну тень и в ночь, и в день
Ничего лезть не страшась.*

Занавесы закрылись, оставив пастушка один на один с переполненным залом. Он корячился на полу и сопел в непослушную дудку. Ирка сидела и думала, что ему хорошо там, в горах золотых, раз он такой нарядный и из его глаз текут алмазные слезы.

И снова раскрылась чудовищная картина. Теперь на ней рисованы были веревочные лестницы и желто-коричневые стены шахты, прорезанные золотыми и серебряными рудными жилами. Одна лестница висела настоящая. По ней стали опускаться на сцену рудокопы и, зажегши свечи от большого кованого светунца, разбирали свои инструменты. Затем, расставившись надобным порядком, они стали махать этими орудиями, изображая работу: кто ковал что-то молотом на березовом чурбаке, кто ковырялся ломками и кирками, другие – лопатами что-то насыпали, один таскал взад и вперед тачку, кто-то сверху спускал и поднимал бадью.

Тут сверху опрокинулся холст с рисованной домницей, и откуда-то стали прыгивать на сцену ряженые под чертей холопы. Мазанные сажей, с рогожными лохмами на головах, они подпрыгивали, кривя в присядках ноги, раскачивали раздвинутые полусогнутые руки с растопыренными пальцами.

– Это Горные Духи, – возвестила Наталья. – Иные на оленях, в нартах возят руды; другие мехами раздувают пламенеющие горны; третьи плавят и выпускают из них ручьями металлы; четвертые куют их на наковальнях...

Она читала по книжице и не уследила, что Горные Духи, вместо изображения помощи рудокопам, продолжали кривляться и,

сверкая зубами и белками глаз на черных лицах, наступали на зал. Особенно страшен был один – кососаженный великан, добродушный и тягловый в работе холоп Степка. Он дико вращал зрачками, отчего по саже текли слезы, и что-то хрипло рычал.

– Ма-мка, мне боязно! – громко заплакала вдруг Ирка, соскочила и спряталась к отцу в колени.

Неожиданно на сцене загорелся рисованный холст, повалил дым, пламя перекинулось на занавесы, деревянные колеса, лавки и другие штуки. Заверещали купчихи, поднялась суматоха, гости пытались толпой вломиться в узкую дверь, давились и рвали с ором друг дружку.

Огонь, как по пороху, прошелся по Натальиным хлопотам, съел все, что сумел, уперся в каменный паркет и стены, ослаб духом и шипя вскипал отдельными язычками. Его быстро утопили водой из бадеек, и теперь по дому полз холодный вонючий смрад горелого дерева и тряпок. Гости соболезовали и прощались. Отводя глаза, торопливо разъезжались. Наталья в спальне билась в истерике, Иван отваживал ее нюхательной солью. В раскрытые настежь окна врывался холодный ветер, разбойничал по хоромам, восторженно взывал от полной безнаказанности.

Твердышев расстроено мерил гостиную быстрыми шагами, Яков его успокаивал:

– То не огонь был, брат, по мелочи погорело-то, сам знашь, каки пожары случаютца.

– Да, Яшка, то не огонь был, – отвечал ему заводчик хмуро, по всему видно, думая о чем-то своем. – И в разстройстве я не по тряпкам – все одно обсвежать обличье дому намерился. Ты друго скажи: што в порядках меновать надоть? Чуешь непокорливость холопья? Ить это Степка, мню, пожарик умудрил!

– Рази? – засомневался Яков. – А, може из купчих кто. По недомыслу, все ж со свечками игрались?

– Чую, Степка! – бычился заводчик. – Он у мя даветь ишшо Лушку в женитьбу просил, а днесь Наташка ее в розги.

– Годи, Иван, – встревожился Яков. – А Лушку-то от розог отставили?

Послали узнать про Лушку и велели позвать Степана, хотели учинить ему разбирательство. Яков долго вглядывался в ночную оконную темь, поежился, сообщил:

– Гроза будет, за горами молоньи полощут.

Словно на чужих, неподатливых ногах приволокся Гришка – верный, исполнительный холоп, виновато подтащился к заводчику.

– Не суди, барин, за службу, – потупил рабский взгляд. – То Наталья, Ивановна приказала Лушку сечь до ее отпуску.

– Што? – холодея и уже догадываясь, выхрипнул Твердышев.

— Сердцем слаба оказалась, — забубнил Гришка. — Часу розог не сдержала, преставилась.

— Степка где? — зверем заревел Твердышев.

— Найдите пока, барин, не могут его, заразу.

— Сыскать подлюку! — сатанел разумом заводчик. — В розыски объявить харю! Чую, в беги подался скотина. Поймаю — живьем в домницу кину! — он рванулся по лестнице вниз, во двор, будто сам мог изловить беглого холопа, и только в сарае опамятовался и признался себе, что страшился и сердцем горел видеть Лушку.

В гостиную вернулся он ослабевший и бледный, прожевал губами какие-то невнятные слова, покосился на пушечный гром молнии за окном, тихо, с усмешкой, но жестко сказал Якову:

— Не за горами!

РОМАН С ГАЗЕТОЙ

Монографии и учебники, вузовские лекции и семинары – все это может принести ученому широкую известность в академической сфере, но этого мало для того, чтобы именоваться просветителем. Только выход на широкую аудиторию может позволить ученому полностью реализовать свой просветительский талант, коим, несомненно, обладал Юрий Анатольевич Мешков. Будучи литературоведом с огромным авторитетом в филологических кругах, он не прекращал обращать взор к печатной прессе, понимая, что именно эта трибуна предоставляет ему доступ к десяткам тысяч благодарных читателей.

В 70-е годы прошлого века литературовед Юрий Анатольевич Мешков переезжает в Свердловск и сразу начинает использовать как творческую площадку региональную прессу: газеты «На смену», «Вечерний Свердловск», «Уральский рабочий». В последующие годы это сотрудничество продолжится. Доцент кафедры русской литературы Уральского государственного университета, с 1997 года – декан филологического факультета, он определяет для себя широкий круг тем. В сфере внимания и гранды – Владимир Маяковский, Александр Блок, Михаил Шолохов, и местные литераторы – публицист Павел Заякин-Уральский, поэты Борис Ручьев и Владислав Занадворов. «Одна из давних и плодотворно развивающихся традиций литературоведов Уральского госуниверситета – не просто внимание, а углубленное изучение наследия писателей, составляющих гордость уральской литературы» – подчеркивал Ю. А. Мешков в передовице «Традиция продолжена» на страницах газеты «Уральский университет» в 1983 году. Особое внимание в своих газетных публикациях Ю. А. Мешков уделяет Павлу Бажову. Ряд статей выходит в конце 80-х гг., в связи с 110-летием со дня рождения писателя, и продолжается в 90-е гг. Это своего рода культурологические расследования, принадлежащие перу историка литературы.

Отдельного упоминания заслуживают критические выступления в прессе по поводу современного литературного процесса. Показательно, что первая публикация «уральского периода» Ю. А. Мешкова «Перед долгим полетом» в газете «На смену», датированной 20 ноября 1974 года, – как раз рецензия на увидевший свет в Средне-Уральском книжном издательстве сборник молодых поэтов «Начало». «Стихи молодых поэтов – как первые песни птиц, пробующих свои голоса и силы перед предстоящим долгим полетом. Ничего, что голос срывается, что дыхания не всегда хватает. Насколько крепки крылья, насколько осмыслен полет, каков ба-

гаж – вот что ищешь у молодого поэта». Но за этими лирическими – в тон предмету разговора – строками кроется строгий критик. И молодым поэтам достается за «серебро отделки», ушедшее «на оформление копеечной сути», и за «вечные темы осени и грустных итогов». Но финал открыт и оптимистичен: «Верится, что голос их выровняется и окрепнет».

Здесь можно было бы сделать ремарку о времени, предъявлявшем свои требования в равной степени и литераторам, и литературоведам, о неизбежности пафоса советской эпохи, когда эстетические нормы определялись постановлениями партии. Но нет. Это вопрос позиции, оставшейся неизменной, несмотря на сменившийся уклад общественной жизни. Спустя полтора десятка лет редактор литературной страницы «Слово» напишет в преамбуле к стихам молодой поэтессы: «Ломкая, не без надрыва интонация Марии Хамзиной созвучна душевному напряжению молодых людей нашего времени. Кто-то примет ее интонацию. Кому-то ее самоуглубление покажется наигранным и книжным. Но молодая поэтесса в поиске. Пожелаем ей творческих удач!» Все то же сомнение в поэтической хандре, но без категоричности, с добрым напутствием.

Литературная страница «Слово» «Тюменской правды сегодня» стала заметным явлением в культурной нише тюменской прессы. Но прекращение ее выхода не означало, что Ю. А. Мешков откажется от «контактов» с рядовым читателем. В конце нулевых он активно публиковался в рубрике «Культура» популярной городской газеты «Тюменские ведомости». Информационных поводов для культурного обозревателя, в первую очередь – литературного критика, находилось немало. Юбилейные даты и даты ухода писателей и поэтов, книжные новинки, проблемы духовного характера. Писал о лирике, исторических романах, детской литературе. С легкостью и изяществом управлялся с жанрами, образами, фактами, не допуская в свои публикации академическую сухость, абстракцию, скуку. Объединял элементы рецензии, исторического и биографического очерков, проблемной статьи, выдавая блестящие просветительские тексты. Складывал мозаику регионального литературного процесса.

Юрия Анатольевича не могла не волновать проблема любительщины, непрофессионализма в современной литературе, книгоиздании. Критиковал современный издательский процесс, из которого зачастую исключались такие этапы, как редактура и корректура: «Культуры издания, внимания к его аппарату часто не хватает книгам, которые выходят в Тюмени». («Избранное» Анатолия Васильева» // Тюменские ведомости, 2007г., № 38). И как следствие, поругивал прозаический и «стихотворный самотек»: «Половодье самодеятельного литературного творчества вызывает раздражение. Не замечать его уже нельзя. В низовой читательской среде оно ста-

новится примером современной литературы... И в итоге отвращает от той высокой литературы, общение с которой требует... куда более значительных усилий.» («... на это я имею право...» // Тюменские ведомости, 2008г., № 32). Но за этим крылось не брюзжание желчного критика, а борьба за «чистоту» наших книжных полок, стремление разрушить сложившийся образ «столицы деревень». Показательна в этом отношении полемическая статья «Быть ли в Тюмени литературному музею...» (Тюменские ведомости, 2008г., № 12). «Пришло время обретать шарм столичности», – призывает автор, очерчивая сферу деятельности литературного музея современного мегаполиса.

«Роман с газетами» Юрия Анатольевича ограничивался не только литературоведческой почвой. В конце 80-х в рубрике «Письма из молодежных театров» газеты «Уральский рабочий» он публикует заметки о свежих театральных постановках. Под светом рампы нового времени звучат непривычные религиозные мотивы, по-новому трактуется история Государства Российского. Все это требует осмысления, в стороне оставаться невозможно... Порой его идеи даже опережали время. Помню, как в конце девяностых профессор Мешков искренне болел душой за районную прессу. Он считал серьезным упущением, что огромный пласт материалов о жизни юга Тюменской области оседает внутри весьма ограниченного информационного пространства, в областном центре не знают, о чем пишут многочисленные районки. Его идея заключалась в создании в одном из областных изданий специальной рубрики, посвященной обзорам районной прессы. Тогда это предложение не встретило отклика у коллег-журналистов, забылось в круговороте прочих дел... Однако новые технологии стирают географические границы. И вот уже во всемирной паутине действует запущенный на государственном уровне портал «Тюменские медиа», в котором представлена вся районная пресса юга области...

По традиции хотел закончить эти краткие заметки цветистой цитатой из газетных публикаций Юрия Анатольевича. Но, перебирая пожелтевшие газетные вырезки, понял, что не было у автора стремления «говорить красиво», высокопарно поучать. Он просто был уверен, что «мир ждет слова, которое дойдет до сердец и согреет души».

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Аханов Александр Иванович. Родился 21 ноября 1945 г. в г. Геленджике Краснодарского края в семье служащего. Окончил университет общественных корреспондентов при газете «Тюменская правда» (1974). Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС (1985). Член Союза писателей России. Автор книги «Черная лаванда», ряда рассказов. Печатается в журнале «Уральский следопыт». Живет в Тюмени.

Вдовенко Евгений Федорович. (25.12.1926 – июнь, 2002). Родился 25 декабря 1926 года в станице Крымской Азово-Черноморского (ныне – Краснодарского) края. Окончил Харьковское танковое (1944), Ростовское артиллерийское (1950), Рязанское высшее воздушно-десантное училище (1963) и Литературный институт им. А.М. Горького (1968). Участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автор сборников стихов «Юность на посту», «Муза с парашютом», «Иду к тебе», «Яснополянские мелодии», «Снег юности», «Ты гуляй, гуляй, мой конь», «Летучий сон осенней паутины», двухтомник избранных произведений «Прощай-прощай и здравствуй-здравствуй». Член Союза писателей России. Жил в Советском и Тюмени.

Еманов Александр Георгиевич. Родился 31.10.1958 г. в Тюмени. Окончил Ленинградский государственный университет по специальности «История». Стажировался в историческом семинаре Ляйпцигского университета, на отделении византистики Института истории Кёльнского университета, во Французском институте византийских исследований Парижского университета, в Институте эллистики Лондонского университета, в Институте истории Варшавского университета. С 1986 г. работает в Тюменском государственном университете. Доктор исторических наук, профессор, член Американской академии медиевистики, член Академии Российских энциклопедий. Сфера научных интересов – медиевистика, византистика, книговедение. Автор более 100 научных работ, нескольких монографий и учебных пособий. Живет в Тюмени.

Ефремова Людмила Георгиевна. Родилась 9 ноября 1959 г. в г. Фрунзе (ныне Бишкек). Окончила филологический факультет Фрунзенского педагогического института. Руководитель литературного объединения «Надым» при ДК газовиков «Прометей». Член Союза писателей, Союза журналистов России. Автор шести книг поэзии и прозы: «Поэзия третьего тысячелетия», «Душа прикоснулась к душе», «Время Русь собирать», «Чуткие дни», «Шаги», «Непойманная птица», «На покрова земля светла...». Живет в Надыме.

Жуков Юрий Петрович. Родился 21 октября 1983 г. В 1999 г. – учащийся школы-гимназии № 14. Окончил Тюменский государственный университет по специальности «История», в 2012 г. – магистратуру по направлению «Международные отношения».

Захарченко Виктор Иванович. Родился 16 мая 1956 г. в с. Буньково Упоровского района Тюменской области. Окончил Тюменский государственный университет. Поэт, публицист, литературный критик. Автор книг поэзии: «Русская душа», «Сны возвращаются». Публикации в коллективных сборниках «Поколение покоя», «Сад сокровенный», а также в газетах и журналах. Ответственный секретарь редакции журнала «Врата Сибири». Член Союза писателей России. Живет в Тюмени.

Иван Разбойников. (псевдоним, настоящее имя – Захаров Аркадий Петрович). Родился 27 июня 1944 г. в селе Нижневартовском Тюменской области. Окончил Уральский политехнический институт. Тюменский историк-краевед, географ, литературовед. Член Всероссийского Пушкинского общества в Москве, член Союза писателей России. Автор книг: «На неведомых дорожках», «Сень горькой звезды», «Вслед за Великой Богиней». Живет в Тюмени.

Исмагилов Анвар Айдарович. (Садат – псевдоним, настоящее имя – Саламов Иван Абрамович). Родился 10 мая 1955 г. в поселке Джебел Небит-Дагского района Туркменской АССР, в семье офицера ВВС ПВО, на границе с Ираном. Учился в Киевском высшем военно-морском политическом училище. После службы на Крымской ВМБ (Донузлав) учился на филфаке Ростовского госуниверситета. Один из основателей знаменитой поэтической группы «Заозерная школа». Музыкант, бард, писатель, журналист. Автор сборника «Ростовское время»; книг «Башня поэтов», «Непрерывная птица», «Вооружен одной гитарой, или Дорога в Чечню и обратно». Президентский стипендиат в области литературы и искусства за 2001 года. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России. Живет в Тюмени.

Колмакова Ирина. В 1999 г. – студентка Тюменского государственного университета.

Крак Шерстонос. (псевдоним, настоящее имя – Павлов Александр Валентинович). Родился 5 марта 1951 г. в Куйбышеве. Окончил философский факультет Уральского университета (1975). Доктор философских наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, книги «Необычайное», руководитель авторского коллектива учебников «Культура народов Ямала», «Культурология». Живет в Тюмени.

Крекнина Людмила Ильинична. (07.12.1951-19.11.2003). Окончила филологический факультет Томского государственного университета. Работала на кафедре русской литературы Тюменского государственного университета. Автор 50 публикаций по творчеству писателей и поэтов XIX века. Жила в Тюмени.

Ломакин Станислав Константинович. Родился 19 апреля 1941 г. Писатель, публицист, ученый, педагог. Работал доцентом кафедры филологии Тюменского государственного нефтегазового университета.

Член Союза писателей России. Автор девяти научных, публицистических книг: «Колокола России», «Русский цыган», «Минувшее тревожит нас», «Избранное» и др. Живет в Тюмени.

Меньшиков Анатолий Николаевич. Родился 9 февраля 1964 г. Окончил Уральский государственный университет. Работал заместителем редактора журнала «Сибирское богатство». Публиковался в журнале «Врата Сибири», в «Литературной газете», на сайтах в сети Интернет. В настоящее время является обозревателем «Российской газеты». Член Союза журналистов России. Живет в Тюмени.

Мешков Юрий Анатольевич. (17.06.1939-27.05.2011) Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

В 1963 г. окончил Орский педагогический институт.

Автор книг: «Николай Асеев: творческая индивидуальность и идейно-художественное развитие» (1987), «Александр Солженицын: Личность. Творчество. Время» (1993), «О поэтах хороших и разных. Очерки. Портреты. Заметки» (2000), «Очерки литературы сибирского Зауралья (Тюменские тетради)» (2010), «Петр Ершов: страницы жизни и творчества» (2012).

Редактор литературной страницы «Слово» газеты «Тюменская правда сегодня» (1999); редактор и составитель областной литературной антологии «Тюменской строкой» (вступительная статья, общая редакция и биографические справки) (2008); главный редактор «Ишимской энциклопедии» (2010). Его последняя прижизненная публикация – Шумский С. Б. Избранное / вступительная статья, составление и примечания Ю. А. Мешкова. – Тюмень: Вектор Бук, 2010.

Под руководством Ю.А. Мешкова НИИ региональных энциклопедий Тюменского государственного университета подготовлены и изданы: «Югория» – энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа в 3-х томах (2000); «Ямал» – энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа в 3-х томах (2004); «Большая Тюменская энциклопедия» в 3-х томах (2004). Жил в Кокчетаве, Свердловске, Тюмени.

Мищенко Александр Петрович. Родился 18 июля 1938 г. в г. Хабаровске. Член Союза писателей России. Автор книг: «Подари озерам жизнь», «Диалоги смутного времени», «Словник», «Побег из Кандагара», «Жизнь: роман-словарь или субъективный словарь», «Письма с солнца». Живет в Тюмени.

Нечволода Владимир Алексеевич. (20.02.1945-9.04.1984) Родился в семье офицера. Закончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор нескольких поэтических книг: «Поющие травы», «Новые стихи», «Имя», «Под северным солнцем», «Наследство», «На земле моей», «Здравствуй, Самотлор: стихи для детей», «У поэзии светлы палаты». Жил в Ишиме, Тюмени.

Николай Азов. (псевдоним по фамилии своей матери и имени деда по линии матери, настоящее имя – Мешков Юрий Анатольевич).

Овсянкин Илья Викторович. Родился 7 ноября 1984 г. В 1999 году учащийся школы-гимназии № 14. В 2000 г. поступил в Тюменский государственный университет на специальность «Международные отношения». С 2003 по 2004 гг. проходил обучение за границей.

Панкова Полина. В 1999 г. – ученица Тюменского медицинского лицея.

Рушева Надежда Николаевна. (31.01.1952-06.03.1969). Родилась в Улан-Баторе – столице Монгольской Народной Республики. Художник. Первая выставка рисунков состоялась в 12 лет (1962). Оставила после себя свыше 10000 рисунков. Диапазон ее творчества широк. Создан цикл рисунков тематических серий: «Эллада», «Космос», «Воспоминания о Варшаве», «Восток», «Пушкиниана» и др. Выполнила иллюстрации к произведениям 50 авторов. Последние рисунки – 200 графических работ к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Семейный фонд Рушевых, отца и дочери, создан в Пушкинском доме.

Сергеева (Фоминцева) Наталья Васильевна. Родилась 02 июня 1977 г. Окончила Тюменский государственный университет, филологический факультет, отделение журналистики. Журналист-фрилансер, преподаватель. Автор повести «Место под солнцем», «Мир, полный любви» (Рожденные летать»), публикации в газетах, журналах и альманахах. Живет в Тюмени.

Синицын Виктор Алексеевич. Родился в 1937 г. в г. Калинин. Окончил Загорский кинотехникум, ЛГИТМиК, Литературный институт им. М.Горького. Актер, режиссер, драматург, Заслуженный деятель искусств РСФСР. Сыграл свыше 130 ролей, поставил свыше 140 спектаклей. Автор 19-ти пьес поставленных в театрах России, в том числе «Белые ночи приходят с Белого моря», «На Восток от Солнца, на Запад от Луны», «Во спасение. Работал главным режиссером Тобольского театра драмы им. П.П. Ершова. Член Союза писателей России. Издал 7 книг.

Стафеева Елена. В 1999 г. – ученица 3-го класса гимназии № 1.

Тагильцева (Хасанова) Анна Владимировна. Родилась 9 июля 1979 года в с. Байкалово Тобольского района Тюменской области. Окончила Тюменский государственный университет, филологический факультет, отделение журналистики. Публиковалась в газетах, журналах и альманахах. Редактор корпоративной газеты ГК «ТюмБИТ» – «Вестник профессионала». Публикует материалы на федеральных сайтах о развитии информационных технологий в Тюменской области. Живет в Тюмени.

Тарханов Андрей Семенович. Родился 13 октября 1936 г. в деревне Аманья Кондинского района Ханты-Мансийского округа. Окончил Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище, Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Союзе Кинематографистов СССР и Высшие литературные курсы Союза писателей при литературном институте им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих сборников стихов, в том числе «Первая завязь», «Зеленый дождь», «Утренний лыжник», «Морошковое лето», «Храм милосердия», «Пасхальный день», «Плач неба», «Колокол грянет». Живет в Ханты-Мансийске.

Таскаева Ольга. В 1999 г. – студентка юридического отделения Тюменского государственного колледжа профессионально-педагогических технологий.

Тоболкин Зот Кириллович. Родился 3 января 1935 г. в деревне Хорзово Заводоуковского района Тюменской области. Закончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Член Союза писателей России. Выпускник Высших режиссерских курсов в Москве. Автор многих прозаических произведений: «Припади к земле», «Лебязжий», «Жил-был Кузьма», «Грустный шут», «Отласы», «У бога за пазухой», «Голгофа» и др. Его пьесы «Геологи», «Верую», «Сказание об Анне» ставились на сценах драматических театров России. Живет в Тюмени.

Хамзина Мария Равильевна. Родилась 04 июня 1978 г. в Новосибирской области. Окончила Тюменский государственный университет, филологический факультет, отделение журналистики. Участница нескольких крупных поэтических семинаров (в Москве, Нижнем Тагиле, Каменск-Уральском), член Союза российских писателей. Автор книги «Осколки витража», «Тень Ангела», публикаций в газетах, альманахах и журналах. Живет в Екатеринбурге.

Херсонский Александр. Журналист. В 1999 г. – сотрудник газеты «Тюменская правда сегодня».

Черкашин Павел Рудольфович. Родился 28 сентября 1972 года в селе Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. По окончании 8-ми классов поступил в Тюменское педагогическое училище на отделение учителей начальных классов. Высшее образование получил в Тюменском государственном университете на филологическом факультете. Член Союза журналистов (2000), Союза писателей (2003). Член Международного литературного клуба «ИнтерЛит» (2004). Член Международного сообщества «Союз творческих сил «Озарение» (2006).

Автор книг прозы «Анастасия», «Чарушинская скамейка», «Кулаково-Каменка-Кулига», «Черный дар», пяти сборников стихотворений «Память детства», «Межсезонье», «С тобой и без тебя», «Случайные ноты» и «Время молитвы», сборника стихотворений и прозы о чеченских событиях «Под чужими звездами Кавказа». Живет в Ханты-Мансийске.

Шамсутдинов Николай Меркамалович. Родился 26 августа 1949 г. на полуострове Ямал. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького (1980). Автор двадцати четырех поэтических книг, основные из которых – «Выучиться ждать», «Прощание с юностью», «Лунная важенка», «Любовь без утоления», «Женщина читает сердцем»), «Покорители», «Точка зрения», «Избранное» в двух томах, «Житье–бытье», «Заветная беззаветность», «Избранное» в трех томах. Перевел на русский язык три поэтические книги. Единственный в Тюменской области член Всемирной ассоциации писателей международного ПЕН–клуба. Председатель Тюменской региональной организации Союза российских писателей. Проживает в городе Тюмени.

Шишкин Николай Эдуардович. Родился 10 февраля 1972 года в Тюмени. Выпускник Тюменского государственного университета. Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории журналистики ТюмГУ. Член Союза журналистов России. Автор ряда учебных пособий, статей, методических материалов, посвященных вопросам журналистики. Живет в Тюмени.

Шумский Сергей Борисович. (1934–2008). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в Красноярске, Норильске, Кемерово. Член Союза писателей России (1979). Более 15 лет руководил Тюменским региональным отделением Союза писателей России (1987–2003). Автор нескольких сборников прозы и публицистики: «Соболихинский баянист», «Качели», «Посреди белой ночи», «Люди и окна», «Я есть», «Пастуший стан», «На утренней заре».

Шурков Вадим. (псевдоним, настоящее имя – Журков Вадим Матвеевич). Окончил Томский государственный университет. Много лет служил в правоохранительных органах. Неоднократно награжден. Был экспертом-криминалистом. Создал музей криминалистики при областном ГУВД. Владел четырьмя европейскими языками. Автор сборника стихов «Диалоги в созвездии Лиры: переводы, переложения, авторские стихи» (2008). Автор публикаций–переводов стихов Гейне, Брентано, Рильке и др. в газетах и журналах. Жил в Тюмени. Скончался в 2010 г.

Юрий Анатолев. (псевдоним, настоящее имя – Мешков Юрий Анатолевич).

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ ПУБЛИКАЦИЙ

Содержит имена и фамилии публикаций авторов в данном литературно-художественном альманахе. Возле имен стоят цифры, отсылающие к странице, на которой находится публикация. Расположение алфавитное «слово за словом».

Азов Николай

(псевд.; настоящее имя – Мешков Юрий Анатольевич) 15, 46, 56

Анатольев Юрий

(псевд.; настоящее имя – Мешков Юрий Анатольевич) 8

Аханов Александр Иванович 35

Вдовенко Евгений Федорович 117

Еманов Александр Георгиевич 5

Ефремова Людмила Георгиевна 41

Жуков Юрий Петрович 60

Захарченко Виктор Иванович 11

Исмагилов Анвар Айдарович

(псевд.; настоящее имя – Саламов Иван Абрамович) 77

Колмакова Ирина 32

Крак Шерстонос 37, 86

Крекнина Людмила Ильинична 44

Ломакин Станислав Константинович 124

Меньшиков Анатолий Николаевич 89

Мешков Юрий Анатольевич.

См. также Азов Николай, Анатольев Юрий 8, 20, 34, 70, 102, 114

Мищенко Александр Петрович 99

Нечволода Владимир Алексеевич 29

Овсянкин Илья Викторович 60

Панкова Полина 72

Разбойников Иван

(псевд.; настоящее имя – Захаров Аркадий Петрович) 61

Рушева Надежда Николаевна 70

Сергеева Наталья Васильевна 120

Синицын Виктор Алексеевич 47

Стафеева Елена 64

Тагильцева Анна 65

Тарханов Андрей Семенович 16

Таскаева Ольга 124

Тоболкин Зот Кириллович 24

Хамзина Мария Равильевна 51, 120

Херсонский Александр 89, 126

Черкашин Павел Рудольфович 110

Шамсутдинов Николай Меркамалович 96

Шишкин Николай Эдуардович 133

Шумский Сергей Борисович 22, 83

Шурков Вадим

(псевд.; настоящее имя – Журков Вадим Матвеевич) 108

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
А.Г. Еманов РОССЫПЬ СЛОВЕСНОГО ЖЕМЧУГА	5

23 января 1999. № 8 (13)

Юрий Мешков СЛОВО РЕДАКТОРА	8
Юрий Анатольев С ИМЕНЕМ ПУШКИНА... ..	8
Виктор Захарченко ЭПОХА ГЕРОЕВ ИВАНА ЕРМАКОВА	11
Н. Азова «ПУШКИН ЧЕРЕЗ ДВА СТОЛЕТИЯ»	15
Андрей Тарханов НОВЫЕ СТИХИ	16

20 февраля 1999. № 20 (25)

Юрий Мешков ПУШКИНСКАЯ ЗИМА	20
Сергей Шумский РАСТЕМ, БРАТЦЫ!.. ..	22
Зот Тоболкин ВСТРЕЧА (Рассказ)	24
Владимир Нечволода «ПЕСНИ ДЕРЗКОГО КРЫЛА...»	29

6 марта 1999. № 26 (31)

Ирина Колмакова ПУШКИНСКИЕ ГЕРОИНИ	32
Юрий Мешков СРЕДЬ ПУШКИНСКИХ СТИХОВ	34
Александр Аханов СИНИЧКА	35
Крак Шерстонос СТРА-АШНЫЙ ЧАЙНИК	37
Людмила Ефремова «ПРОЗРАЧНЫЕ КРЫЛЫШКИ НАШЕЙ ЛЮБВИ»	41

17 апреля 1999. № 44 (49)

Людмила Крекнина ПРАВОСЛАВНЫЙ «АФЕЙ» ПУШКИН	44
Н. Азов «РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПУШКИНСКОЙ СТРОКОЙ»	46
Виктор Сеницын ПУШКИН, МОЦАРТ И САЛЬЕРИ... ..	47
Мария Хамзина НОВЫЕ СТИХИ	51

22 мая 1999. № 59(64)

Н. Азов А.С. ПУШКИН В АНЕКДОТАХ	56
Юрий Жуков, Илья Овсянкин ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН накануне XXI века (отрывок)	60
Иван Разбойников «КНЯЗЮ ПРИБЫЛЬ – «БЕЛКЕ ЧЕСТЬ» (глава из повести)	61
Лена Стафеева РОВЕСНИК	64
Анна Тагильцева «НАЧИНАТЬ ПРИХОДИТСЯ С НУЛЯ...»	65

5 июня 1999. № 65(70)

Юрий Мешков ДАЙ НАМ РУКУ, ПОЭТ! [О РИСУНКАХ НАДИ РУШЕВОЙ]	70
Полина Панкова СУДЬБА, СУДЬБОЮ, О СУДЬБЕ	72
Анвар Исмагилов ВЕЩЕЙ ОЛЕГ НА ТУРКМЕНСКОМ КОНЕ	77

31 июля 1999, № 89 (94)

Сергей Шумский ВСТРЕЧИ С СОЛОУХИНЫМ	83
Крак Шерстонос КРАСИВЫЕ УШИ	86
Александр Херсонский Анатолий Меньшиков: КВАДРАТ ОДИНОЧЕСТВА	89

28 августа 1999, № 101 (106)

Николай Шамсутдинов «В БИЕНИИ СТРОК И СТРУЙ...»	96
Александр Мищенко НЕФТЕВЫШКИ. ЛЮДИ. НЕЗНАКОМКА	99
Юрий Мешков ЧТО ЕСТЬ ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ	102

25 сентября 1999, № 113 (118)

Вадим Шурков ПРОБЫ ВАДИМА ШУРКОВА	108
Павел Черкашин ЗДРАВСТВУЙ, СОЛНЦЕ (рассказ)	110
Юрий Мешков «МЕЛОДИЯ ОДНА – ВЕСНА И БОЛЬ (Заметки о поэзии Людмилы Ефремовой)	114
Евгений Вдовенко БЕРЕЗА, ОЗАРИВШАЯ ТУМАН (стихи)	117

20 ноября 1999, № 137 (142)

Мария Хамзина ПЛАЧЕТ ТИХОНЬКО ФЛЕЙТА... (стихи Натальи Сергеевой)	120
Станислав Ломакин ЧИСТЫЙ НЕКТАР ЖИЗНИ (Ольга Таскаева: стихи в прозе)	124
Александр Херсонский ГОРНЫЕ ДУХИ (глава из повести «Серебряный ключ»)	126
Николай Шишкин РОМАН С ГАЗЕТОЙ	133
Коротко об авторах	136
Указатель авторов публикаций	142

...как это «СЛОВО» отзовется в душе твоей...

(по страницам газеты «Тюменская правда сегодня», 1999 г.)

Литературно-художественный альманах

Компьютерная верстка С. Дерябин

ISBN 978-5-9288-0222-6

Подписано в печать 17.06.2013. Тираж 200 экз.
Объем 12,6 усл. печ. л. Формат 70x108 1/16. Заказ 1276.
Отпечатано в ОАО «Тюменский издательский дом»
г. Тюмень, ул. Шишкова, 6. Тел./факс (3452) 69-56-73.

НОВАЯ ЦЕНА

40 руб — коп

Напечатано:

Следует читать:

Стр. 5
эксерсисы

Стр. 5
экзерсисы

Стр. 140
Тоболкин Зот Кириллович

Стр.140
Тоболкин Зот Корнилович

Стр. 142
Тоболкин Зот Кириллович

Стр. 142
Тоболкин Зот Корнилович

Приносим извинения за допущенные неточности.

